

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

Т. 6, № 3. 2022

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, пом. 2
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, пом. 2
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписку на печатную версию журнала можно оформить
по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс – 85741

Подписано в печать 05.10.2022. Дата выхода в свет 18.10.2022.
Формат журнала 70×108/16. Усл. п. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,20.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 036.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2022

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Аль Махмед Гани Зтайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан	<i>e-mail: Ganiatia@inbox.ru</i>
Андрियाшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления	<i>e-mail: andryiashkomv@mail.ru</i>
Аубакирова Индира Ураловна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая Школа Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М. С. Нарикбаева	<i>e-mail: indastana@gmail.com</i>
Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»	<i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»	<i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок»	<i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования	<i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Гришина Яна Сергеевна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского права	<i>e-mail: grishinel@inbox.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума	<i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Гутников Олег Валентинович	д-р юрид. наук	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса	<i>e-mail: oleg_gutnikov@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»	<i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»	<i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Зиядова Дуряя Зиядиновна	д-р юрид. наук, профессор	ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», профессор	<i>e-mail: Zijadowa@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право»	<i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>

Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Крылов Константин Давыдович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора процессуального права <i>e-mail: kodakr@list.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Международное право» <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления «РАНХиГС при Президенте РФ», профессор <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Мельников Николай Николаевич	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: rurcredit@yandex.ru</i>
Мунам Замиль Саям	канд. экон. наук, профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления <i>e-mail: S_samer@mail.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», доцент кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Кокотов А. Н. Все о Конституции Российской Федерации (обзор выступления на научно-практическом семинаре).....	267
--	-----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Калинина И. А. Эмпатия и мораль в праве в контексте знаний о зеркальных нейронах	276
Петров А. Я. Профессиональное образование и обучение в России в 90-е годы XX столетия (историко-правовой очерк).....	292
Працко Г. С. Актуальные проблемы и перспективы развития школы политической юриспруденции	303
Халифаева А. К., Муртузалиев М. Т. К вопросу об эволюции Римского государства	307

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Липчанская М. А., Балашова Т. Н., Шиндина А. В. Принципы социального государства в условиях цифровой экономики и искусственного интеллекта	312
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Варыгин А. Н. Некоторые методологические проблемы прикладного криминологического исследования	319
Добряков Д. А., Минязева Т. Ф. Виды и места работы осужденных к лишению свободы в Российской Федерации и за рубежом	328
Милюков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление и его виды: проблемные вопросы.....	342
Попов В. А., Пудовкин А. А., Теткин Д. В. Осуществление полномочий собственника как составляющая объективной стороны использования рабского труда: вопросы квалификации	365

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

Крамской В. В. Критический анализ понимания вторичного права как элемента специальной дееспособности	375
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Искевич И. С. Рецензия на книгу Б. А. Куркина «"Тоже победители". Нейтралы Европы и Франция во Второй мировой войне».....	384
Плотникова Т. В., Харин В. В. Феномен «цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства	392

CONTENTS

Kokotov A. N. All about the Constitution of the Russian Federation (Review of the Speech at the Scientific and Practical Seminar).....	267
---	-----

THEORY AND HISTORY OF LAW

Kalinina I. A. Empathy and Morality in Law in the Context of Knowledge about Mirror Neurons.....	276
Petrov A. Ya. Professional Education and Training in Russia in the 1990s (Historical and Legal Essay).....	292
Pratsko G. S. Current Problems and Prospects of Development of the School of Political Jurisprudence.....	303
Halifaeva A. K., Murtuzaliev M. T. On the Question of the Evolution of the Roman State.....	307

PUBLIC LAW

Lipchanskaya M. A., Balashova T. N., Shindina A. V. Principles of the Social State in Conditions of Digital Economy and Artificial Intelligence	312
--	-----

CRIMINAL LAW

Varygin A. N. Some Methodological Problems of Applied Criminological Research.....	319
Dobryakov D. A., Minyazeva T. F. Types and Places of Convicts' Prison Work in the Russian Federation and Abroad.....	328
Milyukov S. F., Dronova T. N. Incomplete Crime and its Types: Problematic Issues	342
Popov V. A., Pudovkin A. A., Tetkin D. V. The Exercise of the Owner's Powers as a Component of the Objective Side of the Use of Slave Labor: Qualification Issues	365

PRIVATE LAW

Kramskoy V. V. Critical Analysis of the Understanding of the Second Law as an Element of Special Legal Capacity	375
--	-----

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Iskevich I. S. Review of the Book "Also Winners". European Neutralists and France in World War II" by Boris A. Kurkin.....	384
Plotnikova T. V., Kharin V. V. The Phenomenon of "Digital Rights" in the Context of Legal Regulation of Virtual Space.....	392

23 мая 2022 г. в рамках работы научного студенческого сообщества Юридического института ТГТУ в формате видеоконференции прошел научно-практический семинар «Все о Конституции РФ» в рамках реализации проекта «Диалог» (научный руководитель проекта профессор В. Г. Баев). Семинар проводил судья Конституционного Суда РФ, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Александр Николаевич Кокотов. Руководитель проекта и модератор встречи профессор В. Г. Баев во вступительном слове подчеркнул важность и ценность проводимых мероприятий для студенческого сообщества: непосредственное общение и возможность прямого разговора с крупнейшими учеными-правоведами Москвы, Петербурга, юристами и историками тамбовских вузов. Заданы интересующие аудиторию вопросы.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Конституционный Суд РФ; Институт ежегодных посланий Конституционного суда; конституционная юстиция в субъектах РФ; правовая ценность; соразмерность.

Александр Николаевич Кокотов, д-р юрид. наук, профессор,
судья Конституционного Суда РФ, Москва, Россия;
ui@tstu.ru

ВСЕ О КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (обзор выступления на научно-практическом семинаре)*

В. Г. Баев: *В чем ценность Конституции?*

А. Н. Кокотов: Говоря о Конституции как ценности важно видеть ее главное предназначение не только в рамках правовой системы, но и в рамках общества в целом. Обычная, традиционная характеристика: Конституция – Основной закон, обладающий высшей юридической силой в системе права. Хотя действующая на сегодняшний день Конституция, будучи фундаментом правовой системы, законодательства, основным законом, себя прямо не называет. Однако если выше закона может быть только закон, то Конституция уже в силу этого выступает в роли основного закона страны. Она выступает в роли своеобразной сокровищницы базовых правовых ценностей для общества, исходных правовых эталонов, на основе которых строится правовое регулирование, происходит, прежде всего, через механизм деятельности Конституционного Суда РФ проверка конституционности действующего законодательства и отдельных фактов правоприменения. Такое практическое применение Конституции в правовой системе крайне важно. Но надо иметь в виду, что Конституция программирует

* Текст подготовлен канд. психол. наук, доцентом С. В. Мещеряковой и старшим преподавателем И. А. Воликовой. URL: <https://youtu.be/CG1lj9jze7Y> (дата обращения: 30.08.2022).

жизнь общества не только как юридический документ. В силу своего особого положения Конституция представляет собой и мировоззренческий, и морально-этический акт, и политический документ.

Таким образом, программный потенциал Конституции реализуется не только через законодательство, но и через все существующие в обществе регулятивные системы. В этом случае Конституция выступает, на мой взгляд, не только в виде основы деятельности государства и общества, но и как основа нашей российской цивилизации. Конституция фиксирует ее особенности и основной вектор ее развития. За решение этой задачи отвечают в первую очередь положения преамбулы Конституции и главы I «Основы конституционного строя»¹.

В. Г. Баев: *Сколько часто решение судов общей юрисдикции основывается на Конституции? Проводит ли Конституционный Суд мониторинг применения Конституции в решениях судов общей юрисдикции?*

А. Н. Кокотов: Конституционный Суд не обладает монополией на применение Конституции. Ее применение относится к обязанностям всех судов, а также и иных органов публичной власти, действующих на основе Конституции в пределах своей компетенции. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды должны выносить решения, безусловно, соответствующие Конституции. Если они полагают, что подлежащие применению нормы не соответствуют Конституции, то обязаны приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке их конституционности.

В чем особенность Конституционного Суда применительно к Конституции в отношении иных судов? Она заключается в том, что Конституционный Суд вправе и обязан не только применять Конституцию, но и в рамках нормоконтрольной деятельности давать квалификацию тем или иным нормативно-правовым актам, как соответствующим или не соответствующим Конституции.

Конституционный Суд какого-то особого мониторинга в отношении применения Конституции иными судами не проводит, у него нет такой компетенции. Кстати, учеными юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета проводятся исследования судебной практики по этому вопросу.

Конституционный Суд имеет возможность взглянуть на эту деятельность иных судов, рассматривая жалобы граждан и их объединений, оспаривающих конституционность тех или иных норм, которые были в их судебных делах применены судами общей юрисдикции или арбитражными судами.

Должен сказать, что суды активно опираются не только на нормы Конституции там, где это необходимо, но и используют правовые позиции

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144 (8198). Ст. 5379.

Конституционного Суда, которые можно рассматривать как своеобразную конкретизацию, развитие положений действующей Конституции.

В. Г. Баев: *Например, Конституционный Суд принимает решение о несоответствии той или иной нормы Конституции, это решение идет в Государственную Думу для внесения изменений в действующее законодательство. Насколько быстро принимаются такие решения?*

А. Н. Кокотов: Этот вопрос связан с практикой и механизмом исполнения решений Конституционного Суда. При этом выделяются два главных направления: Во-первых, нормотворческое, которое адресовано федеральным законодателям и законодателям субъектов РФ. Они, в силу правовой позиции, заложенной в решении Конституционного Суда, обязаны внести определенные изменения в действующее законодательство, в связи с тем, что та или иная норма, проверяемая Конституционным Судом, была признана не соответствующей Конституции в той или иной мере.

Второе направление – это суды общей юрисдикции и арбитражные суды в той части, где перед ними стоит задача вновь обратиться к судебным делам граждан, которые выиграли в Конституционном Суде процессы и ставят вопрос о пересмотре судебных решений, участниками которых они являлись ранее.

Что представляет собой нормотворческое исполнение решений Конституционного Суда федеральным законодателем? На сегодняшний момент сложился довольно развитый механизм такого исполнения решений Конституционного Суда. Так Правительству РФ дается 6 месяцев для подготовки и внесения в Государственную Думу проекта федерального закона, направленного на внесение изменений в действующее законодательство с тем, чтобы реализовать ту или иную позицию Конституционного Суда. Проект такого закона готовится Минюстом или под его контролем. Если правительство не возражает, то соответствующие проекты могут готовиться и иными субъектами законодательной инициативы. А вот срок рассмотрения названного законопроекта федеральным законодателем не установлен. Вместе с тем случаев длительного непринятия федеральным законодателем законов, направленных на исполнение решений Конституционного Суда, не так много. При этом такое непринятие зачастую связано с трудностями концептуального плана – не так просто бывает найти нормативное решение, снимающее поставленную Конституционным Судом проблему.

В. Г. Баев: *По закону Конституционный Суд имеет право выступать с обращением о состоянии конституционной законности в стране. Но до сих пор Конституционный Суд с таким обращением не выступал ни разу. В чем причина?*

А. Н. Кокотов: Законом о поправке к Конституции от 14.03.2020 г. из Конституции изъяты несколько положений. Так, институт ежегодных посланий Конституционного Суда исключен из действующей Конституции и действующего законодательства о Конституционном Суде. Но ежегодно Конституционный Суд принимает решение об исполнении его решений,

в котором дает статистику своей работы, обозначает выявленные им проблемные аспекты проверяемого регулирования. Это решение направляется палатам Федерального Собрания, Президенту и Правительству, Минюсту, которые призваны анализировать проблемы, поставленные Конституционным Судом. Указанные решения Конституционного Суда вполне можно рассматривать как его своеобразные мини-послания.

Р. Л. Никулин, канд. ист. наук: *Система конституционной юстиции России очень долго включала в себя такой элемент, как конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Но сейчас, очевидно, реализуется курс на свертывание данного звена судебной системы. Это закономерное явление или это вопрос политически мотивированный, принимая во внимание решения суда республики Ингушетия?*

А. Н. Кокотов: Нет какого-то одного пути в развитии специализированной конституционной юстиции. Есть разные варианты ее развития в федеративно-организованных странах. Например, в ФРГ есть Конституционный суд ФРГ и есть конституционные суды земель. Во внимание нужно принимать множество факторов: экономических, политических. На современном этапе развития нашей страны принято решение, что конституционный контроль в форме конституционного судопроизводства должен осуществляться из одного центра. Должен сказать, что конституционная юстиция в субъектах РФ полностью этим не перечеркнута. В субъектах РФ могут создаваться несудебные органы (конституционные или уставные палаты), уполномоченные оценивать региональные и муниципальные акты на предмет их соответствия конституциям (уставам) субъектов РФ. Другое дело, что решения названных палат не являются обязательными и окончательными, должны носить рекомендательный характер. Работа по формированию подобной региональной конституционной юстиции ведется, например, в Республике Саха (Якутия). В Свердловской области помимо Уставного суда долгие годы действовал и продолжает активно действовать Институт регионального законодательства. Он анализирует все законы Свердловской области, выносимые на обсуждение законодателей в первом чтении, готовит экспертные заключения по ним, в том числе с точки зрения того, насколько эти акты соответствуют и Конституции РФ и Уставу Свердловской области. Таким образом, существование конституционного уставного нормоконтроля в субъектах РФ имеет разные варианты обеспечения и развития. Время покажет действенность и эффективность конституционных палат в тех субъектах РФ, которые их создадут.

И. Г. Пирожкова, канд. юрид. наук, канд. ист. наук: *Статистика обращений в Конституционный Суд и аналитика этой статистики показывает, что абсолютное большинство постановлений в конце 2010-х гг., например 2018 г., показывает, что 79 % постановлений было вынесено без слушаний по итогам рассмотрения и исследования документов (то есть в рамках письменного производства). И, напротив, в начале*

2010-х гг. статистика «зеркальная». Как Вы могли бы прокомментировать эту тенденцию?

А. Н. Кокотов: Это практика не только Конституционного Суда РФ; в других судах, осуществляющих конституционный нормоконтроль, например, в Верховном суде США, письменное производство также занимает весомое место. В Конституционном Суде РФ письменное производство было введено в 2011 г. Основа его введения – складывание мощного пласта правовых позиций Конституционного Суда, на основе которых новые обращения можно рассматривать в упрощенной процедуре письменного судопроизводства, без проведения публичных заседаний. С 2014 г. число решений, принимаемых в письменном производстве, стало превышать число решений, принимаемых в публичных заседаниях. Сегодня Конституционный Суд рассматривает дела в основном в рамках письменного производства. В последние два года это во многом связано с пандемией Ковид. Кстати, 26 мая 2022 г. Конституционный Суд после длительного перерыва собирается в публичном заседании (не в «цивильных костюмах», а в мантиях) для рассмотрения обращения гражданина из города Воронежа.

Здесь важно обратить внимание на то, что письменное производство, хотя и не связано с приглашением сторон и с публичным (устным) судоговорением, но это все-таки состязательное производство. Это состязание документов, исходящих от сторон. Должен заметить, что не все категории дел могут рассматриваться в письменном производстве. Так, обращения уполномоченных субъектов о толковании Конституции могут рассматриваться только в публичных заседаниях Конституционного Суда.

Г. Командин, студент: *На данный момент в обществе происходят серьезные перемены, неоднократно поднимается вопрос о возвращении смертной казни как высшей меры наказания. Сейчас действует мораторий именно Конституционного Суда на смертную казнь. Вернется ли, по Вашему мнению, такой вид наказания в Уголовный кодекс. Есть ли вероятность, что Конституционный Суд этот мораторий будет снимать?*

А. Н. Кокотов: Сенатор А. А. Клишас, позицию которого я разделяю, высказал свое мнение по этому вопросу. Он отметил, что прекращение юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) на Российскую Федерацию не является единственным препятствием для возобновления применения смертной казни в Российской Федерации². Есть еще и правовые позиции Конституционного Суда РФ. Согласно подходу Конституционного Суда (например, Определение от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р), в течение длительного времени в Российской Федерации сложился конституционно-правовой режим неприменения смертной казни. Введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории России не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта

² Россия перестает являться Высокой Договаривающейся Стороной данной Конвенции 16 сентября 2022 года (Резолюция ЕСПЧ от 22.03.2022).

присяжных заседателей. Названный конституционно-правовой режим можно оценить как обыкновение конституционной практики. Такие обыкновения должны уважаться, соблюдаться, как и законы.

Р. В. Косов, канд. ист. наук: *В последнее время возрастает роль правовых ценностей. В изменениях Конституции 2020 г. появилось значительное количество статей, в которых присутствуют категории «правовые ценности». Например, статья 75.1, которая говорит о социальной солидарности. Не размывается ли таким образом содержание Конституции? Что такое правовая ценность? В чем смысл соотношения правовой ценности и правовых принципов?*

А. Н. Кокотов: Конституцию можно рассматривать во всем ее внутреннем богатом содержании, в том числе в той части, в которой она закрепляет базовые принципы, как совокупность определенных потребительных правовых стоимостей, то есть как ценностей. В рамках правовой системы и общества в целом Конституция также выступает такой совокупной потребительной ценностью. Правовые ценности, включая конституционные, отличает от иных ценностей нормативность их содержания.

Порой бывает, что необходима корректировка указанных ценностей. Но при этом важно сохранить стабильность Конституции. Дело в том, что Конституция сильна тогда, когда она неизменна в части ее фундаментальных положений. В этом смысле Конституция требует отношения к себе как к «юридической библии», как к канону гражданского мира и согласия в обществе, как к документу, который закрепляет самые важные компромиссы, пусть не совсем совершенным образом, между разными социальными группами. Лучшим способом изменения Конституции без подрыва ее стабильности является ее толкование, а не изменение текста. С другой стороны, изменение организации того же парламента, сокращения или расширения числа его депутатов, сенаторов может быть произведено только путем изменения текста Конституции. Другое дело, что такие изменения важно минимизировать по принципу «Конституцию следует менять тогда, когда ее нельзя не менять». Иное девальвирует конституционные ценности.

Значение конституционных норм как ценности общественной жизни связано еще и с тем, что эти правовые потребительные стоимости выступают в качестве таковых на фоне того или иного уровня правовой культуры и правосознания общества. Конституция – ценность, когда мы к ней относимся как к ценности. Такой мостик от собственно Конституции как ценности к тем социальным институтам и сферам деятельности, где эта ценность наполняется реальным содержанием.

Р. В. Косов, канд. ист. наук: *На Ваш взгляд, национальные правовые ценности могут быть, например, для нашей страны или же правовые ценности носят универсальный характер?*

А. Н. Кокотов: К правовым ценностям конституционного уровня относятся, например, такие национально окрашенные категории, как суверенитет, право народов на самоопределение, право национальных, языко-

вых меньшинств на защиту их коллективных прав. Весомо их значение в России как стране многонациональной и многоконфессиональной, где непросто искать и выработать формулы согласия между разными группами населения. При этом ядром множества конституционных ценностей выступают все же ценности наднациональные или вненациональные. В их числе верховенство права, достоинство личности, равенство всех перед законом и судом.

С. А. Иванов, канд. юрид. наук: *Нет законодательно установленных критериев морального ущерба. Проводит ли Конституционный Суд мониторинг единой практики по таким вопросам, и нет ли предложений Конституционного Суда создать единые законодательные подходы или критерии, чтобы определять соразмерность взысканий морального вреда, неустойки с учетом того, что это затрагивает один из важнейших конституционных принципов – принцип равноправия?*

А. Н. Кокотов: Проблема соразмерности, в частности соразмерности санкций, перед Конституционным Судом встает регулярно. Недавно Конституционный Суд разбирал вопрос возможности взыскания морального вреда в ситуации, когда в отношении лица было совершено имущественное преступление. Может вообще здесь взыскиваться моральный вред? Это постановление по жалобе гражданина С. Ф. Шиловского³. Конституционный Суд принял решение с далеко идущими последствиями, что моральный вред в этой ситуации может взыскиваться на основе принципа соразмерности. При этом в определении критериев соразмерности возмещения такого вреда Конституционному Суду не надо идти впереди судов общей юрисдикции, арбитражных судов. Кроме того, Конституционный Суд в более широком масштабе неоднократно обращался к проблемам соразмерности, в частности к проблемам соразмерности административных санкций. Именно с подачи Конституционного Суда в Кодексе об административных правонарушениях появился институт ниже нижнего предела такой же, как и в Уголовном кодексе.

В. Г. Баев: *Конституция соразмерна уровню правовой культуры российского общества, господствующему уровню юридического мышления? Здесь соразмерность присутствует? Или Конституция как документ прогрессивный тянет за собой и заставляет общество подниматься выше?*

А. Н. Кокотов: Верю, что Конституция – это документ, который позволяет обществу при известном к нему отношении подтягивать общий уровень правовой культуры, правосознания к высоким стандартам, которые заложены в Конституции Российской Федерации. Есть известное выражение: Конституция – это то, что о ней думают конституционные судьи.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 45-ППо делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения 14.06.2022).

Я бы все-таки ставил вопрос иначе: Конституция это то, что о ней думают граждане страны, как они относятся в Конституции. Мало того, чтобы Конституция содержала положения, которые позволяют подтягивать к высоким правовым ценностям граждан, важно чтобы еще и граждане тянулись к этим ценностям, воспринимали их как необходимые им потребительские правовые стоимости.

Список литературы

1. **Конституция Российской Федерации** (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144 (8198). Ст. 5379.

2. **Конвенция** о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // КонсультантПлюс. URL: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/> (дата обращения: 14.06.2022).

3. **Постановление** Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 45-П по делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения: 14.06.2022).

References

1. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, no. 144 (8198), art. 5379. (In Russ.).

2. *Konventsija o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms], available at: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/> (accessed 14 June 2022).

3. **Available at:** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (accessed 14 June 2022).

All about the Constitution of the Russian Federation (Review of the Speech at the Scientific and Practical Seminar)

A. N. Kokotov, *Dr. Sci. (Law), Professor,
Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation,
Moscow, Russia;
ui@tstu.ru*

On May 23, 2022, the scientific student community of the Law Institute of TSTU held a scientific and practical seminar "All about the Constitution of the Russian Federation" in the format of a videoconference as part of the implementation of the "Dialogue" project (scientific supervisor of the project, Professor V. G. Baev). The seminar was conducted by a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the

Russian Federation, Doctor of Law, Professor Alexander Nikolaevich Kokotov. The head of the project, the moderator of the meeting, Professor V. G. Baev, in his opening speech, emphasized the importance and value of the ongoing events for the student community: direct communication and the possibility of a direct conversation with the largest legal scholars of Moscow, St. Petersburg, lawyers and historians of Tambov universities. Questions of interest were discussed.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; Institute of Annual Messages of the Constitutional Court; constitutional justice in the subjects of the Russian Federation; legal value; proportionality.

© А. Н. Кокотов, 2022

Статья поступила в редакцию 24.05.2022

При цитировании использовать:

Кокотов А. Н. Все о Конституции Российской Федерации (обзор выступления на научно-практическом семинаре) // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 3. С. 267 – 275. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.267-275

Рассмотрено значение достижений в сфере изучения головного мозга, а главное – в отношении системы зеркальных нейронов, для оценки адекватности им общепризнанного учения о правах и свободах личности. Проведен анализ необходимости осмысления идей об автономии воли в контексте принятия биологических основ эмпатии и морали.

Определена ценность концепции зеркальных нейронов для права не в констатации биологической программы на автоматическое копирование поведения других людей, а в обращении внимания и научное обоснование биологической востребованности человека в социальных коммуникациях и в идентификации себя в правовой, политической, культурной, общественной и личной сферах. Сформулирован вывод о том, что современные достижения в области биологии мозга определяют пересмотр правового регулирования в отдельных отраслевых сферах, но общее учение о правах и свободах человека, автономии личности, о высшей ценности человека следует еще более развивать и укреплять, основываясь на идеях гуманизма и патриотизма (социальной идентичности).

Ключевые слова: биология; зеркальные нейроны; эмпатия; мораль; свобода; воля; общество; право; гуманизм.

Ирина Анатольевна Калинина, канд. юрид. наук, доцент
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
ia-kalinina@mail.ru

ЭМПАТИЯ И МОРАЛЬ В ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ ЗНАНИЙ О ЗЕРКАЛЬНЫХ НЕЙРОНАХ

Введение

Эмпатия и мораль являются атрибутами социальных коммуникаций. Мораль выступает одним из видов социальных регуляторов, а эмпатия представляет собой механизм осмысления происходящего и определения собственного поведения посредством понимания другого лица. Соответственно, мораль и эмпатия представляют собой элемент культуры общества и базис гуманного отношения в нем. Утверждение необходимости соблюдения моральных норм позволяет реализовать их ценностно-регулирующее воздействие на общественные отношения, является гарантией безопасности взаимодействия людей.

Представления о морали являются атрибутом общества. Нормы морали призваны упорядочивать общественные отношения и социальные связи, выступая для индивидов мерилom надлежащего поведения. Нормы морали в праве обеспечивают равенство и справедливость, гарантирован-

ность прав и свобод, а также состояние безопасности и защищенности. Учение о морали всегда занимало важное место в философских, политических и правовых изысканиях на протяжении всей истории политико-правовой мысли. Не может не восхищать универсальность моральных стандартов, будь то регулирование отношений в семье или в масштабе государств и мирового правопорядка. Удивительно, что общество способно формулировать для себя моральные нормы, а индивиды следуют этим нормам, принимая их должный и обоснованный характер, хотя некоторые и делают для себя исключения из этих правил.

На протяжении многих веков философы объясняли учение о морали, нравственные начала в праве через абстрактные категории и конструкции, оторванные от человека как биологического вида. Однако рассмотрение моральных основ функционирования общества невозможно без обращения к ее органическим основам. Традиционно проблема прав и свобод человека раскрывается в контексте системы «человек – общество». Но современная наука однозначно свидетельствует о необходимости анализа прав и свобод человека в системе «природа – человек – общество». Человек является частью природы, он следует врожденным программам (самосохранение, размножение, питание и др.), а его поведение определяется системой потребностей, в том числе обусловленных его биологией. Для каждого из нас окружающий мир и внутренний мир – не есть нечто объективное и универсальное; они такие, какими их доносит наш мозг. Поэтому восприятие общественной реальности вторично анатомическим особенностям функционирования головного мозга конкретного человека с учетом его анатомии, заболеваний, особенностей социализации. Мысли и поведение человека детерминируются различными факторами природного и социального характера, по-своему проявляющимися с учетом возраста, гендера, социального положения, условий воспитания и прочих факторов. Это закономерно ставит вопрос о биологических основах морали и мотивации индивида следовать представлениям о должном поведении.

Методы

Биологические основы и детерминанты морального сознания привлекают все больше внимания в исследованиях, посвященных биологии мозга. Особого внимания для правового осмысления социального бытия здесь заслуживает обращение именно к биологическим детерминантам морального или, напротив, асоциального (неморального) поведения. И в помощь для этого осмысления – современные знания о мозге и его биологии, а также такие новые междисциплинарные сферы познания, как нейроэтика (междисциплинарная область исследований, сосредоточенная на этических проблемах, возникающих в результате расширения знаний о мозге и понимания биологических основ деятельности и принятия этических решений [1]; познание человеческой личности и ее ответственности в контексте знаний о мозге [25, с. 253]; «нейронаучная этика» [21, с. 87]) и нейросоциология (междисциплинарное изучение нейронных процессов и социального поведения человека; познание «нейрофизиологических процессов социального поведения» [19, с. 9]), где исследуется влияние биологии

человека на его поведение в обществе в личной, политической, правовой и иных пространствах. Исследования в биологии мозга подкрепляются и уточняются в ряде областей психологии, таких как психология развития, психология эмоций и когнитивная психология, а также психиатрии. В комплексе исследования в указанных сферах объясняют, что является источником эмпатии и морали, и как данные феномены реализуют себя во вне.

Значение здесь приобретает исследование участков головного мозга и нейросетей, ответственных за социальное поведение, их взаимодействие («социальный мозг» [20].) Особую роль в моральном создании отдают зеркальным нейронам, определяя их функционал и взаимодействие с иными нейросетями головного мозга в моделировании и репрезентации социального поведения. Благодаря мощному прорыву науки в области биологии мозга за последние тридцать лет ученые получили данные, недоступные ранее философам и ученым. В настоящее время стало очевидным, что «в основе феномена эмпатии лежит ряд кортикальных и подкорковых механизмов, к которым можно отнести эмоциональный резонанс, зеркальные процессы, ощущение эмоциональной привязанности, самоидентификацию, понимание мыслительного процесса и принятие перспективы», а нейросканирование мозга позволило выявить корреляции между эмпатией и физиологической активностью головного мозга [9, с. 107]. Поэтому в изучении представлений о правомерном поведении в контексте биологических основ поведения человека особый интерес представляет обращение к исследованиям о мозге и о зеркальных нейронах («brain's mirror system»).

Выводы и результаты о эмпатии и морали в праве автор формулирует на основании научных исследований в сфере биологии, психиатрии и психологии; автор сознательно не обращается к исследованиям в сфере права и философии.

Результаты

Концепция зеркальных нейронов свидетельствует, что человек – существо биологическое и социальное. На биологическом уровне мы зависимы от других людей, выстраивая свое поведение и пространство, опираясь на них. Все наше поведение пропускается через механизмы имитации, мимикрии и эмпатии. Наш социальный опыт – это опыт других и это опыт той социальной и культурной общности, в которой мы растем, развиваемся, функционируем. Представляется, что концепция зеркальных нейронов не отвергает идею автономной личности и свободы воли, но однозначно свидетельствует, что все наше существование пронизано другими людьми. В этом состоит невероятный потенциал и заряд к развитию идей о гражданском обществе, правовом государстве, благоприятных условий жизни для будущих поколений. Поскольку наше видение мира – это результат восприятия объективных явлений через собственную биологию, то представляются верными и телеологически обоснованными выводы классиков философской и политико-правовой мысли о том, что источником морального закона является человек. Мы все разные и в биологическом и в социальном плане, именно поэтому обществу необходимы единые нормы –

мораль, которая является воплощением должного поведения и обеспечивает правопорядок и безопасность в обществе, реализуясь в правовых предписаниях и культуре народа.

Обсуждение

Зеркальные нейроны. Впервые зеркальные нейроны были обнаружены и описаны нейрофизиологами Джакомо Ризцоллатти, Витторио Галлезе, Лучано Фадига и Лео Фогасси в Италии, городе Парме, в начале 1990-х годов. Зеркальными нейронами называют «нервные клетки, первоначально обнаруженные в области F5 в премоторной коре у обезьян, которые активируются при непосредственном выполнении определенных действий, а также при зрительном или аудиальном восприятии как аналогичных действий, так и внешне различающихся, но совпадающих по цели выполнения» [2, с. 11]. Исследования зеркальных нейронов доказали, что «восприятие и действие не разграничены между собой в мозгу»; «это две стороны одной медали, неотделимые друг от друга», поскольку зеркальные нейроны – это одновременно и моторные нейроны и нейроны восприятия [25, с. 21, 22]. В процессе исследований ученые пришли к идее эволюции системы зеркальных нейронов, что у человека выразилось в развитии способности не только понимания чужих физических действий, но и понимания намерений, мыслей и чувств, определяющих данные действия, что возможно благодаря установлению реципрокных связей с другими отделами мозга, такими как лимбическая система и медиальная часть префронтальной коры; произошло «формирование некоторых чисто человеческих социальных умений, таких как “теория чужого разума” (англ. – theory of mind), эмпатия и языковая коммуникация» [13, с. 143].

Зеркальные нейроны исследуются неинвазивными (МРТ, ЭЭГ, МЭГ, ПЭТ) и инвазивными методами (электроды помещаются непосредственно в участки мозга при помощи хирургических операций). Идентифицируют активность зеркальных нейронов через реактивность сенсомоторного альфа- (или мю)-ритма ЭЭГ (неинвазивный метод).

Зеркальные нейроны определяют наличие в мозге человека активности, которая соответствует наблюдаемым действиям, так, как если бы человек сам совершал это наблюдаемое действие. «Зеркально» отражаются не только действия, но и эмоции.

Функционал зеркальных нейронов определяют следующим: реализуют интегративные процессы [4; 8, с. 102]; «нейронная система участников женского пола проявляет более сильный моторный резонанс, чем участников мужского пола», «усиление эмпатической способности у женщин по сравнению с мужчинами» (МЭГ, ЭЭГ, возбудимость спинального рефлекса) [4, с. 48; 7; 8]; обеспечивают приспособление к окружающей среде [3, с. 59]; определяют эстетическое восприятие [26]; предполагают, что «возрастная динамика изменения реактивности мю-ритма может быть результатом постепенного развития и усложнения специализированных нейронных сетей, участвующих в реализации выполнения и наблюдения действий» [2, с. 7]; устанавливают взаимосвязь зеркальных нейронов и участков головного мозга, ответственных за продукцию речи (ЭЭГ, ФМРТ) [4, с. 50; 6]; люди с хорошим развитием эмоционального интеллекта

(эмпатии), легче и быстрее воспринимают правильные фразы или абсурдность неправильных фраз [18, с. 165]; «возможность определять намерения другого человека в процессе наблюдения» [4, с. 57]; человек учится «социальному поведению, коммуникации, социальному познанию», «речь» [4, с. 57]; обеспечивают автоматическую имитацию и мимику; прогнозируют последующие действия другого человека и определяют намерения; облегчают обучение; обеспечивают обучение через подражание или обучение с учителем; вовлекают в эмпатию, сочувствие, переживание (МРТ, ЭЭГ, МЭГ); обеспечивают неврологическую основу самосознания человека; активируются, если наблюдаемое действие является целенаправленным; вовлекают в процесс формирования собственного «Я»; кодируют наблюдаемые действия; отвечают за эмоции (отвращение, боль, счастье); определяют эмоциональные проекции и самосознание; дисфункция влечет аутизм и др.

Концепция зеркальных нейронов является достаточно молодой сферой исследований, включающей и гипотезы, и допущения. Но для ученых уже очевиден тот факт, что ее выявление определяет существенный прорыв в исследовании биологических основ социального поведения индивидов в обществе через призму их способности понимать эмоции и поведение других людей. Система зеркальных нейронов выступает биологической основой эмпатии и морали. При этом сами зеркальные нейроны не отвечают собственно за эмпатию, но обеспечивают «нейронную основу для связи между своими собственными переживаниями и переживаниями других людей за счет неосознанного подражания им» [17, с. 136]. Знания о зеркальных нейронах изменяют наши представления о том, «как мы, люди, на самом деле воспринимаем мир и действуем в нем, будучи общественными животными» [25, с. 30].

Эмпатия. Способность человека понимать поведение других лиц является важной способностью для него как для биологического, так и социального существа. Речь идет о способности, раскрывающейся в терминах — рефлексия, эмпатия, сопереживание, самосознание, ментализация. Способность к эмпатии определяется системой зеркальных нейронов и иных участков головного мозга в их интеграции.

Эмпатия как физическая и психическая способность индивида представляет собой сложный и многообразный механизм, который позволяет соиспытывать, мысленно моделировать переживания других людей, способность имитировать и понимать другого человека; является элементом когнитивных процессов, обеспечивая восприятие и познание внешнего мира. Элементами эмпатии являются: имитация и мимика («система зеркальных нейронов»), когнитивное усилие, рассуждение, предугадывание социального намерения, распознавание символических жестов, просодия, способность поставить себя на место другого (и в пространственном, и в ментальном смысле). Выделяют два вида эмпатии — эмоциональную и когнитивную. Эмоциональная эмпатия, с одной стороны, определяет альтруистическое поведение, развитие морали, групповую сплоченность, ограничивает агрессию внутри группы, с другой стороны, поддерживает разграничение и дистанцию с другими группами, обеспечивая успешное существование и выживание группы. Когнитивная эмпатия определилась

из-за социального развития и усложнения социальных связей и обусловлена потребностью индивидов «предсказывать поведение других, поддерживать коммуникацию, развивать социальную экспертизу, обманывать и распознавать ложь» [10, с. 61]. Эмпатия – сложная и в основе своей социально позитивная способность. Этим она противопоставляется «технической» способности человека к имитации и симуляции.

Эмпатия как биологическая способность и психологический (коммуникативный) навык формируется и развивается по мере взросления человека; здесь прямая связь между биологией (ростом) человека, развитием соответствующих структур головного мозга и формированием личности как социального существа. В раннем детстве эмпатические навыки ребенка формируются через его общение с матерью, ментально реагирующей на его физиологические и психологические потребности, с иными близкими людьми. Опытным путем определено, что функционирование системы зеркальных нейронов типично развивающихся здоровых детей имеет прямую связь с формированием их социальных навыков [12, с. 22]. Эмпирические исследования поведения детей свидетельствуют, что моральное поведение через когнитивные процессы как будто настойчиво и закономерно проявляет и реализует себя в моделях поведения детей, усиливая свои позиции из года в год в процессе их взросления [23]. Расширение круга общения, разнообразный социальный опыт формируют личность; «обучение переживанию чувств, их распознаванию, удерживанию, оценке и адекватному выражению чрезвычайно важно в формировании идентичности» [11, с. 55]. Метаморфоза необходимости находиться в контакте со своими чувствами представлена в мифе о Нарциссе, где нимфа Эхо была неспособна выразить себя и свои чувства и погибла.

Биологическая способность к эмпатии определяет процессы идентификации себя не только в близком окружении, но и в отношении с иными группами. Исследования демонстрируют, что «зеркальный» эффект в моторной коре наиболее выражен при наблюдении за действиями представителей так называемых «Мы-групп» и практически не фиксируется при наблюдении за действиями представителей из «Они-групп» [2, с. 13; 13, с. 144]; в контексте эмпатии здесь усматривается эволюционный механизм противопоставления своих и чужих, что определяется влиянием расовой предвзятости (racial bias) [10, с. 62, 63]. При этом «эмпатия детерминирует внушаемость вне зависимости от размера социальной общности», что подтверждает такой факт, как «рассмотрение любого социального феномена должно начинаться с изучения его возможных физиологических основ» [9, с. 110].

Мораль как социальный феномен и эмпатия как биологическая способность человека. Моральное развитие личности – это процесс освоения и принятия правил социальных отношений, а также процесс становления мышления с точки зрения нравственности. Моральное развитие личности определяется когнитивными процессами, и с детства до взросления осознанное следование принятым в социальной среде нормам морали трансформируется в способность формировать собственные моральные суждения и принципы (Ж. Пиаже и Л. Кольберг) [17, с. 133]. Ученые все чаще рассматривают сложную природу моральности как составляющую часть

успешного выживания группы» [17, с. 135]. Именно поэтому неотъемлемой составляющей эмпатии является альтруизм.

Все это позволяет сделать вывод, что моральное сознание биологически основывается на зеркальных нейронах и нейронных сетях, в системе обеспечивающих способность эмпатии, но они не являются собственно источником морали. Базовым в понимании системы зеркальных нейронов являются представления о копировании и мимикрии. Поэтому зеркальные нейроны могут стать основой и для девиантного поведения. Так, последние десятилетия научное сообщество и специалисты озабочены пагубным влиянием общедоступности информации и геймеризации населения, особенно детей, где культивируются агрессия и насилие. Опытным путем доказано, что знакомство с насилием через СМИ в раннем возрасте закономерно приводит к агрессивному и насильственному поведению, которое способно проявиться через десяток лет [25, с. 242 – 248].

Таким образом, мораль необходима как социальное явление, ее источником выступают биология и законы природного мира. Современные исследования биологии свидетельствуют, что мораль глубоко укоренена в биологии.

Отступления от традиционных представлений о добре и зле происходит по разным причинам: и социальным и биологическим. Ранее об эмпатии излагалось как о предпосылке морального сознания, но необходимо понимать, что с точки зрения биологии мозга – в основе эмпатии – имитация и мимикрия. Поэтому ошибочно было бы рассматривать эмпатию исключительно с позиции морального и правомерного поведения. Переживание в детстве чрезмерных отрицательных эмоций, депривация, социальная изоляция, агрессия и насилие способны определить в дальнейшем трудности в социализации и самоопределении индивида; здесь собственный социальный опыт уже вряд ли будет вписываться в традиционные нормы морали. И даже в простых житейских ситуациях будет сложно понимать другое лицо.

Мораль и «иная» эмпатия. Психология уделяет особое внимание в поведении человека анализу нормы и патологии. В противовес этому в учении о праве человек есть некий эталон – индивид, следующий моральному закону. Но обществу необходимо принять тот факт, что некоторым людям «недоступна» мораль как социальный регулятор. В обществе всегда присутствуют лица, чье восприятие действительности в силу их особой биологии иное, чем у подавляющего большинства лиц, составляющих конкретный социум.

«Работоспособность» зеркальных нейронов и иных отделов мозга, определяющих способность к эмпатии, зависит не только от биологических факторов (наследственность/генетика и приобретенные заболевания [5]), но и от личного опыта человека (эпигенетика). Эмпатия является важнейшей предпосылкой морального чувства у индивида и механизмом его социализации. Вместе с тем «эмпатия может стать как основой для морального суждения или акта, так и помехой для них, что обусловлено многокомпонентным составом механизма эмпатического переживания» [24, с. 28].

За функционирование «социального мозга» ответственны различные участки головного мозга (миндалины, орбито-фронтальная кора, височные доли, сенсорная кора, зрительная кора, отделы памяти и др.). Нарушения в работе указанных анатомических отделов мозга влекут личностные изменения в человеке, способны породить агрессивность в поведении и неадекватное истолкование эмоций других лиц. Так, повреждения вентромедиальной префронтальной коры приводят к следующим последствиям: ошибки в восприятии эмоций и жестов других людей; неспособность точно оценить бестактность, сарказм, вынести моральные суждения; апатия, невозможность переживания чувства вины, раскаяния, сочувствия; аффективная взрывчатость, антисоциальные тенденции и др. [20, с. 341–342]. У лиц, страдающих *аутизмом*, имеется дисфункция (дефицит активности) системы зеркальных нейронов, что имеет своим следствием социальную изолированность и неспособность к сопереживанию [2, с. 12; 15; 16, 17, с. 138]. При *эпилепсии* нарушается работоспособность отделов головного мозга, ответственных за эмпатию [5].

В случае патологии можно говорить о соответствующих расстройствах личности, а также о психопатии.

Некоторые психические расстройства могут обострять эмпатию или сводить ее к минимуму или делать ее избирательной. При этом развитое чувство эмпатии при психопатологиях не является залогом «морального» поведения, а скорее выступает инструментом достижения успеха в своем антисоциальном поведении.

Так, *пограничное личностное расстройство* характеризуется слабыми самоопределением и самоидентификацией (иногда и в отношении половой идентификации); «обостренное восприятие людей приводит к психическим микротравматизациям и провоцирует изменения состояния» (чувствуют себя подавленными, ничтожными, очень злыми, одинокими, непонятыми, покинутыми, преданными другими людьми; мысли о повреждениях и самоубийстве). Такие лица «часто бывают непохожими сами на себя, так как любят менять свое поведение, внешний вид, способ самовыражения»; «такого человека можно принять за кого-то другого». Вместе с тем они «обладают тонкой психической организацией с хорошо развитой эмпатией»; «функционирование глубинной бессознательной системы разума обострено»; «они характеризуют себя как хорошо разбирающихся в межличностных отношениях» [11, с. 70 – 72].

При *нарциссическом расстройстве личности* имеет место избирательность эмпатии (от ее отсутствия до присутствия в патологической форме к конкретному лицу) [11, с. 104, 109].

При *антисоциальном расстройстве личности* также может отсутствовать способность эмпатии; такие лица трудно социализируются, имеются дефекты сопереживания и раскаяния; «остаются нераспознанными, прежде всего, состояния грусти, тревоги и страха», «в то же время идентифицируются гнев и агрессия, а также чувство радости» [11, с. 119 – 133, 142]. При этом у лиц с *теневой формой антисоциального расстройства личности* «развитый социальный интерес обеспечивает гибкость, изворотливость и совершенность ролевого поведения, обеспечивающие эффективность социальных взаимодействий и приспособления» [11, с. 136 – 140].

Низкий уровень эмпатии в пределах относительной нормы, как правило, встречается у лиц с *шизоидной и истероидной акцентуациями* характера [9, с. 108].

Нормотический индивидуум «не думает о других людях», «полностью фиксируется на каждодневной событийной стороне происходящего», «не характерны чувственные переживания». Он демонстрирует «обедненную продукцию альфа-элементов», при этом «регистрирует и коммуницирует потоки бета-элементов непроработанных внутренних факторов, которые не включаются в субъективные состояния психики». «Наиболее ужасающим уроком концентрационных лагерей, Хиросимы является то, что люди, участвовавшие в этих преступлениях, не были чудовищами, а были нормотическими людьми» [11, с. 209 – 212].

Представленные характеристики психических расстройств личности непосредственно сказываются и на моральности и правомерности их поведения. Вместе с тем порой методы коррекции весьма ограничены и неэффективны. Так, в отношении асоциального расстройства личности констатируется, что эффективных методов коррекции «очень мало» [11, с. 144].

Иным аспектом в понимании действия моральных норм в современном мире является обращение к метаморфозам социального сознания в условиях ухода процессов личной самоидентификации и коммуникаций в *виртуальное пространство*. Формируется культура интернет-аддиктов.

«Проживание» жизни в интернет-пространстве необратимо изменяет межличностные отношения, практики и спектры эмоций и чувств (эмпатии, ментализации, культурной идентичности); «погруженность в интернет-аддикцию влияет на оценку себя, своего места в социальной жизни, затрагивает ряд генетически сформированных жизненно важных психобиологических драйвов, включая, например, сам драйв выживания, аутодеструктивный, сексуальный драйв, а также драйв, связанный с приемом пищи»; «подвергается изменению оценка травматических событий, переживания, покидания страха и тревоги»; сужается спектр эмоциональных реакций; снижаются способности в сфере поэтических переживаний; происходит стирание границ в эмоциональном восприятии реально происходящих воображаемых событий; отсутствие каких-либо стойких привязанностей к людям в реальном мире находится в очевидной связи с атрофией многих чувственных состояний. В итоге из общения выпадает «чувственное», «неуловимое», то, что невозможно передать словами. Все это способно привести к снижению способности эмпатии [11, с. 161 – 165].

Интернет-аддикции не только нарушают эмоциональную составляющую социальных коммуникаций, но и деформируют самоидентификацию. Особенно это сказывается в отношении детей и подростков по причине продолжающегося развития у них головного мозга. В ходе эмпирических исследований интернет-аддикций выявлены изменения в личностных характеристиках: «низкие показатели самооценки, стрессоустойчивости, волевой саморегуляции; неуверенность в себе, депрессия, а также высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, агрессивности и враждебности»; сформулирован вывод о том, что «подобного рода изменения психологического статуса напрямую могут быть связаны с особенностями функ-

ционирования мозга, нарушением кортико-лимбического соподчинения в сторону превалирования функций подкорковых структур» [22].

В некоторых странах интернет-аддикция признается заболеванием. Так, в Южной Корее имел место трагический случай смерти трехмесячного ребенка в результате истощения, родители забывали его кормить, поскольку много времени проводили за компьютерными играми. Суд признал их невиновными в смерти ребенка по причине указанного заболевания [11, с. 172–173]. Много десятилетий ведутся дискуссии о допустимости абортов с точки зрения этики и права, но как современное общество готово оценивать такое поведение родителей и такое отношение законодательной и судебной власти к смерти ребенка через призму морали и правомерности?

Представленные примеры свидетельствуют о врожденной или приобретенной деформации чувства эмпатии с антисоциальным вектором. Как до таких людей донести наследие политико-правовой мысли о человеке как о высшей ценности? Как мотивировать их к соблюдению моральных норм и требований закона в сфере социальных коммуникаций? Как объяснить различие между свободой воли и волюнтаризмом? Эффективны ли здесь будут меры по социализации и государственному принуждению? Каковы границы возможного государственного вмешательства (административного и медицинского) в личную жизнь людей с антисоциальным и девиантным поведением? Конечно, на все данные вопросы есть ответы в научных исследованиях и в отраслевом законодательстве, в том числе с учетом установленных законом видов юридической ответственности. Но вместе с тем и очевидно то, что новые знания о биологии человека и новые вызовы современной действительности настоятельно определяют необходимость осмысления общемировых ценностей и стандартов в сфере прав и свобод человека в новых реалиях с учетом новых (дополнительных) исходных данных.

Сомнения в автономии воли. В концепции зеркальных нейронов имеется и обратная сторона, которая ставит под сомнение наличие свободы воли: «зеркальные нейроны в нашем мозгу способствуют автоматическим имитационным воздействиям, которые мы испытываем зачастую неосознанно и которые ограничивают нашу самостоятельность, заставляя нас подчиняться мощным социальным импульсам» [25, с. 249]. Такой функционал зеркальных нейронов ставит под сомнение учение о свободе воли, которое оформлялось и развивалось веками. В итоге в философии и теории права, основывающихся на умозрительных конструкциях автономии, свободы и ответственности заведомо отсутствовал биологический базис опровержения автономии воли человека. Но нейронаучная этика, сосредоточенная на создании на основе данных когнитивных наук эволюционной этики и на объяснении «моральных феноменов деятельностью нейронных связей», определяет «пересмотр проблемы свободы воли» [21, с. 87]. Укоренившиеся в теоретико-правовой мысли представления о человеке как о существе, способном «подняться над своим биологическим устройством и сформировать себя на основании своих идей и социальных принципов»,

опровергаются выводами нейронауки о том, что «социальные принципы во многом продиктованы нашей биологией», а именно «наша социальность, будучи, возможно, высшим достижением рода человеческого, вместе с тем ограничивает нашу автономию как индивидуумов» [25, с. 323].

Система зеркальных нейронов не исключает автоматически свободу воли, но ставит ее определенным образом под сомнение.

Вместе с тем очевидно, что мы обладаем оформленным знанием о моральных нормах и должном поведении в обществе и понимаем значимость следования моральным нормам, корректируя свое поведение в соответствии с ними как эталоном личного бытия и социальных коммуникаций. Источник морали можно продолжать искать в анатомии мозга человека. Возможно, здесь выдвижение различных гипотез и проведение соответствующих экспериментов. Так, М. Якобони формулирует гипотезу, что от совершения асоциальных действий, имитируемых зеркальными нейронами, человека защищает некая надсистема зеркальных нейронов, которая сдерживает автоматизм зеркальных нейронов (подавление реакции «классических» зеркальных нейронов в отношении навязчивого повторения всех увиденных действий), хотя сам уточняет, что экспериментально его теория о зеркальных супернейронах не подтверждена, но такое объяснение сдерживающего механизма зеркальных нейронов выглядит правдоподобно [25, с. 250–251].

Мораль и биоэтика в аспекте прав человека. Вывод о том, что мораль основана на биологии содержит в себе весьма неоднозначный с точки зрения социального эффекта и правовых последствий заряд. Если мораль — это то, что относится к сфере естественных наук, следовательно, на нее возможно воздействовать и корректировать ее с помощью научных (прикладных) технологий. В итоге, сама нейронаука становится проблемой биоэтики, поскольку «в ее варианте натурализации морали актуализируется вопрос об улучшении человека»: «сначала это воздействие диктуется желанием помочь людям с психоневрологическими нарушениями, а затем — стремлением усовершенствовать здоровых, чтобы улучшить их когнитивные, а затем и моральные качества, поскольку в эволюционно понимаемой этике развитие когнитивных способностей одновременно ведет и к моральному прогрессу» [21, с. 89].

Представляется, что спешить делать ревизию канонов морали и права не стоит. Следует наблюдать за достижениями в естественнонаучных сферах и учитывать их, но в теории функционирования общества оправданно оставаться в границах классических представлений, которые на протяжении многих десятилетий и веков положительно себя зарекомендовали в практике социальных коммуникаций и государственного устройства. Как выразился один из первооткрывателей зеркальных нейронов Витторио Галлезе: «Я бы сказал, что следует ориентироваться на классическую для философии цель самопознания и следовать хотя бы минимальному этическому принципу: уменьшать и предотвращать страдание, а не играть, как с огнем, с эволюцией второго порядка, которая вполне может выйти из-под контроля» [14, с. 381].

Заключение

Настоящее исследование не ставило перед собой задачу найти ответы на вопросы биологии или психологии: расположение зеркальных нейронов, их взаимодействие с отделами мозга, строгий функционал зеркальных нейронов; участки мозга, ответственные за эмоциональную и когнитивную эмпатию, и проч. Назначение настоящего исследования состоит в обращении внимания правоведов на биологическую обусловленность поведения человека, описываемую современными исследованиями в сфере биологии и нейрологии, в контексте формирования на протяжении столетий универсальных представлений о морали, о должном поведении индивида в правовом пространстве, о правовых ценностях в обществе. И акцент здесь ставим именно на универсальности данных феноменов. Мораль и право всегда были и будут универсальными социальными регуляторами, поскольку в их основе идеи о добре и зле, о должном поведении, о признании человека его прав и свобод в качестве высшей ценности, о состоянии гарантированной безопасности в обществе и государстве. Назначением же закона как позитивного права выступает конституирование социальных ценностей, установление системы их гарантированности, но при этом – и учет влияния биологии на функционирование человека в обществе как в контексте обеспечения принципов справедливости и равенства, так и необходимости эффективной системы превенций и принуждения в целях обеспечения режима законности, правопорядка и качества жизни как общества, так и отдельных индивидов.

Мы приводим данные из нейронауки и эмпирических исследований, чтобы подчеркнуть значимость указанной сферы естественных наук для теории права, учения о морали и свободе воли (автономии) личности, а также чтобы продемонстрировать, что концепция системы зеркальных нейронов – это не некий тренд в биологии, который можно использовать в теории права для умозрительных (спекулятивных) заключений, а реальная действительность – это знания, с которыми человеку дальше жить и развивать свое социальное пространство, в том числе в сфере установления и соблюдения адаптированных к науке правовых предписаний. Эта сфера нуждается в особой аккуратности и тактичности суждений, чтобы прорыв в области биологии мозга не разрушил, а укрепил общемировые правовые ценности и стандарты, и еще больше усилил позиции человека для государства, общества, окружения в качестве высшей ценности, определяя тем самым идеи о равенстве, справедливости и гуманизме. Представляется, что ценность концепции зеркальных нейронов для права состоит не в утверждении биологической программы на автоматическое копирование поведения других людей, а в обращении внимания и научное обоснование биологической востребованности человека в социальных коммуникациях и в идентификации себя в правовой, политической (чувство патриотизма), культурной, общественной и личной сферах.

Список литературы

1. **Адина Роскис (Adina Roskies)**. Нейроэтика [Электронный ресурс] / пер. с англ. Ильин Иван. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/neuroethics> (дата обращения: 10.02.2022).

2. **Аликина М. А., Махин С. А., Павленко В. Б.** Амплитудно-частотные, топографические, возрастные особенности и функциональное значение сенсомоторного ритма ЭЭГ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Биология. Химия. 2016. Т. 2 (68), № 2. С. 3 – 24.
3. **Ананьев В. Н., Ананьева О. В.** Зеркальные нейроны и гипноз как физиологический механизм акцептора результата действия функциональной системы академика П. К. Анохина // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-1. С. 56 – 62.
4. **Базян А. С.** Зеркальные нейроны, физиологическая роль, особенности функционирования и эмоционально насыщенная когнитивная карта мозга // Успехи физиологических наук. 2019. Т. 50, № 2. С. 42 – 62.
5. **Буркитбаев С. Е., Каримова Е. Д.** Исследование мю-ритма пациентов с височной эпилепсией: метод независимых компонент // Сб. тр. XXV науч. школы-конф. молодых ученых по физиологии высшей нервной деятельности и нейрофизиологии. М., 2021. С. 46 – 51.
6. **Бушов Ю. В., Ушаков В. А., Светлик М. В.** Зеркальные нейроны в формировании речи // Вестник психофизиологии. 2019. № 1. С. 105 – 107.
7. **Зависимость** активности «коммуникативных» зеркальных нейронов у человека от пола и латеральной организации мозга / Ю. В. Бушов и др. // Вестник психофизиологии. 2020. № 1. С. 65 – 75.
8. **Роль** зеркальных нейронов в интерпретации действий и намерений / Ю. В. Бушов и др. // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2021. № 56. С. 86 – 107.
9. **Власов Н. А.** Эмпатия как социально-психологическая детерминанта внушаемости в средней группе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 2 (44). С. 106 – 110.
10. **Ермолова М. Ю.** Что такое эмпатия: когнитивные теории и модели // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 4. С. 59 – 66.
11. **Короленко Ц. П., Шпикс Т. А., Турчанинова И. В.** Психодинамическая психиатрия и аддиктология: монография / под науч. ред. Ц. П. Короленко. Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2020. 277 с.
12. **Лебедева Н. Н., Зуфман А. И., Мальцев В. Ю.** Система зеркальных нейронов мозга: ключ к обучению, формированию личности и пониманию чужого сознания // Успехи физиологических наук. 2017. Т. 48, № 4. С. 16 – 28.
13. **Махин С. А.** Система «зеркальных нейронов»: актуальные достижения и перспективы ЭЭГ-исследований // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Биология. Химия. 2012. Т. 25 (64), № 1. С. 142 – 146.
14. **Метцингер Т.** Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: АСТ, 2017. 651 с.
15. **Микфельд Я. О.** Реализация нейропсихологического подхода в процессе применения сенсорной стимуляции по методу Альфреда Томатиса // Педагогика и современность. 2016. № 2 (22). С. 69-72.
16. **Мисюк Н. Н., Докукина Т. В., Марчук С. А., Сергеева Н.А., Гребень С. А.** Нейрофизиологические исследования при аутизме // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2012. № 4 (10). С. 96 – 109.
17. **Орехова Л. С.** Психологические и психофизиологические механизмы становления морали у детей раннего возраста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2015. Т. 1 (67), № 1. С. 132 – 143.
18. **Португальская А. А., Левенчик Г. Я., Павленко В. Б.** Активность зеркальной системы мозга при восприятии речи и ее взаимосвязь с уровнем интел-

лекта и эмпатии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия. 2021. Т. 7 (73), № 1. С. 156 – 168.

19. **Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо.** Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.

20. **Рычкова О. В.** Социальный мозг – новый объяснительный конструкт в психологии? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 335 – 344.

21. **Сидорова Т. А.** Нейроэтика между этикой и моралью // Идеи и идеалы. 2018. №2 (36). С. 75 – 99.

22. **Тайгибова З. А., Рабаданова А. И.** Психофизиологические особенности лиц с интернет-аддикцией // Вестник психофизиологии. 2021. № 1. С. 67 – 75.

23. **Юдина Т. О.** Роль врожденных и средовых факторов в развитии эмпатии: обзор зарубежных исследований // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 2. С. 13 – 23.

24. **Юдина Т. О.** Эмпатия и мораль: место встречи (обзор зарубежных исследований) // Шаги-Steps. 2017. Т. 3, № 1. С. 28 – 39.

25. **Якобони М.** Отражаясь в людях: Почему мы понимаем друг друга / пер. с англ. Л. Мотылев. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 366 с.

26. **Fogassi L., Ferrari P.F., Gesierich B., Rozzi S., Chersi F., Rizzolatti G.** Parietal lobe: from action organization to intention understanding // Science. 2005. V. 308, No. 5722. P. 662 – 667.

References

1. **Adina Roskis (Adina Roskies).** available at: <https://brickofknowledge.com/articles/neuroethics> (accessed 10 February 2022).

2. **Alikina M.A., Makhin S.A., Pavlenko V.B.** [Amplitude-frequency, topographic, age-related features and functional significance of the EEG sensorimotor rhythm], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Biologiya. Khimiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Biology. Chemistry], 2016, v. 2(68), no. 2, pp. 3-24. (In Russ.).

3. **Anan'yev V.N., Anan'yeva O.V.** [Mirror neurons and hypnosis as a physiological mechanism of the acceptor of the result of the action of the functional system of academician P. K. Anokhin], *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2021, no. 69-1, pp. 56-62. (In Russ.).

4. **Bazyan A.S.** [Mirror neurons, physiological role, features of functioning and emotionally rich cognitive map of the brain], *Uspekhi fiziologicheskikh nauk* [Advances in the physiological sciences], 2019, v. 50, no. 2, pp. 42-62. (In Russ.).

5. **Burkitbayev S.Ye., Karimova Ye.D.** [Study of the mu-rhythm of patients with temporal lobe epilepsy: the method of independent components], *V sbornike: Sbornik trudov XXV nauchnoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh po fiziologii vysshey nervnoy deyatelnosti i neyrofiziologii. Materialy shkoly-konferentsii* [Sat. tr. XXV scientific. school-conf. young scientists in the physiology of higher nervous activity and neurophysiology], Moscow, 2021, pp. 46-51. (In Russ.).

6. **Bushov Yu.V., Ushakov V.A., Svetlik M.V.** [Mirror neurons in the formation of speech], *Vestnik psikhofiziologii* [Bulletin of psychophysiology], 2019, no. 1, pp. 105-107. (In Russ.).

7. **Bushov Yu.V., Ushakov V.L., Svetlik M.V., Kartashov S.I., Yesipenko Ye.A., Orlov V.A.** [Dependence of the activity of "communicative" mirror neurons in humans on gender and lateral organization of the brain], *Vestnik psikhofiziologii* [Bulletin of psychophysiology], 2020, no. 1, pp. 65-75. (In Russ.).

8. **Bushov Yu.V., Ushakov V.L., Svetlik M.V., Kartashov S.I., Orlov V.A.** [The role of mirror neurons in interpreting actions and intentions], *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Biologiya [Tomsk State University Bulletin. Biology], 2021, no. 56, pp. 86-107. (In Russ.).

9. **Vlasov N.A.** [Empathy as a socio-psychological determinant of suggestibility in the middle group], *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Yaroslavl State University. P. G. Demidov. Series Humanities], 2018, no. 2 (44), pp. 106-110. (In Russ.).

10. **Yermolova M.Yu.** [What is empathy: cognitive theories and models], *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2016, v. 5, no. 4, pp. 59-66. (In Russ.).

11. **Korolenko Ts.P., Shpiks P.A., Turchaninova I.V.** *Psikhodinamicheskaya psikhatriya i addiktologiya* [Psychodynamic psychiatry and addiction], Novosibirsk: Nemo Press, 2020. 277 p. (In Russ.).

12. **Lebedeva N.N., Zufman A.I., Mal'tsev V.Yu.** [The mirror neuron system of the brain: the key to learning, personality formation and understanding of other people's consciousness], *Uspekhi fiziologicheskikh nauk* [Advances in the physiological sciences], 2017, v. 48, no. 4, pp. 16-28. (In Russ.).

13. **Makhin S.A.** ["Mirror Neurons" System: Current Achievements and Prospects for EEG Research], *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Biologiya. Khimiya* [Scientific notes of the Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series: Biology. Chemistry], 2012, v. 25(64), no. 1, pp. 142-146. (In Russ.).

14. **Mettsinger T.** *Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego* [The Science of the Brain and the Myth of the Self. The Ego Tunnel], Moscow: AST, 2017, 651 p. (In Russ.).

15. **Mikfel'd Ya.O.** [Implementation of the neuropsychological approach in the process of applying sensory stimulation according to the method of Alfred Tomatis], *Pedagogika i sovremennost'* [Pedagogy and modernity], 2016, no. 2(22), pp. 69-72. (In Russ.).

16. **Misyuk N.N., Dokukina T.V., Marchuk S.A., Sergeyeva N.A., Greben' S.A.** [Neurophysiological studies in autism], *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya* [Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology], 2012, no. 4(10), pp. 96-109. (In Russ.).

17. **Orekhova L.S.** [Psychological and psychophysiological mechanisms of the formation of morality in children of early age], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2015, v. 1(67), no. 1, pp. 132-143. (In Russ.).

18. **Portugal'skaya A.A., Levenchik G.Ya., Pavlenko V.B.** [Activity of the mirror system of the brain during speech perception and its relationship with the level of intellect and empathy], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Biologiya. Khimiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Biology. Chemistry], 2021, v. 7(73), no. 1, pp. 156-168. (In Russ.).

19. **Ritstsolatti Dzhakomo, Sinigal'ya Korrado.** *Zerkala v mozge: O mekhanizmakh sovmesnogo deystviya i soperezhivaniya* [Mirrors in the brain: On the mechanisms of joint action and empathy], Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 208 p. (In Russ.).

20. **Rychkova O.V.** [Social brain - a new explanatory construct in psychology?], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific statements of the Belgorod State University. Series: Humanities], 2010, no. 24(95), pp. 335-344. (In Russ.).

21. **Sidorova T.A.** [Neuroethics between ethics and morality], *Idei i ideal'y* [Ideas and ideals], 2018, no. 2(36), pp. 75-99. (In Russ.).

22. **Taygibova Z.A., Rabadanova A.I.** [Psychophysiological characteristics of individuals with Internet addiction], *Vestnik psikhofiziologii* [Bulletin of psychophysiology], 2021, no. 1, pp. 67-75. (In Russ.).

23. **Yudina T.O.** [The role of innate and environmental factors in the development of empathy: a review of foreign studies], *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2017, v. 13, no. 2, pp. 13-23. (In Russ.).

24. **Yudina T.O.** [Empathy and morality: a meeting place (a review of foreign studies)], *Shagi-Steps* [Steps-Steps], 2017, v. 3, no. 1, pp. 28-39. (In Russ.).

25. **Yakoboni M.** *Otrazhayas' v lyudyakh: Pochemu my ponimayem drug druga* [Reflecting in people: Why do we understand each other], Moscow: Yunayted Press, 2011. 366 p. (In Russ.).

26. **Fogassi L., Ferrari P.F., Gesierich B., Rozzi S., Chersi F., Rizzolatti G.** Parietal lobe: from action organization to intention understanding, *Science*, 2005, v. 308, no. 5722, pp. 662-667.

Empathy and Morality in Law in the Context of Knowledge about Mirror Neurons

I. A. Kalinina, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil law and Process,
Tambov State Technical University, Tambov Russia;
ia-kalinina@mail.ru*

The article evaluates the importance of achievements in the field of brain research, and most importantly in relation to the system of mirror neurons to assess the adequacy of the universally recognized doctrine of the rights and freedoms of the individual. The analysis of the need to comprehend the ideas about the autonomy of the will in the context of the adoption of the biological foundations of empathy and morality is carried out.

The value of the concept of mirror neurons for the right is determined not in the statement of a biological program for automatic copying of the behavior of other people, but in the attention and scientific justification of the biological relevance of a person in social communications and in self-identification in the legal, political, cultural, public and personal spheres. The conclusion is formulated that modern achievements in the field of brain biology will determine the revision of legal regulation in certain industry areas, but the general doctrine of human rights and freedoms, personal autonomy, and the highest human value should be further developed and strengthened based on the ideas of humanism and patriotism (social identity).

Keywords: biology; mirror neurons; empathy; morality; freedom; will; society; law; humanism.

© И. А. Калинина, 2022

Статья поступила в редакцию 15.02.2021

При цитировании использовать:

Калинина И. А. Эмпатия и мораль в праве в контексте знаний о зеркальных нейронах // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 276 – 291. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.276-291

Статья является продолжением исследования, посвященного правовым вопросам эволюции системы обучения рабочих и профессионального образования в ПТУ в Советском Союзе. Исследованы правовые основы профессионального образования в Российской Федерации постсоветского времени. Автор характеризует нормативные основы и организацию профессионального обучения в 1990-е гг.

Ключевые слова: профессиональное образование; профессиональное обучение; законодательство об образовании; постсоветское право.

**Алексей Яковлевич Петров, д-р юрид. наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
alexey.petrov@yandex.ru**

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ В РОССИИ В 90-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК)

Введение¹

Важнейшим в истории правового регулирования профессионального образования и обучения был Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (*далее – Закон*), который закрепил следующие формы: профессиональная подготовка; начальное профессиональное образование; среднее профессиональное образование; высшее профессиональное образование; послевузовское профессиональное образование; дополнительное образование².

В соответствии со ст. 21 Закона профессиональная подготовка могла быть получена не только в образовательных учреждениях профессионального образования, но и в образовательных подразделениях организации, имеющих соответствующие лицензии, и в порядке индивидуальной подготовки у специалистов или рабочих, имеющих соответствующую квалификацию.

¹ Как отмечал видный ученый-юрист «правовые явления нужно изучать в их историческом развитии. Сегодняшние правовые реалии определяются правовым прошлым. Более того, правовые реалии сегодняшнего дня в значительной мере диктуют завтрашний день». См. Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 8.

² Как отмечают представители педагогики, дополнительное профессиональное образование формировалось параллельно с профессиональным образованием, но не имело автономной институциональной основы вплоть до 1992 г. (термин «дополнительное профессиональное образование» был впервые закреплен в Законе РФ «Об образовании»). Исследование проблем дополнительного профессионального образования до подписания Российской Федерацией в 2003 г. Болонской декларации, развивалось в том числе по следующим основным направлениям:

- 1) повышение квалификации руководителей для народного хозяйства;
- 2) дополнительное профессиональное образование взрослых как один из факторов непрерывного образования (Н. И. Булаев, Г. Г. Гранатов, Т. Я. Кузнецова и др.).

Только при наличии соответствующей лицензии работодатель вправе был по окончании обучения оформить ученику документ, подтверждающий его квалификацию (образование). Документ о получении специальности являлся основанием для присвоения квалификации (разряда, класса, категории) по определенной профессии³.

В пределах каждого уровня профессионального образования *основной задачей дополнительного образования являлось непрерывное повышение квалификации рабочего, служащего, специалиста* в связи с постоянным совершенствованием федеральных государственных образовательных стандартов (в ред. от 01.12.2007 № 309-ФЗ). Закон (вопреки КЗоТ 1971 г.) не предусматривал термина «профессиональное обучение».

Обсуждение

Теоретический и практический интерес представляет не только указанный фундаментальный закон, но и такой подзаконный нормативный правовой акт, как Положение об организации профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки высвобождаемых работников и незанятого населения (*далее* – Положение)⁴.

В соответствии с Положением профессиональная подготовка, повышение квалификации и переподготовка (профессиональное обучение) высвобождаемых работников и незанятого населения была призвана способствовать обеспечению эффективной, свободно избранной занятости граждан, удовлетворению их потребностей в обучении и повышении роста профессионального мастерства, усилению конкурентоспособности в условиях рыночной экономики, их профессиональной мобильности и социальной защищенности.

Решение этих задач должна была обеспечивать система профессионального обучения высвобождаемых работников и незанятого населения, являющаяся составной частью непрерывного образования работников. Она представляла собой совокупность учебных центров службы занятости, ее подразделений, организующих профессиональное обучение граждан, учебных заведений министерств, ведомств, учебных подразделений предприятий, учреждений, организаций, негосударственных организаций (учебных заведений), осуществляющих обучение по договорам с соответствующими органами службы занятости.

Профессиональное обучение высвобождаемых работников и незанятого населения осуществлялось, как правило, по профессиям (специальностям), пользующимся спросом на рынке труда. Обучение граждан под конкретные рабочие места проводилось в случаях заключения службой

³ Очевидно, в Законе допущено смешение различных правовых терминов «профессия» и «специальность».

⁴ Во исполнение пункта 7 Постановления Правительства РФ от 14 мая 1992 г. № 315 «О системе профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки высвобождаемых работников и незанятого населения». Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2014 г. № 245 настоящее постановление признано утратившим силу // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

занятости договоров с предприятиями на трудоустройство граждан, выделения предприятиями рабочих мест в соответствии с установленными законодательством квотами.

Профессиональное обучение высвобождаемых работников и незанятого населения включало в себя:

– подготовку (первоначальное обучение) рабочих – для лиц, не имеющих профессий, желающих приобрести профессии и трудиться по данным профессиям;

– переподготовку (переобучение) рабочих и специалистов в целях обучения граждан новым профессиям (специальностям), если им службой занятости не могла быть предложена подходящая работа по имеющимся у них профессиям (специальностям), либо ими утрачена способность к выполнению работы по этим профессиям (специальностям);

– обучение рабочих вторым (смежным) профессиям, проводимое в случаях, если трудоустройство на новом рабочем месте требует от них умения работать по нескольким профессиям;

– повышение квалификации рабочих и специалистов в целях совершенствования знаний, умений и навыков по имеющимся у граждан профессиям (специальностям), повышения роста профессионализма и компетентности, освоения новых функциональных обязанностей, особенностей предстоящей трудовой деятельности, изучения рыночных экономических отношений, предпринимательства и других вопросов⁵.

Профессиональное обучение высвобождаемых работников и незанятого населения осуществлялось, в том числе на предприятиях. Для их обучения должны были широко использоваться возможности предприятий, имеющих необходимые условия, и прежде всего тех, на которых возможно трудоустройство после обучения.

Организацию профессионального обучения высвобождаемых работников и незанятого населения в органах службы занятости осуществляли соответствующие подразделения (отделы, бюро, секторы) или работники, выполняющие эти функции. Высвобождаемые работники, обратившиеся в службу занятости по вопросам профессионального обучения, лица, зарегистрированные в службе занятости в качестве ищущих работу и нуждающиеся в обучении, проходили профессиональное консультирование в целях ознакомления с рынком рабочей силы, требованиями к уровню квалификации по профессиям (специальностям), возможностями и условиями обучения. При этом им должно быть предложено несколько возможных и доступных вариантов выбора профессии (специальности), места учебы, из которых они были вправе выбрать наиболее подходящие⁶.

Органы службы занятости заключали с учебными заведениями, предприятиями договоры на профессиональное обучение высвобождаемых работников и незанятого населения, предусматривающие численность обу-

⁵ Слово сочетание «повышение роста профессионализма и компетентности» вряд ли логично.

⁶ Термин «рынок рабочей силы» неприемлем для российского права вообще и для трудового права, в частности. Рабочая сила (способности к труду) не является субъектом права, – это психофизиологическая категория (нередко используется в экономической науке и социологии). (Прим. автора).

чающихся граждан по профессиям (специальностям, направлениям обучения, уровню квалификации), сроки обучения и его стоимость, взаимные обязательства.

С лицами, зарегистрированными в службе занятости в качестве ищущих работу и нуждающихся в обучении, органы службы занятости заключали договоры на обучение, на основании которых этим лицам выдавались направления на обучение установленной формы.

Профессиональное обучение высвобождаемых в плановом порядке работников предприятий организовывалось этими предприятиями либо предприятиями, принимающими на работу указанных работников, а также органами службы занятости на договорных условиях с предприятиями, высвобождающими работников.

Профессиональное обучение высвобождаемых работников и незанятого населения организовывалось и проводилось как по курсовой, так и индивидуальной форме. При курсовой форме обучения учебные группы укомплектовывались численностью, как правило, не менее 10 человек в каждой из лиц, обучаемых по одной или родственным (смежным) профессиям (специальностям), имеющих близкую квалификацию, с учетом их общеобразовательной и профессиональной подготовки.

Сроки профессионального обучения устанавливались учебными заведениями, предприятиями, на базе которых проводится обучение, как правило, до 6 месяцев, а в отдельных случаях – до одного года и более. При этом, исходя из необходимости полного освоения соответствующих учебных программ, сроки обучения могли изменяться с учетом категории обучаемых, уровня их профессиональной подготовки, практического опыта, возможностей и форм обучения (дневной, вечерней).

Высвобождаемые и незанятые граждане из числа специалистов, изъявивших желание освоить профессии рабочих и трудиться по этим профессиям, проходили обучение в установленном порядке. При этом сроки обучения устанавливались в каждом отдельном случае.

Лица, направленные службой занятости на обучение, могли по возможности проходить ускоренный курс обучения. Решение об этом на основании письменных заявлений обучающихся принимали учебные заведения, предприятия, где проводилось обучение по согласованию со службой занятости.

Отчисление лиц, направленных службой занятости на обучение, за непосещение занятий, нарушение учебной дисциплины и другим причинам осуществлялось в установленном порядке учебными заведениями, предприятиями с предварительным уведомлением соответствующих органов службы занятости.

Профессиональное обучение высвобождаемых работников и незанятого населения заканчивалось сдачей квалификационных экзаменов или зачетов (защитой рефератов, выпускных работ), предусмотренных учебными планами и программами и проводимых в установленном порядке учебными заведениями, предприятиями, которыми проводилось обучение.

Период профессионального обучения незанятых граждан засчитывался в их трудовой стаж.

В случаях, когда профессиональное обучение проходило по направлению службы занятости, работники, которые, трудясь в течение двух лет,

предшествующих высвобождению, не имели возможности повысить квалификацию или получить смежную профессию на предприятиях, с которых произошло высвобождение, все затраты на их обучение производились за счет средств данных предприятий. Прохождение работниками профессионального обучения за два года, предшествующих высвобождению, подтверждалось соответствующими документами (удостоверениями, свидетельствами и др.) установленной формы, записями в трудовых книжках, предусмотренными законодательством⁷.

В *Основных направлениях подготовки кадров для рыночной экономики*, одобренных Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 4 ноября 1993 г. № 1137, были сформулированы новые подходы к содержанию профессиональной подготовки и переподготовки руководителей и специалистов организации⁸.

В частности, непрерывность обучения этих категорий работников должны были обеспечивать следующие его виды:

- систематическое самостоятельное обучение работника (самообразование) по индивидуальному плану, утверждаемому его непосредственным руководителем и выполняемому под его контролем;

- участие не реже одного раза в месяц в постоянно действующих семинарах по производственным и экономическим вопросам как по месту работы, так и в других организациях;

- краткосрочное (по мере необходимости, но не реже одного раза в год) обучение по месту работы или в образовательных учреждениях (подразделениях) системы повышения квалификации и переподготовки кадров;

- длительное периодическое обучение (не реже одного раза в 5 лет) в образовательных учреждениях (подразделениях) системы повышения квалификации и переподготовки кадров;

- стажировку в передовых организациях, ведущих научных организациях, образовательных учреждениях высшего профессионального образования, в том числе за рубежом;

⁷ Приложение к Постановлению Федеральной службы занятости России, Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ, Министерства образования РФ от 22 июля 1992 г. № 13/53/777/26-13. Утратило силу с 24 марта 2000 года на основании совместного постановления от 13 января 2000 г. Минтруда России № 3 и Минобразования России № 1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Представляется обоснованным применение в Положении термина «договоры на профессиональное обучение».

См. также Постановление Правительства РФ от 22 июня 1999 г. № 659 «О мерах по поддержанию занятости населения», которое предусматривало необходимость расширения направления профессиональной переподготовки специалистов в целях повышения их профессиональной мобильности с учетом изменения ситуации на рынке труда // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

⁸ «Подготовка кадров» самый неудачный термин за всю историю правового регулирования профессионального образования и профессионального обучения (*прим. автора*).

– обучение в целевой аспирантуре, докторантуре по темам, интересующим данную организацию;

– переподготовку – получение новой специальности в академиях, институтах повышения квалификации, межотраслевых региональных центрах повышения квалификации и переподготовки, учебных центрах службы занятости, а также в структурных подразделениях повышения квалификации и переподготовки образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования.

Цель профессиональной переподготовки специалистов – получение ими дополнительных знаний, умений и навыков по образовательным программам, предусматривающим изучение отдельных дисциплин, разделов науки, техники и технологии, необходимых для выполнения нового вида профессиональной деятельности. Обучение осуществлялось на основе договоров, заключаемых образовательными учреждениями с федеральными органами исполнительной власти, организациями всех форм собственности, государственной службой занятости населения, другими юридическими лицами⁹.

Профессиональная переподготовка специалистов проводилась с отрывом от работы, без отрыва, с частичным отрывом. Формы профессиональной переподготовки устанавливались образовательным учреждением в зависимости от сложности образовательных программ и в соответствии с потребностями заказчика на основании заключенного с ним договора. Слушатели, выполнившие все требования учебного плана и прошедшие государственную итоговую аттестацию, получали диплом установленного образца. Диплом о профессиональной переподготовке не являлся документом о высшем или среднем профессиональном образовании, а лишь удостоверял право специалиста вести профессиональную деятельность в определенной сфере на базе имеющегося высшего или среднего профессионального образования в соответствии с установленными квалификационными требованиями по должностным категориям работников.

Цель повышения квалификации специалистов – обновление их теоретических и практических знаний в соответствии с постоянно повышающимися требованиями государственных образовательных стандартов. Повышение квалификации проводилось по мере необходимости, но не реже одного раза в 5 лет в течение всей трудовой деятельности работника¹⁰.

В целях создания условий для развития предпринимательской деятельности незанятого населения, обеспечения подготовки кадров для рыночной экономики было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 1995 г. № 224 «Об организации обучения незанятого населения основам предпринимательской деятельности»¹¹.

Обучение основам предпринимательской деятельности незанятых граждан, зарегистрированных в службе занятости в качестве безработных и прошедших профессиональный отбор, осуществлялось по направлению органов службы занятости.

⁹ Слова «другими юридическими лицами» не совсем к месту (*прим. автора*).

¹⁰ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации (САПП РФ). 1993. № 46. Ст. 4456.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1052.

Профессиональное обучение безработных граждан и незанятого населения в целях последующей организации предпринимательской деятельности являлось *одним из направлений профессионального обучения*. Оно могло быть как самостоятельным курсом, так и одним из разделов учебного плана при профессиональной подготовке, переподготовке, обучении вторым профессиям, повышении квалификации.

Профессиональное обучение безработных граждан и незанятого населения осуществлялось по очной и очно-заочной (вечерней) формам обучения; оно могло быть курсовым (групповым) или индивидуальным. Профессиональное обучение в зависимости от его вида и формы включало в себя теоретический курс, производственное обучение (производственную практику) и при необходимости стажировку. Профессиональное обучение безработных граждан и незанятого населения осуществлялось на учебно-производственной базе образовательных учреждений, организаций, а также на рабочих (учебных) местах организаций независимо от организационно-правовой формы на основе договоров, заключаемых с ними органами по вопросам занятости.

Право в приоритетном порядке пройти профессиональное обучение имели инвалиды, безработные граждане по истечении шестимесячного периода безработицы, граждане, уволенные с военной службы, жены (мужья) военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, выпускники общеобразовательных учреждений, а также граждане, впервые ищущие работу (ранее не работавшие), не имеющие профессии (специальности). Реализация данного нормативно-правового акта проходила согласно Положению об организации обучения незанятого населения основам предпринимательской деятельности (*далее – Положение*)¹².

Положение предусматривало, что целью обучения незанятого населения основам предпринимательской деятельности является подготовка граждан к указанной деятельности, а также к работе в коммерческих организациях, путем приобретения ими необходимых правовых, экономических, социальных, других профессиональных знаний, умений и навыков в избранной сфере предпринимательства.

Следует подчеркнуть, что обучение незанятого населения основам предпринимательской деятельности являлось составной частью действующей в Российской Федерации системы профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки высвобождаемых работников и незанятого населения и рассматривалось как один из видов дополнительного профессионального образования.

Конкретный вид обучения незанятого населения основам предпринимательской деятельности устанавливался с учетом базового образовательного уровня граждан, опыта их профессиональной и практической деятельности, связанной с избранными ими направлениями предпринимательства.

Обучение незанятого населения основам предпринимательской деятельности могло быть как самостоятельным курсом дополнительного

¹² Утв. Приказом Федеральной службы занятости России от 18 апреля 1996 г. № 93 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

профессионального образования, так и одним из разделов учебного плана при обучении незанятого населения. Обучение незанятого населения основам предпринимательской деятельности включало теоретическое и практическое обучение (производственное обучение и практику с бизнес-консалтинговыми услугами, а при необходимости – стажировку), могло осуществляться по различным формам обучения и заканчивалось аттестацией. Такое обучение могло включать следующие основные направления: организация собственного дела, составление бизнес-плана, маркетинг, экспорт, финансы, бухгалтерский учет, налогообложение, законодательство, управление ресурсами, управление персоналом и др.

Конкретное содержание обучения незанятого населения основам предпринимательской деятельности определялось учреждениями профессионального образования с учетом примерных учебных планов и предложений заказчиков, исходя из региональных особенностей и приоритетных направлений развития малого бизнеса.

Обучение основам предпринимательской деятельности должно было носить инновационный характер, при этом необходимо было широко использовать отечественные и зарубежные педагогические технологии, адаптированные к профессиональным образовательным программам и составу обучающихся и обеспечивающие конкурентоспособность будущего предпринимателя.

Примечательным явлением в середине 1990-х гг., да и в целом в истории правового регулирования профессионального образования и обучения следует признать Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 года № 610 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов». В этом нормативном правовом акте предусматривалось, что образовательное учреждение дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов создается в целях повышения профессиональных знаний специалистов, совершенствования их деловых качеств, подготовки их к выполнению новых трудовых функций.

Главными задачами образовательного учреждения повышения квалификации являлись, в частности:

- удовлетворение потребностей специалистов в получении знаний о новейших достижениях в соответствующих отраслях науки и техники, передовом отечественном и зарубежном опыте;
- организация и проведение научных исследований, научно-технических и опытно-экспериментальных работ, консультационная деятельность.

Образовательное учреждение реализовывало следующие виды дополнительного профессионального образования: повышение квалификации, стажировку, профессиональную переподготовку.

Цель повышения квалификации – обновление теоретических и практических знаний специалистов в связи с повышением требований к уровню квалификации и необходимостью освоения современных методов решения профессиональных задач. Повышение квалификации проводилось по мере необходимости, но не реже одного раза в 5 лет в течение всей

трудовой деятельности работников. Периодичность прохождения специалистами повышения квалификации устанавливалось работодателем. Повышение квалификации включало в себя следующие виды обучения:

- краткосрочное (не менее 72 ч) тематическое обучение по вопросам конкретного производства, которое проводилось по месту основной работы специалистов и заканчивалось сдачей соответствующего экзамена, зачета или защитой реферата;

- тематические и проблемные семинары (от 72 до 100 ч) по научно-техническим, технологическим, социально-экономическим и другим проблемам, возникающим на уровне отрасли, региона, предприятия (объединения), организации или учреждения;

- длительное (свыше 100 часов) обучение специалистов в образовательном учреждении повышения квалификации для углубленного изучения актуальных проблем науки, техники, технологии, социально-экономических и других проблем по профилю профессиональной деятельности.

Основная цель стажировки – формирование и закрепление на практике профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в результате теоретической подготовки. Стажировка осуществлялась также в целях изучения передового опыта, приобретения профессиональных и организаторских навыков для выполнения обязанностей по занимаемой или более высокой должности.

Стажировка могла быть как самостоятельным видом дополнительного профессионального образования, так и одним из разделов учебного плана при повышении квалификации и переподготовке специалистов.

Продолжительность стажировки устанавливалась работодателем, направляющим работника на обучение, исходя из ее целей и по согласованию с руководителем предприятия (объединения), организации или учреждения, где она должна была проводиться.

Целью профессиональной переподготовки специалистов являлось получение ими дополнительных знаний, умений и навыков по образовательным программам, предусматривающим изучение отдельных дисциплин, разделов науки, техники и технологии, необходимых для выполнения нового вида профессиональной деятельности.

По результатам прохождения профессиональной переподготовки специалисты получали диплом государственного образца, удостоверяющий их право (квалификацию) вести профессиональную деятельность в определенной сфере. Направление профессиональной переподготовки определялось заказчиком по согласованию с образовательным учреждением.

Профессиональная переподготовка осуществлялась также для расширения квалификации специалистов в целях их адаптации к новым экономическим и социальным условиям и ведения новой профессиональной деятельности, в том числе с учетом международных требований и стандартов. В результате профессиональной переподготовки специалисту могла быть присвоена дополнительная квалификация на базе полученной специальности. Профессиональная переподготовка для получения дополнительной квалификации проводилась путем освоения дополнительных профессиональных образовательных программ.

Профессиональная переподготовка и повышение квалификации специалистов осуществлялись на основе договоров, заключаемых образовательными учреждениями повышения квалификации с органами исполнительной власти, органами службы занятости населения и другими юридическими и физическими лицами.

К образовательным учреждениям повышения квалификации относились:

- академии (за исключением академий, являющихся образовательными учреждениями высшего профессионального образования);
- институты повышения квалификации (усовершенствования) – отраслевые, межотраслевые, региональные курсы (школы, центры) повышения квалификации, учебные центры службы занятости.

За слушателями на время их обучения с отрывом от основной работы сохранялась средняя заработная плата по основному месту работы. Иногородним слушателям, направленным на обучение с отрывом от основной работы, выплачивались суточные по установленным для командировок на территории Российской Федерации нормам.

Повышение квалификации и профессиональная переподготовка специалистов проводились с отрывом от работы, без отрыва от работы, с частичным отрывом от работы и по индивидуальным формам обучения¹³.

Список литературы

1. **Бондарь А. Л.** Правовое регулирование образовательно-трудовых отношений в условиях перехода к рыночной экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 25 с.
2. **История профессионального образования в России:** учеб. пособие / С. Я. Батышев и др.; под науч. ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова, Е. Г. Осовского. М.: Профессиональное образование, 2003. 663 с.
3. **Куприков Д. А.** Становление ремесел и профессиональное обучение в России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1994.
4. **Новикова Н. В.** Правовое регулирование отношений по повышению квалификации в России: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2007. 25 с.
5. **Петров А. Я.** Профессиональное образование и обучение работников (персонала): правовые основы: учебник. М.: Юрайт, 2019. 317 с.
6. **Сойфер В. Г.** Проблемы правового регулирования профессионального образования персонала // Законодательство и экономика. 2008. № 3. С. 76 – 81.
7. **Шкатулла В. И.** Образовательное законодательство: теоретические и практические проблемы. Общая часть. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 1997. 164 с.

¹³ Название этого нормативно-правового акта не соответствует его содержанию: сравните. «повышение квалификации» и «повышение квалификации, профессиональная переподготовка, стажировка». Типовое положение утратило силу с 10 апреля 2014 г. на основании постановления Правительства РФ от 29 марта 2014 г. № 245 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

References

1. **Bondar' A.L.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*. Yekaterinburg, 1999, 25 p. (In Russ.).
2. **Batyshev S.Ya. et al. Batyshev S.Ya., Novikov A.M., Osovskiy Ye.G. (Eds.)**. *Istoriya professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [History of vocational education in Russia], Moscow: Professional'noye obrazovaniye, 2003, 663 p. (In Russ.).
3. **Kuprikov D.A.** *Extended abstract of Candidate's of Pedagogy thesis*. Moscow, 1994. (In Russ.).
4. **Novikova N.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*. Perm', 2007, 25 p. (In Russ.).
5. **Petrov A.Ya.** *Professional'noye obrazovaniye i obucheniyе rabotnikov (personala): pravovyye osnovy* [Vocational education and training of workers (personnel): legal foundations], Moscow: Yurayt, 2019, 317 p. (In Russ.).
6. **Soyfer V.G.** [Problems of legal regulation of professional education of personnel], *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economics], 2008, no. 3, pp. 76-81. (In Russ.).
7. **Shkatulla V.I.** *Obrazovatel'noye zakonodatel'stvo: teoreticheskiye i prakticheskiye problemy. Obshchaya chast'* [Educational legislation: theoretical and practical problems. A common part], Moscow: Issled. tsentr problem kachestva podgot. spetsialistov, 1997, 164 p. (In Russ.).

Professional Education and Training in Russia in the 1990s (Historical and Legal Essay)

A. Ya. Petrov, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
alexey.petrov@yandex.ru

The article is a continuation of a study devoted to the legal issues of the evolution of the system of training workers and vocational education in vocational schools in the Soviet Union. The legal foundations of professional education in the Russian Federation of the post-Soviet period are investigated. The author characterizes the normative foundations and organization of vocational training in the 1990s.

Keywords: vocational education; professional education; education legislation; post-Soviet law.

© А. Я. Петров, 2022

Статья поступила в редакцию 10.06.2022

При цитировании использовать:

Петров А. Я. Профессиональное образование и обучение в России в 90-е годы XX столетия (историко-правовой очерк) // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 292 – 302. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.292-302

Статья посвящена актуальным проблемам и перспективам развития школы политической юриспруденции. Рассмотрена политическая юриспруденция как альтернатива реалистической юриспруденции и классическому подходу к пониманию права, а также особое внимание уделено ключевым постулатам сторонников политической юриспруденции относительно функций и роли государственных органов, в частности, суда.

Ключевые слова: власть; право; политическая юриспруденция; правительство; реалистическая юриспруденция; судья; суд.

Геннадий Святославович Працко, д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»;
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»;
Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия», Ростов-на-Дону, Россия;
grip@rgups.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Введение

Критика права со стороны адептов реалистической юриспруденции, зародившаяся в 1930-е гг., расцвела после Второй мировой войны и превратилась в то, что английский философ права Герберт Лайонел Адольфус Харт называет «кошмаром теории права». Данная критика отвергла традиционный образ судьи как объективного и опытного знатока права, который может и должен принципиально отличаться от законодателя, поскольку представляет собой разочаровывающую «иллюзию», разрушающую возбуждаемые ею же самой ожидания [1, с. 972].

К 1960-м гг. атака на различие между судьями и законодателями стала более резкой и аргументированной. Вместо того, чтобы заботиться только о разрушении мифа, согласно которому судьи рассматривают дела в соответствии с установленными правовыми нормами, западные юристы принялись разрабатывать совершенно новое понимание судебного решения. Эти усилия были наиболее заметны в Соединенных Штатах Америки, где обсуждение сосредоточилось на политологических исследованиях, посвященных роли Верховного Суда в сфере конституционного надзора.

Выводы, сделанные западными юристами, должны были вызвать (и в реальности вызвали) крайне важные последствия для концепции судебного разбирательства, в частности, и для восприятия природы права в целом. Новая правовая школа стала известна как «политическая юриспруденция».

Обсуждение

Представители политической юриспруденции соглашались с поклонниками юридического реализма в том, что право получает свое истинное воплощение и сосредоточение в судебных решениях, а не в содержании сводов законов. Тем не менее политическая юриспруденция характеризу-

ется некоторыми требованиями и положениями, присущими только ей. Среди них, в частности, следующие:

- необходимо рассматривать судебные решения в качестве части политической деятельности;
- суды не являются нейтральным и беспристрастным «юридическим убежищем», свободным от политики и не подверженным ее влиянию [1, с. 974];
- судьи не являются «уникальной группой непроницаемых юридических техников», находящихся выше и вне политической борьбы» [1, с. 974];
- суды являются лишь одним правительственным органом из многих и представляют собой неотъемлемую часть американского политического процесса [2, с. 689];
- суды служат полем политической битвы, а судья – политик, подвергающийся влиянию других политических сил и действующий в соответствии с этим влиянием;
- поиск судебного нейтралитета, объективности, беспристрастности и независимости – тщетная затея;
- концепция политического суда должна заменить концепцию суда общей юрисдикции;
- именно такими должны быть суды в эпоху «позитивного правительств» [2, с. 659];
- попытки найти беспристрастные правовые стандарты для судебного решения отвергаются, потому что они вдохновлены ностальгией, которая преобладала в юридических теориях и концепциях права прошлых веков, где право понималось как абсолютная незыблемая ценность с большой буквы;
- в настоящее время суды фактически отказываются признать правду, поскольку судьи не могут избежать удовлетворения одного интереса за счет другого;
- в обществе априори невозможно достичь единого общепринятого стандарта баланса интересов;
- поскольку судья обязан решать в соответствии с некоторой заранее установленной иерархией ценностей и социальной целей, он обязательно решает, каким социально значимым предпочтениям либо целям будет отдан приоритет.

Согласно «идеализированному» представлению, правосудие может быть слепым и обеспечить беспристрастное применение известных принципов к известным фактам. Пытаясь опровергнуть это утверждение, адепты политической юриспруденции ссылаются на известных философов, мыслителей, юристов, социологов и политологов всех времен, которые придерживались различных политико-правовых взглядов и преуспели, в частности, в точных и естественных науках:

- математика и философа Платона;
- философа и социолога Карла Мангейма;
- физика, химика и философа Майкла Полани;
- теолога, философа и политолога Рейнгольда Нибура;
- историка и философа истории Герберта Баттерфилда;
- математика, логика и философа Альфреда Норта Уайтхеда;
- философа, историка идей Исаяю Берлина и др.

Все они были призваны подтвердить, что нейтральность и объективность недостижимы как в социальных, так и естественных науках, поскольку даже факты предполагают категорию ценности. Всякая человеческая деятельность связана с выбором ценностей; такой выбор определяется биографией и наследственностью человека, совершающего его, – но совершенно бескорыстных людей не существует, и, значит, их деятельность невозможна. Верховный суд США переписал историю точно так же, как и советские коммунисты; особые мнения Холмса, Брандейса и Стоуна в конце 1930-х гг. были не более нейтральными, чем решения, которые ранее развили господствующую доктрину надлежащей правовой процедуры из экономических теорий Адама Смита и Давида Рикардо [2, с. 666].

Хотя сторонники политической юриспруденции признают, что многие дела решаются в соответствии с «принципами, основанными на прошлом опыте», они отмечают, что наиболее важные решения принимаются в тех областях права, в которых судьи разделяют противоречивые ценности. В таких областях лишь те, чья битва уже выиграна, призывают к судебной сдержанности и настаивают на том, что функция суда состоит в том, чтобы полагаться на законодательный орган. Они делают это, ибо законодательный орган обнаружит именно то, что они хотят [2, с. 667].

Но даже если судебный нейтралитет невозможен, объективность все же может быть достигнута. По утверждению сторонников политической юриспруденции, от судьи требуется изложить «в явной форме свои ценностные предпочтения, как он их понимает»; те решения, которые были сделаны «без оглядки на семантическая проблема, можно даже назвать “объективными”» [2, с. 683].

Вместе с тем, как заявляют адепты политической юриспруденции, «теперь нам нужна телеологическая юриспруденция, которая являлась бы “целенаправленной по своей природе”, а не “безличной” или “нейтральной”» [2, с. 685]. Такая юриспруденция отвергла бы старый механистический взгляд на социальный процесс и попыталась «предоставить целенаправленное направление потоку социальных событий» [2, с. 685].

Телеологическая юриспруденция признает, что природа правительства изменилась, – и что многие из функций, которые когда-то выполнялись тремя традиционными ветвями власти, в настоящее время осуществляются в административном порядке:

- законодательная власть просто формулирует «широкие руководящие принципы политики для поведения наших правительств» [2, с. 686];
- исполнительные и распорядительные органы применяют эти рекомендации к сложным фактам повседневной жизни [2, с. 687];
- суды утратили силу – теперь они рассматривают только тот патологический случай, который ускользает от внимания других ветвей власти или предполагает «столкновение ценностей». При разрешении дел последнего рода суд выступает «как национальная совесть» и формулирует «широкую норму», которая выходит за пределы конкретного спора и обеспечивает определенный общезначимый стандарт, «к которому могут и должны стремиться отдельные люди и целые правительства» [2, с. 688].

Заключение

Иными словами, новая школа политической юриспруденции идет гораздо дальше своего предшественника – юриспруденции реализма – в отказе от традиционного взгляда на право. Эвен Турман Арнольд, будучи

реалистом, признавал некоторые достоинства в так называемом «богословии» профессора Харта: «Без сияющего, но никогда полностью не достижимого идеала верховенства права над людьми ... у нас бы не было бы цивилизованного правительства. Если бы этот идеал являлся иллюзией, то люди, развеяв его, потерялись в еще большей иллюзии, в иллюзии того, что личная власть может осуществляться во имя всеобщего блага» [3, с. 1311].

Впрочем, сторонники политической юриспруденции не считают деспотизм единственной альтернативой верховенству закона. Они настаивают на том, чтобы то, что целесообразно для общества, обеспечивало «более жизнеспособную отправную точку для юриспруденции эпохи позитивного состояния» [2, с. 693].

Список литературы

1. **Hart H. L. A.** American Jurisprudence through English Eyes: The Nightmare and the Noble Dream // *Georgia Law Review*. 1977. № 64. P. 969 – 989.
2. **Miller A., Howell R.** The Myth of Neutrality in Constitutional Adjudication // *University of Chicago Law Review*. 1960. № 27. P. 659 – 702.
3. **Arnold T.** Prof. Hart's Theology // *Harvard Law Review*. 1960. № 73. P. 1290 – 1313.

References

1. **Hart H.L.A.** American Jurisprudence through English Eyes: The Nightmare and the Noble Dream, *Georgia Law Review*, 1977, no. 64, pp. 969-989.
2. **Miller A., Howell R.** The Myth of Neutrality in Constitutional Adjudication, *University of Chicago Law Review*, 1960, no. 27, pp. 659-702.
3. **Arnold T.** Prof. Hart's Theology, *Harvard Law Review*, 1960, no. 73, pp. 1290-1313.

Current Problems and Prospects of Development of the School of Political Jurisprudence

G. S. Pratsko, *Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Law)*,
Rostov State Transport University; Don State Technical University;
Rostov Branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia;
gpip@rgups.ru

The article is devoted to topical problems and prospects for the development of the school of political jurisprudence. The author considers political jurisprudence as an alternative to realistic jurisprudence and the classical approach to understanding law, and also pays special attention to the key postulates of political jurisprudence supporters regarding the functions and role of state bodies, in particular, the court.

Keywords: law; political jurisprudence; realistic jurisprudence; government; power; judge; court.

© Г. С. Працко, 2022

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

При цитировании использовать:

Працко Г. С. Актуальные проблемы и перспективы развития школы политической юриспруденции // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 303 – 306. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.303-306

Рассмотрены отдельные аспекты истории Римского государства. Актуальность статьи обусловлена анализом фактов, образующих историю развития государственности Древнего Рима. С практической точки зрения системный анализ принципов, лежащих в основе развития административно-политической системы государственного образования, приведенный в настоящем исследовании на примере Древнего Рима, позволяет выявить юридические и политические формы, наиболее уместные и эффективные на современном, уже не переходном этапе развития Российской Федерации. Очевидно, что рассматривать подобную эволюцию следует на конкретных исторических примерах. В качестве такового особенно интересна история Римского государства, единственного в древности «завершившего» трансформацию полисной республики в империю, прошедшего весь путь развития от общины к территориальной государственности современного типа. И поскольку история этого государства сравнительно хорошо изучена, на его примере можно наиболее достоверно представить основные закономерности формирования территориальной государственности в целом.

Ключевые слова: Древний мир; Юлий Цезарь; Сенат; империя; полисная трансформация.

Анжела Курбановна Халифаева, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, Россия;
halifaeva@yandex.ru

Магомед Тимурович Муртузалиев, магистрант,
кафедра истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, Россия;
halifaeva@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение

История развития государства и римского права предоставляет материал, не имеющий аналогов для научного анализа в рамках государственно-правовых вопросов, что объясняет причины выбора именно этого предмета изучения.

Расположение Рима на берегу Тибра делает его идеальным местом для городских поселений. Река позволяла легко добраться до моря.

Римская империя еще в эпоху завоевателя Юстиниана (527 – 565 гг. н. э.) простиралась от одного конца Средиземноморья до другого, окончательно перестав быть империей только при правлении Ираклия (610 – 641 гг. н. э.). Почему она не смогла сохранить свое место в мире, и каковы были внутренние структуры власти, которые сопровождали эту неудачу?

Любой анализ власти в римском мире, каким бы кратким он ни был, должен быть трехмерным. Он должен охватывать измерение национальной власти, господство постепенно расширяющейся группы тех, кто называл себя римлянами, над остальными жителями империи, вместе с их властью по краям империи и за ее пределами. Он также должен учитывать аспект социальной дифференциации или социального класса, недооценивая важность политических институтов и структур или рабства, или гендерной власти, или власти в семье.

Наконец, такой анализ должен в полной мере учитывать время и разрывы, а также непрерывности, с которыми можно столкнуться примерно за тысячу лет более или менее доступной римской истории, скажем, от Камилла (темного военного героя 390-х и 380-х гг. до н. э.) до Ираклия. Существует поразительно мало римских историй – фактически, почти ни одной, – которые пытаются охватить всю дугу римской имперской истории. Это не только единый предмет, но и самые ранние и последние фазы в значительной степени освещают друг друга, и мы были бы избавлены от множества неправдоподобных рассказов о Римской империи VI и VII вв. н. э., если бы ее историки уделяли больше внимания Республике, и наоборот. Было много преемственности, в первую очередь в сфере рабовладения.

Обсуждение

Когда пришел конец Римской империи? Ни в коем случае, как продолжают предполагать многие историки, во времена правления Константина (312 – 337 гг. н. э.) или когда Рим был захвачен вестготами (410 г. н. э.). Последнее событие было симптомом, но, ни в коем случае, не концом, поскольку центр тяжести сместился с запада на восток между 324 г. (основание новой столицы в Константинополе) и началом V века. Некоторые считают падение императора Маврикия в 602 г. н. э. концом империи [5, с. 1 – 14].

Годы между 636 г. н. э. и неудачами императора Константа II (641 – 668 гг. н. э.) следует признать настоящим концом Римской империи.

Что касается того, почему серьезные римские историки практически никогда не освещают всю римскую историю целиком, то существуют более или менее очевидные причины. Самое очевидное, что это очень сложно. Меняется почти все, не только источники и материальная культура, но и основной язык и доминирующая религия.

Определив хронологические границы, историк должен попытаться понять, где лежат основные разрывы. Мы выбираем 337 г. н. э., потому что, хотя дом Константина продолжал править еще 26 лет, внутренняя политическая сплоченность сразу же начала разрушаться, и именно в следующих поколениях мы можем разумно искать появление факторов, которые привели к краху Римской империи на западе.

И наиболее значимые сравнения из всех, как мы утверждаем, сопоставляют один римский период с другим; поэтому использование необычайно широких временных рамок, более десяти столетий, является большим преимуществом – и мы можем сразу сказать, что республиканские

успехи Рима как имперской державы могут научить нас кое-чему о военных неудачах поздней античной Римской империи, и наоборот.

Значительная часть того, что римляне говорили и писали о власти, состояла из мифотворчества, и мы должны определить преобладающие мифы. Один из них – миф о том, что Рим был гражданской демократией, – иллюстрируется отрывком Цицерона «О законах»: говоря об отношениях между гражданами и магистратами, он писал, что «тот, кто повинуется, должен надеяться, что однажды он будет повелевать», что для большинства римлян было бы самым диким заблуждением. Два столетия спустя Элий Аристид (117 – 189 гг. н. э.) мог торжественно, хотя, возможно, и не без некоторой личной иронии, сказать римлянам, что их политическая система под властью одного человека была «полной демократией». Другой римский миф гласил, что Рим правил всем миром: эта идея была впервые сформулирована римлянами во II в. до н. э., а также в 70-е гг. н. э. получили широкое распространение, что нашло отражение, например, в типах монет, представляющих земной шар. Это часто встречается у Цицерона. Все это время римская элита, не говоря уже о римской армии, на каком-то уровне прекрасно понимала, что они не правили всей землей или чем-то подобным (хотя есть свидетельства того, что они недооценивали размеры территорий, которые оставались вне их власти).

Предположительно, такие мифы – фантазии или заблуждения, были функциональными; они действительно могут дать нам важные подсказки. Воображаемая демократия Рима отражала некоторую сохраняющуюся веру в права гражданина.

На протяжении всего исследования мы актуализируем вопрос, насколько характер постоянно меняющихся внешних отношений римского государства определялся его постоянно меняющимися внутренними структурами власти, и наоборот.

Марксисты, как известно, уделяли достаточно внимания взаимосвязи между экономическими и политическими формациями и империализмом и продолжают это делать по сей день. Но большинство работ освещает историю досовременных государств и империй только самым урывочным образом. Как подразумевал Мозес Финли, антимарксисты более опасны, чем марксисты, но идеи Маркса, даже в их самых сложных современных переформулировках, не очень помогают понять взаимосвязь между конкретной историей римской имперской власти и ее внутренними властными отношениями.

Исследователям Римской республики, однако, повезло, что у них есть два источника, Полибий и Саллюстий, которые, несмотря на все их недостатки (особенно серьезные в случае Саллюстия), сумели связать модели поведения Рима по отношению к внешнему миру с его внутренними структурами.

Заключение

Мы согласны с тем, что два фактора объясняют расцвет Римской империи: высокая степень внутренней сплоченности римского народа, которая достигла пика около 200 г. н. э.; поразительная открытость для включения других народов, часто недавних врагов.

Государства, которые последовательно выигрывают войны, действительно демонстрируют это качество, и, наоборот, мы можем с уверенностью сказать, что ослабление сплоченности поздней Римской империи было важным фактором ее ослабления.

В частности, необходимыми условиями построения империи было то, что требуется, например, агрессивная готовность к войне политической элиты, способной организовать и мобилизовать государство для войны, а также способность находить организационные методы, необходимые для сохранения и использования того, что было завоевано [5, с. 1 – 14].

Римская империя исчезла, но не была забыта. Римское искусство, архитектура, правительство и религия все еще являются частью западной цивилизации. Римская литература, право и язык были изучены и приняты многими культурами. На протяжении почти семнадцати столетий римляне усатанавливали стандарты, которым должны следовать будущие поколения.

Список литературы

1. **Азаревич Д.** Патриции и плебеи в Риме: историко-юридическое исследование. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1875. Т. 1. 117 с.
2. **Дементьева В. В.** Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М.: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2000. 200 с.
3. **Карл К.** История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая библиотека Бека: В 2 т. Ростов н/Д: Феникс, 1997. Т. 1. URL: <https://coollib.com/b/250425/read> (дата обращения: 05.09.2022).
4. **Рубцов П. В.** Представления о легитимности императорской власти в IV в. // Война и мир в истории Европы: сб. науч. ст. памяти проф. Е. П. Глушанина. Барнаул, 2007. С. 35 – 43.
5. **Харрис У. В.** Власть Рима: тысяча лет империи. Нью-Йорк: Изд-во Кембриджского ун-та, 2016. С. 1 – 14.

References

1. **Azarevich D.** *Patritsii i plebei v Rime: istoriko-yuridicheskoye issledovaniye* [Patricians and plebeians in Rome: historical and legal research], Sankt-Peterburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", 1875, vol. 1, 117 p. (In Russ.)
2. **Dement'yeva V.V.** *Rimskaya magistratura voyennykh tribunov s konsul'skoy vlast'yu* [Roman magistracy of military tribunes with consular authority], Moscow: INFOMEDIA PUBLISHHERZ, 2000, 200 p. (In Russ.)
3. **Karl K.** *Istoriya vremen rimskikh imperatorov ot Avgusta do Konstantina: Istoricheskaya biblioteka Beka* [History of the times of the Roman emperors from Augustus to Constantine: Beck Historical Library], In 2 vols., Rostov n/D: Feniks, 1997, vol. 1, available at: <https://coollib.com/b/250425/read> (accessed 05 September 2022).
4. **Rubtsov P.V.** [Ideas about the legitimacy of imperial power in the 4th century], *Voyna i mir v istorii Yevropy* [War and peace in the history of Europe: a collection of scientific articles in memory of prof. E. P. Glushanina], Barnaul, 2007, pp. 35-43. (In Russ.)
5. **Harris W.V.** *Roman Power: a Thousand Years of Empire* NY: Cambridge University Press, 2016, pp. 1-14.

On the Question of the Evolution of the Roman State

A. K. Halifaeva, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Department of History of State and Law,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia;
halifaeva@yandex.ru

M. T. Murtuzaliev, *Master's Student,*
Department of History of State and Law,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia;
halifaeva@yandex.ru

The article discusses certain aspects of the history of the Roman state. The relevance of the topic of the article is due to the attempt made in it to identify patterns in the considered set of historical facts that form the history of the development of the statehood of Ancient Rome, to form ideas about the existence of a system of cause-and-effect relationships between them. The categories of the form of the state of Ancient Rome included in the research topic can be analyzed from the theoretical standpoint of legal science and, in this regard, also seem relevant in this area of legal knowledge.

From a practical point of view, a systematic analysis of the principles underlying the development of the administrative and political system of public education, given in this study on the example of Ancient Rome, allows us to identify the legal and political forms that are most appropriate and effective at the modern, no longer transitional stage of the development of the Russian Federation. It is clear that such an evolution should be considered on specific historical examples. As such, the history of the Roman state is particularly interesting, the only one in ancient times that "completed" the transformation of a polis republic into an empire, which went all the way from a community to a territorial statehood of a modern type. And since the history of this state is relatively well studied, its example can most reliably represent the basic laws of the formation of territorial statehood in general. As a result, this article can serve as a basis for new theoretical studies of the problems of the form of the state, as well as for teaching the disciplines of the historical-legal and state-legal cycle in law schools. This is its scientific and practical significance.

Keywords: Ancient World; Julius Caesar; Senate; Empire.

© A. K. Халифаева, 2022

© M. T. Муртузалиев, 2022

Статья поступила в редакцию 15.03.2022

При цитировании использовать:

Халифаева А. К., Муртузалиев М. Т. К вопросу об эволюции Римского государства // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 3. С. 307 – 311. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.307-311

Представлено исследование тенденций и направлений трансформации конституционно-правовых принципов социального государства в условиях цифровой экономики и развития технологий искусственного интеллекта. Особый акцент при этом сделан на реализацию социальных прав граждан с использованием систем искусственного интеллекта. Основная цель – исследование конституционно-правовой природы принципов социального государства и их трансформации в современных условиях, отражающих цифровизацию экономико-социального пространства. Для достижения указанной цели применялись методы системного подхода, диалектической взаимообусловленности, бихевиоризма, историко-правового, сравнительно-правового и логического подходов. Показана взаимосвязь между цифровой трансформацией, с одной стороны, и экономическим развитием, производительностью труда и занятостью, с другой. На основе выявленной взаимообусловленности проанализированы изменения правового регулирования и реализации конституционного права на свободу труда. Отмечена амбивалентность использования искусственного интеллекта при реализации социальных прав человека, гарантирования достойного уровня жизни. Выделены новые тенденции в правовом регулировании некоторых социальных прав, обусловленные развитием цифровой экономики, введением дистанционного режима в связи с ограничениями, вызванными коронавирусной инфекцией. Представлены суждения относительно границ компетенций социального государства при обеспечении социальных гарантий граждан.

Ключевые слова: социальное государство; социальные права человека и гражданина; социальные гарантии; технологии искусственного интеллекта; уровень жизни.

Мария Александровна Липчанская, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра конституционного права им. Н. В. Витрука,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;
Москва, Россия;
lipchna_maria@mail.ru

Татьяна Николаевна Балашова, д-р юрид. наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Москва, Россия;
zahar48@bk.ru

Анна Владимировна Шиндина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича
Фарбера, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», Саратов, Россия;
a.v.shindina@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Введение

Конституция Российской Федерации в ст. 7, относящейся к основам конституционного строя, провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. Таким образом, социальный характер России закреплен на самом высоком из возможных уровней и в рамках существующего конституционно-правового пространства подвергнут сомнению быть не может [1]. Вместе с тем вполне очевидно, что подобная конституционная норма может остаться простой декларацией, если не будет сформировано четкое понимание: что такое «социальное государство»? Каковы критерии признания государства социальным? Наконец, какой объем социальных прав позволяет говорить о социальном характере государства? Каковы перспективы развития принципов социального государства в условиях цифровой экономики? Актуальность данных вопросов для России особенно обострилась в последние годы в условиях постоянно снижающегося жизненного уровня населения при одновременной возможности расширения границ по реализации принципов социального государства в условиях цифровой экономики. Для ответа на эти вопросы в первую очередь представляется необходимым обратиться к сущности социального государства.

С исторической точки зрения социальное государство – это феномен отчасти XIX и, в большей степени, XX столетий. Концепция социального государства возникла, с одной стороны, как результат развития буржуазных отношений, повышения производительности труда, позволивших создавать избыточный продукт, который мог быть направлен на социальное обеспечение нуждающихся слоев населения, а с другой, как ответ на мировое революционное и стачечное движение, а также появление целого ряда социалистических государств (которые, кстати, далеко не все и не всегда были социальными) [2].

Однако определившись с сущностью социального государства, мы все еще не можем в полной мере выявить его пределы. Каковы должны быть объемы предоставляемых социальным государством мер социальной поддержки? Должны ли они предоставляться только нуждающимся либо всем гражданам страны в гарантированных минимальных пределах (так называемый «безусловный базовый доход»)? Какой уровень образования – начальный, общий, высший и т.д., должен гарантироваться всем гражданам страны без исключения? Ответы на подобные вопросы в настоящее время весьма непроработаны, многогранны и могут очень существенно менять границы социального государства.

Обсуждение

При этом нельзя не отметить, что многие специалисты предостерегают от чрезмерно широкого спектра предоставления социальных услуг. Так, например, И. А. Алебастрова указывает, что «безбедная жизнь на пособия весьма достойного размера неизбежно становится привлекательной

для все большего количества людей, в том числе вполне трудоспособных» [3]. Более того, при чрезмерном увлечении социальной функцией государство может перерасти из социального в так называемое патерналистское – вид административного (бюрократического) государства, в котором господствующий класс управленцев отнимает у общества часть производимого им продукта и распределяет его по своей воле между населением, обеспечивая себе экономическое, политическое и духовное господство над обществом [4, с. 147 – 164].

С приведенными выше доводами нельзя не согласиться. Однако, с нашей точки зрения, не менее опасным выглядит и противоположный подход – чрезмерное уменьшение границ социального государства, отказ от гарантирования каких-либо даже минимальных выплат и иных социальных благ, если это не позволяет финансовое состояние страны. Так, к примеру, Арановский К. В., Князев С. Д. и Хохлов Е. Б. полагают, что в настоящее время «Россия не в том положении, чтобы обнадеживаться затратными социальными правами» [5]. Такая позиция видится нам отнюдь не бесспорной. Сама по себе привязка объема социальных прав к финансовым возможностям государства представляется весьма опасной. Особенность российской финансовой системы, как известно, заключается в том, что максимальный объем всех доходов государства сосредотачивается в федеральном бюджете и затем перераспределяется между бюджетами нижестоящих уровней. Таким образом, вся полнота финансовой власти сосредоточена в настоящее время на федеральном уровне, при этом федеральный центр с начала нулевых годов демонстрирует стремление перекладывать наиболее финансовоемкие обязательства (прежде всего, социального характера) на субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, не всегда обеспечивая их достаточными ресурсами.

Современное социальное государство характеризует не только наличие базовых социальных стандартов, но и совершенствование своих принципов в условиях цифровой экономики и развития технологий и инноваций.

Неоспоримо, сегодня цифровая экономика, развитие технологий и инноваций не просто перспективные направления общества и государства, а реальные векторы развития любого современного государственного процесса. В своем исследовании мы хотим остановиться на тех принципах социального государства, на которые развитие цифровой экономики воздействует наибольшим образом.

Главенствующим принципом социального государства выступает преодоление социального неравенства путем перераспределения доходов между различными категориями граждан. В современных реалиях реализация указанного принципа оптимизируется посредством введения инновационных техник и технологий. По нашему мнению, в основе современной инновационной трансформации социального государства лежит платформизация – создание цифровой платформы под различного рода сценарии в целях унификации, оперативности, повышения качества реализации функций социального государства, а также исключения бюрократического аппарата при таковой реализации. Безусловно, помимо плюсов платфор-

мизации выделим определенные опасения происходящего процесса. Так, разработчики выделяют одним из главных плюсов внедрения цифровых платформ «отсутствие бюрократического аппарата». Но не стоит забывать, что основными субъектами в связи «социальное государство – гражданин» являются категории граждан, не имеющих возможности приобретать гаджеты, поддерживающие современные цифровые платформы или не имеющие доступ к широкоформатной сети Интернет. В связи с указанным считаем обоснованным предусматривать качественное дублирование получения услуг как в сети, так и привычным для граждан способом.

С учетом приведенных обстоятельств, нефинансовые возможности государства должны определять его параметры как социального, а ровно наоборот. Совершенно верно указывают В. В. Невинский и Н. Я. Гринчинко на необходимость постановки вопроса на современном этапе в Российской Федерации о финансово-правовых основах реализации конституционных норм [6]. Конституционные нормы, устанавливающие социальные права должны обеспечиваться соответствующими финансовыми ресурсами, в противном случае, при формальном их сохранении в правовом поле они превращаются в декларативные.

Невозможно обойти стороной трансформацию роли социального государства в формировании национальной системы образования. И если постиндустриальное общество характеризует число образованных граждан, образовательных учреждений и их доступность, то современному инновационному пространству в сфере образования свойственны совсем иные признаки [7]. Сегодня у государства, во-первых, есть заинтересованность в подготовке специалистов в сфере цифровой экономики, во-вторых, у государства нет потребности в обучении универсальными усредненными знаниями, ему нужны узкоспециализированные, уникальные специалисты. Указанному способствуют происходящие трансформационные процессы в области всего образовательного процесса: развитие онлайн образования, доступность любых средств образования, перераспределение доли участия государственных и негосударственных платформ обучения. Современное образование можно охарактеризовать как «образование длиною в жизнь» или непрерывное образование.

Говоря о таком принципе социального государства, как наличие экономической свободы человеческой личности отметим, что указанный принцип в своей трансформации имел ряд ожидаемых и фактических модификаций. Так, в 60 – 80 годы XX века озаренные технологическим прорывом всего человечества многие граждане визуализировали будущий рынок труда следующим образом: все трудоемкие, сложные процессы будут роботизированы, а человек сможет заниматься творческой наукой, искусством. Удивительным образом указанное реализуется иначе [8]. Современное цифровое пространство в рамках трудовых отношений трансформировало социальную роль государства следующим образом: необходимость четкой правовой регламентации удаленной работы, стирание географических границ в найме сотрудников, стимулирование постоянного обучения и совершенствования навыков любого индивида, заинтересованного в найме.

Заключение

Происходящие трансформационные процессы не конечны, современное российское государство только начинает «примерять» на себя сложную открытую роль «социального государства в условиях цифровой экономики», прорабатывать различные сценарии поддержки граждан как в условиях распространения коронавирусной инфекции, так и в постоянных устоявшихся сценариях.

Внедрение технологий искусственного интеллекта, стремительный технический прогресс и цифровая трансформация экономики в целом несут с собой большие выгоды для государства. Однако для того, чтобы воспользоваться этими преимуществами, государственные органы должны эффективно решать серьезные проблемы, касающиеся изучения влияния искусственного интеллекта на распределение экономических ресурсов, необходимость воспитания нового поколения, способного адаптироваться и работать с искусственным интеллектом, выделение достаточного объема средств в необходимые технически интенсивные сектора и, наконец, создание соответствующей среды для производителей цифрового рынка.

Авторы выражают благодарность РФФИ за финансовую поддержку научного исследования № 20-011-00765 «Конституционно-правовой механизм реализации социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования, пределы и ответственность», в рамках которого подготовлена настоящая статья.

Список литературы

1. **Конституция** Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с.
2. **Денисов С. А.** Социальное или патерналистское государство // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 3 – 9.
3. **Алебастрова И. А.** Социальное государство: белые одежды голого короля или платье для Золушки? // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20. С. 2 – 12.
4. **Денисов С. А.** Общая теория административного государства. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. 684 с.
5. **Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б.** О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 61 – 91.
6. **Невинский В. В., Гринчинко Н. Я.** К вопросу о «двойных» стандартах финансово-правового регулирования реализации конституционных норм в социальной сфере // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 15 – 18.
7. **Липатов Э. Г., Чаннов С. Е.** Конституционно-правовое регулирование разграничения полномочий в РФ как способ реализации распределительной политики // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 22 – 27.
8. **Сиземская И. Н.** Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 11. С. 179 – 186.

References

1. **Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Doktrinal'nyy kommentariy (postateynyy)** [The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal commentary (by article)], M.P. Avdeenkova, A.N. Golovistikova, L.Yu. Grudtsyna and others; hands ed. count Yu.A. Dmitriev, researcher ed. Yu.I. Skuratov, 2nd ed., modified and supplemented, Moscow: Statut, 2013, 688 p. (In Russ.).
2. **Denisov S.A.** [Social or paternalistic state], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 7, pp. 3-9. (In Russ.).
3. **Alebastrova I.A.** [Social state: white clothes of a naked king or a dress for Cinderella?], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2008, no. 20, pp. 2-12. (In Russ.).
4. **Denisov S.A.** *Obshchaya teoriya administrativnogo gosudarstva* [General theory of the administrative state], Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet, 2010, 684 p. (In Russ.).
5. **Aranovskiy K.V., Knyazev S.D., Khokhlov Ye.B.** [On human rights and social rights], *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review], 2012, no. 4, pp. 61-91. (In Russ.).
6. **Nevinskiy V.V., Grinchinko N.Ya.** [On the issue of “double” standards of financial and legal regulation of the implementation of constitutional norms in the social sphere], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2015, no. 4, pp. 15-18. (In Russ.).
7. **Lipatov E.G., Channov S.Ye.** [Constitutional and legal regulation of the division of powers in the Russian Federation as a way to implement a distributive policy], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2018, no. 7, pp. 22-27. (In Russ.).
8. **Sizemskaya I.N.** [The social state as a constitutional principle of the Russian Federation: social vectors of development], *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2020, vol. 11, no. 11, pp. 179-186. (In Russ.).

Principles of the Social State in Conditions of Digital Economy and Artificial Intelligence

M. A. Lipchanskaya, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk,
Russian State University of Justice, Moscow, Russia;
lipchna_maria@mail.ru

T. N. Balashova, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia;
zahar48@bk.ru

A. V. Shindina, *Ph.D. in Law, Associate Professor,*
Department of Constitutional Law
named after Professor Isaac Efimovich Farber, Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia;
a.v.shindina@yandex.ru

The article presents a study of trends and directions for the transformation of the constitutional and legal principles of the social state in the digital economy and the development of artificial intelligence technologies.

Particular emphasis is placed on the implementation of social rights of citizens using artificial intelligence systems. The main goal is to study the constitutional and legal nature of the principles of the social state and their transformation in modern conditions, reflecting the digitalization of the economic and social space. To achieve this goal, the methods of a systematic approach, dialectical interdependence, behaviorism, historical-legal, comparative-legal and logical approaches were used. The article shows the relationship between digital transformation, on the one hand, and economic development, labor productivity and employment, on the other hand. Based on the identified interdependence, changes in the legal regulation and implementation of the constitutional right to freedom of labor are analyzed. The ambivalence of the use of artificial intelligence in the implementation of social human rights, guaranteeing a decent standard of living is noted. New trends in the legal regulation of some social rights are highlighted, due to the development of the digital economy, the introduction of a remote mode due to the restrictions caused by the coronavirus infection. The authors presented judgments regarding the boundaries of the competences of the welfare state while ensuring social guarantees for citizens.

Keywords: social state; social rights of a person and a citizen; social guarantees; artificial intelligence technologies; standard of living.

© М. А. Липчанская, 2022

© Т. Н. Балашова, 2022

© А. В. Шиндина, 2022

Статья поступила в редакцию 29.03.2022

При цитировании использовать:

Липчанская М. А., Балашова Т. Н., Шиндина А. В. Принципы социального государства в условиях цифровой экономики и искусственного интеллекта // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 3. С. 312 – 318. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.312-318

Криминология является теоретико-правовой наукой, направленной на решение задач борьбы с преступностью. Исследуя преступность и ее разновидности, особенности личности преступников и причин их преступного поведения, криминология предлагает наиболее оптимальные пути, средства и конкретные меры предупреждения преступности и отдельных преступлений. В статье проанализированы проблемы, связанные с методикой и методологией проведения современных криминологических исследований. Дано понятие криминологических исследований, определены методы, с помощью которых они проводятся; выявлены методологические недостатки и упущения, которые допускают молодые исследователи при проведении исследований криминологического характера; отмечена необходимость использования новых подходов к изучению криминологических проблем и более широкого использования современных методик, разработанных другими науками.

Ключевые слова: криминология; криминологические исследования; методология криминологического исследования; метод и методика проведения криминологического исследования.

Александр Николаевич Варыгин, д-р юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Саратов, Россия;
VAN808@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение

В ряду многочисленных социальных «бед» особо следует выделить преступность. Это связано с ее огромной опасностью для любого общества, причинением совершаемыми преступлениями вреда самым важным и ценным социальным благам (жизни, здоровью граждан; общественной безопасности; собственности и другим не менее важным общественным ценностям). Например, согласно данным ООН, ежегодно в мире от незаконного применения только легкого стрелкового оружия погибает около 300 тыс. человек, а насильственной смертью ежегодно умирает около 1,6 млн человек¹. Только исходя из этого, даже если не брать в расчет иные негативные последствия преступности (например, незаконный оборот наркотиков и смертность от них; дорожно-транспортные преступления

¹ Смертность в результате применения огнестрельного оружия // Коммерсантъ – Власть. 2008. № 31. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1009791> (дата обращения: 15.02.2022).

и гибель людей в их результате; террористические акты и т.д.), следует говорить об опасности преступности для любого общества, государства и необходимости ее изучения и разработки мер предупреждения.

Цель работы и методы

В статье определены те проблемы, которые в настоящее время возникают в ходе проведения прикладных криминологических исследований, связанные с тематикой, методологией таких исследований, внедрением их результатов в практическую деятельность правоохранительных и иных государственных органов.

Обсуждение

Изучение преступности осуществляется, прежде всего, путем проведения криминологических исследований. Криминологическое исследование можно определить как последовательные, научно-обоснованные действия криминологов по решению стоящих перед ними задач (изучение преступности, ее причин и условий, личности преступников, разработка мер предупреждения преступности и конкретных преступлений) [8, с. 147]. Фактически любое криминологическое исследование носит прикладной характер, так как в конечном итоге его результаты направлены на практику борьбы с преступностью: предупреждение преступности или ее разновидностей, воздействие на лиц, совершающих преступления. В последние годы важность криминологических исследований в обществе, несомненно, возрастает, что связано с изменениями преступности, появлением новых малоисследованных видов преступлений, вовлечением в преступную деятельность новых слоев населения страны, изощренностью преступников и, как не обидно, – неспособностью порой правоохранительных органов противостоять криминалу.

Прежде, чем говорить о методологии криминологического исследования, необходимо, на наш взгляд, остановиться на исходных понятиях, о которых будет вестись речь, а именно методология, методика, метод. Начнем с последнего. Метод – путь, способ, прием теоретического исследования [5, с. 494]. Следует отметить, что в любом исследовании применяется, как правило, не один какой-то метод, а несколько, поэтому следует вести речь о методах исследования, с учетом этого, методы криминологического исследования определяются как совокупность приемов и способов, с помощью которых изучается предмет исследования [8, с. 13]. Методика – это совокупность методов обучения, выполнения чего-нибудь [16, с. 341]. Методика криминологического исследования, таким образом, представляет процесс непосредственного применения, использования конкретных исследовательских методов.

В словарях иностранных слов методология определяется как учение о научном методе или методах отдельных наук [5, с. 494]. Криминологи отмечают, что методология представляет собой учение о путях, методах проведения криминологического исследования [13, с. 34]. Можно сказать, что если методика – это тактика проведения исследования, то методология –

это его стратегия. Как совершенно верно отмечал А. Э. Жалинский, методологические основания криминологии заключаются в том, чтобы:

- определить предпосылки научной и практической деятельности, то есть исходные положения, которые принимаются в качестве истинных и определяющих подход к различным криминологическим проблемам;

- избрать принятые в науке и на практике методики деятельности, то есть соответствующие поставленным задачам приемы и средства получения необходимых результатов [10, с. 78].

Следует отметить, что методология криминологического исследования зависит от объекта и предмета исследования, поставленных в нем исследовательских задач [13, с. 34], что бесспорно. Но также следует учитывать, особенно в наше время, с учетом множества криминологических теорий, что методология будет зависеть от того, какой гносеологический подход используется в науке в той или иной стране при изучении преступности (социологический, антропологический, социолого-правовой и т.д.).

В отечественной российской криминологии сложился основной подход, при котором:

- преступность рассматривается как разновидность социальных явлений, но при этом носящая уголовно-правовой характер, поэтому широко применяются именно социологические методы исследования;

- преступность рассматривается во взаимосвязи с другими социальными явлениями и процессами (экономическими, духовными, иными, например, пьянством, наркоманией и т.д.);

- развитие изучаемых явлений рассматривается как постоянный процесс (изучается состояние преступности в прошлом, настоящем, будущем путем прогнозирования ее развития) [13, с. 35].

При этом следует отметить, что ученые в последние годы все более активно подвергают сомнению такой диалектический подход в изучении преступности и предлагают новые, нетрадиционные точки зрения. Например, Е. С. Жигарев говорит о необходимости использования в криминологии экзистенциалистского метода, направленного в первую очередь на изучение внутреннего, личностного мира преступника, а не самой преступности [11, с. 25–26].

В. Н. Фадеев заявляет о необходимости учитывать в криминологии, прежде всего, «Систему мирового разума», «Единую космическую коалицию» [18], использовать в науке метафизические подходы [19, с. 158]. Данные точки зрения, как, впрочем, и другие, несомненно, имеют научный интерес и право на существование, хотя, на наш взгляд, могут создавать и определенные трудности в изучении криминологических проблем. Следует согласиться с А. Н. Игнатовым и Е. Б. Ильинович в том, что именно диалектический метод позволяет изучить феномен преступности в динамике ее развития и динамике социального познания [12, с. 131].

В общем виде объектом криминологического исследования следует считать общественные отношения, связанные с существованием преступности и конкретных преступлений, а также деятельностью по их предупреждению.

Предмет исследования отражает конкретные стороны его объекта, являющиеся малоизученными, носящими проблематичный характер. Это могут быть характеристики и особенности отдельных видов преступности и конкретных преступлений, их причины и условия; особенности личности преступников, их совершающих; эффективность деятельности по предупреждению преступности и преступлений, конкретные меры предупредительной деятельности.

В большинстве криминологических работ отмечается, что в криминологии наиболее активно используются специально-криминологические методы исследования, такие как изучение уголовных дел; анализ уголовно-правовой статистики; опрос преступников; экспертный опрос сотрудников правоохранительных органов [8, с. 148].

Какие же имеются, на наш взгляд, сложности и упущения при проведении современных криминологических исследований, в частности, диссертационного характера. Некоторые авторы иногда отмечают, что в настоящее время криминология находится в определенной стагнации. Это касается тематики диссертационных исследований, так как многие криминологические проблемы, например разновидности преступности, достаточно глубоко изучены. Отчасти авторы правы, так как по проблемам предупреждения многих видов преступности (например, преступности несовершеннолетних, организованной, экономической и других) подготовлены сотни, если не тысячи кандидатских и докторских диссертаций.

Задача исследователя при их изучении, на наш взгляд, должна заключаться в выявлении современных особенностей таких видов преступности, определении тенденций их развития, и самое главное, в разработке новых, эффективных и отвечающих современным условиям развития науки и техники, состоянию общества мер их предупреждения. Полагаем, что к числу таких «новых» направлений криминологических исследований можно отнести изучение преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2020 году количество таких деяний в стране резко возросло (+73,4 %) и составило 510 тыс., в 2021 г. уже 517 тыс. (+1,4 % по сравнению с 2020 г.) [17, с. 6].

Актуальным видится и разработка мер предупреждения преступности и конкретных преступлений с использованием новых, в том числе информационно-телекоммуникационных технологий. Как справедливо отмечает В. С. Овчинский, Россия уже живет в цифровой эре, происходит всеобщая связанность, интеграция личных девайсов, общественных сетей, корпоративных систем и правительственных инфраструктур в единое целое – цифровой взаимосвязанный мир. Но это требует и изменения подходов к национальной цифровой безопасности и кибербезопасности как несущей конструкции цифровой безопасности [15, с. 10]. В этой связи значимость и необходимость криминологических исследований, несомненно, увеличиваются.

Как уже отмечалось ранее, специально-криминологическим методом исследования, причем обязательным, является анализ уголовно-правовой статистики. По этому поводу, на наш взгляд, необходимо отметить: во-первых, сама уголовно-правовая статистика несовершенна и не без «изъянов»; во-вторых, сами криминологи порой неправильно используют

и интерпретируют ее данные. Как отмечает В. В. Лунеев, в настоящее время мы не знаем реального объема преступности, всех ее социальных последствий, общего числа жертв преступлений, не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью, не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее развития [14, с. 243]. Этому во многом способствует латентность преступности, но и не только. Существенный недостаток значительного числа исследований, не позволяющий определять закономерности развития преступности, на наш взгляд, заключается в анализе состояния как всей преступности, так и отдельных видов преступлений, за небольшие временные промежутки. Как правило, за пять последних лет. Характерно то, что за такие короткие периоды времени сложно, если вообще возможно, выявить точные тенденции развития преступности. Как справедливо отмечает С. Ю. Бытко, в связи с тем, что преступность имеет определенные «всплески и спады», криминологические исследования, осуществляемые за небольшие временные промежутки, могут привести к неверным выводам о ее тенденциях. Необходимо учитывать долгосрочные изменения преступности за период, охватывающий предшествующие колебания преступности за 12 – 15 лет [6, с. 12].

В криминологических исследованиях активно используется такой метод, как опрос преступников. Такой опрос осуществляется, как правило, путем анкетирования, реже тестирования указанных лиц. При этом следует отметить, что исследователи выясняют, прежде всего, социально-демографические, уголовно-правовые характеристики личности преступника, реже их нравственно-психологические свойства и качества, представление о которых формируется из ответов преступников об их поведении до совершения преступления, его отношении к потерпевшему и содеянному, раскаянии в содеянном или напротив его одобрении и т.п. Такие ответы характеризуют главным образом ценностно-нормативную систему личности преступника, ее нравственные стороны, знание которых недостаточно. Необходимо знать, как отмечает Ю. М. Антонян, и психологические особенности преступников [3, с. 49]. На наш взгляд, очень редко исследователи, например диссертанты, используют методику многостороннего исследования личности (ММИЛ), разработанную психологами. С помощью названной методики можно получить более целостное представление о личности, так как она охватывает несколько уровней исследования. Первый уровень отражает врожденные свойства личности, тип психической деятельности, темперамент, сексуальность, эмоциональные свойства. Второй уровень отражает типичные реакции и действия индивида, тип социального поведения. Третий, в свою очередь, определяет то, о чем мы говорили, – социальную направленность личности, иерархию ее ценностей и нравственных отношений [3, с. 50]. Поэтому важен именно многосторонний, многофакторный анализ личности преступника, позволяющий представить наиболее точную криминологическую «картину» такой личности.

Следует также кратко остановиться на такой методологической проблеме, как внедрение в практику результатов проведенного криминологического исследования. Большинство криминологических исследований проводится именно в целях дальнейшего внедрения в предупредительную

деятельность его результатов. Внедрение результатов исследования представляет собой процесс доведения до заказчика, заинтересованных лиц основных положений, выводов и рекомендаций проведенного исследования в целях их использования в практике борьбы с преступностью. Результаты исследования, или как отмечал Г. А. Аванесов «продукция криминологии», представляют собой подготовленные не только для дальнейшего развития научных исследований, но и для внедрения в практику борьбы с преступностью данные, рекомендации и предложения, указания о принципиальных направлениях работы [1, с. 110]. К сожалению, до сих пор не исключены случаи, когда исследования на выходе не имеют конкретных рекомендаций по борьбе с преступностью и конкретными преступлениями, а самое главное, имеющиеся, порой весьма интересные и обоснованные предложения и рекомендации, не доходят до правоприменителя, остаются ему неизвестными и невостребованными. Как нам кажется, это связано, в том числе и с тем, что законодатель, руководители правоохранительных органов и тем более других государственных структур особо и не заинтересованы в результатах криминологических исследований, так как им в свою очередь придется осуществлять какие-то меры и мероприятия по реализации таких результатов, привлекать материальные ресурсы, что невыгодно и т.п. О таком отношении к результатам криминологических исследований, и науке криминологии в целом, мы неоднократно писали ранее [7]. В этой связи уместно говорить о том, что не только у сотрудников правоохранительных органов, но и у руководства страны необходимо формировать криминологическое мышление. Его можно определить как разновидность интеллектуальной деятельности, состоящую в решении определенного класса мыслительных задач формирования современной уголовной политики на основе использования достижений криминологической науки и практического опыта борьбы с криминалом, знания, понимания и учета криминологических закономерностей, способности выбора надлежащей стратегии борьбы с преступностью и оценки ее эффективности [4, с. 59].

В целях наиболее полного внедрения криминологических исследований в практическую деятельность по борьбе с преступностью, формирования криминологического мышления и криминологической культуры у сотрудников правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, находящихся на переднем крае борьбы с преступностью, видится целесообразным введение в органах внутренних дел должности штатного криминолога [9, с. 511]. Такие должности были введены в полиции ряда стран, например, в США, Канаде, Великобритании и других странах, чем была решена проблема оперативного внедрения результатов криминологических исследований в правоохранительную практику, что весьма положительно повлияло на эффективность принимаемых управленческих решений, направленных на противодействие преступности. Например, в полиции Канады криминологи задействованы на всех ее уровнях и во всех подразделениях страны². Следует согласиться с Е. О. Алаухановым

² NCIS, The National Intelligence Model. London: National Criminal Intelligence Service. 2000. P. 12–13.

[2] в том, что учет криминологических исследований свидетельствует о готовности общества идти по пути научно обоснованного, прогрессивного преобразования общественных отношений при помощи цивилизованных и гуманных методов, соответствующих стандартам правового государства и гражданского общества. Российское общество на сегодняшний день, к сожалению, в полной мере к этому не готово.

Заключение

Следует отметить, что мы затронули наиболее общие проблемы, связанные с методологией проведения криминологических исследований. Автор никоим образом не претендует на истину в последней инстанции, а лишь выражает свое видение указанных проблем. Проблема методологии криминологических исследований достаточно сложна и дискуссионна, требует дальнейшего научного анализа, а также, что самое главное, – учета и использования новейших методов и методик исследований, разработанных другими науками.

Список литературы

1. **Аванесов Г. А.** Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984. 499 с.
2. **Алауханов Е. О.** Криминология. Общая и Особенная части: учебник: Алматы, 2008. 624 с.
3. **Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.** Личность преступника. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. 366 с.
4. **Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.** Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 55 – 65.
5. **Большой словарь иностранных слов** / Сост. В. Ю. Никитина. М.: Дом славянской книги, 2010. 991 с.
6. **Бытко С. Ю.** Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... док-ра юрид. наук. Саратов, 2019. 44 с.
7. **Варыгин А. Н.** О проблемах правового регулирования предупреждения преступности // Трансформация права и правоохранительной в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: мат. VII Межд. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2020. С. 51 – 54.
8. **Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В.** Основы криминологии и профилактики преступлений: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. 165 с.
9. **Варыгин А.Н., Червоных Е.В. и др.** Институт штатных криминологов (криминальных аналитиков): зарубежный опыт и перспективы внедрения в систему профилактики правонарушений в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 506 – 518.
10. **Жалинский А. Э.** Избранные труды. В 4 т. Том 1. Криминология. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 699 с.
11. **Жигарев Е. С.** Акценты криминологии. М.: Юрлитинформ, 2017. 312 с.
12. **Игнатов А. Н., Ильинович Е. Б.** Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 129 – 133.
13. **Криминология: учебник** / Под ред. А. И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
14. **Лунеев В. В.** Курс мировой и российской криминологии: учебник для магистров. В 2 т. Том 1. Общая часть. М.: Юрайт, 2015. 1003 с.

15. **Овчинский В. С.** Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
16. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. М.: Оникс, 2007. 976 с.
17. **Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года:** статист. сб. М.: МВД РФ, 2022. 67 с.
18. **Фадеев В. Н.** Логическое обоснование предмета неоклассической криминологии // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 286 – 290.
19. **Фадеев В. Н.** Метафизические предпосылки становления и развития криминологии будущего // Вестник Московского университета МВД РФ. 2020. № 6. С. 158 – 160.

References

1. **Avanesov G.A.** *Kriminologiya* [Criminology], Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1984, 499 p. (In Russ.).
2. **Alaukhanov Ye.O.** *Kriminologiya. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminology. General and Special parts: textbook], Almaty, 2008, 624 p. (In Russ.).
3. **Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.Ye.** *Lichnost' prestupnika* [The identity of the offender], St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2004, 366 p. (In Russ.).
4. **Babayev M.M., Pudovochkin Yu.Ye.** [Criminological thinking in the context of intellectual support for criminal policy], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2008, no. 3, pp. 55-65. (In Russ.).
5. **Nikitina V.Yu. (Comp.).** *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [Large dictionary of foreign words], Moscow: Dom slavyanskoy knigi, 2010, 991 p. (In Russ.).
6. **Bytko S.Yu.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*, Saratov, 2019, 44 p. (In Russ.).
7. **Varygin A.N.** *Transformatsiya prava i pravookhranitel'noy v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii, stranakh SNG i Yevropeyskogo Soyuz* [Transformation of law and law enforcement in the context of the development of digital technologies in Russia, the CIS countries and the European Union], Proc. of the VII International scientific and practical conference dedicated to the 110th anniversary of SSU named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, 2020, pp. 51-54. (In Russ.).
8. **Varygin A.N., Gromov V.G., Shlyapnikova O.V.** *Osnovy kriminologii i profilaktiki prestupleniy* [Fundamentals of criminology and crime prevention], Moscow: Yurayt, 2019, 165 p. (In Russ.).
9. **Varygin A.N., Chervonnykh Ye.V. et al.** [Institute of full-time criminologists (criminal analysts): foreign experience and prospects for implementation in the system of crime prevention in the Russian Federation], *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2019, vol. 13, no. 3, pp. 506-518. (In Russ.).
10. **Zhalinskiy A.E.** *Izbrannyye trudy* [Selected Works], In 4 vols., vol. 1. *Kriminologiya* [Criminology], Moscow: Izdatel'skiy dom VSHE, 2014, 699 s. (In Russ.).
11. **Zhigarev Ye.S.** *Aktsenty kriminologii* [Emphasis of criminology], Moscow: Yurlitinform, 2017, 312 p. (In Russ.).
12. **Ignatov A.N., Il'yanovich Ye.B.** [Methodological foundations for the study of crime], *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2015, no. 2(52), pp. 129-133. (In Russ.).
13. **Dolgovaya A.I. (Ed.).** *Kriminologiya* [Criminology], Moscow: Norma, 2005, 912 p. (In Russ.).
14. **Luneyev V.V.** *Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii* [Course of world and Russian criminology], In V 2 vols., vol. 1, *Obshchaya chast'* [General part], Moscow: Yurayt, 2015, 1003 p. (In Russ.).

15. **Ovchinskiy V.S.** *Kriminologiya tsifrovogo mira* [Criminology of the digital world], Moscow: Norma: INFRA-M, 2018, 352 p. (In Russ.).
16. **Ozhegov S.I.** *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language], Moscow: Oniks, 2007, 976 p. (In Russ.).
17. **Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2021 goda** [The state of crime in Russia in January-December 2021], statistical collection, Moscow: MVD RF, 2022, 67 p. (In Russ.).
18. **Fadeyev V.N.** [Logical substantiation of the subject of neoclassical criminology], *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad* [Russian criminological view], 2012, no. 3, pp. 286-290. (In Russ.).
19. **Fadeyev V.N.** [Metaphysical prerequisites for the formation and development of criminology of the future], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD RF* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2020, no. 6, pp. 158-160. (In Russ.).

Some Methodological Problems of Applied Criminological Research

A. N. Varygin, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
VAN808@yandex.ru

Criminology is a theoretical and legal science aimed at solving the problems of combating crime. Exploring crime and its varieties, personality traits of criminals and the causes of their criminal behavior, criminology offers the most optimal ways, means and specific measures to prevent crime and individual crimes. The article analyzes the problems associated with the methodology and methodology of modern criminological research. The concept of criminological research is given, the methods by which they are carried out are determined; revealed methodological shortcomings and omissions that young researchers make when conducting research of a criminological nature; the need to use new approaches to the study of criminological problems and the wider use of modern methods developed by other sciences was noted.

Keywords: criminology; criminological research; methodology of criminological research; method and methodology of conducting criminological research.

© A. Н. Варыгин, 2022

Статья поступила в редакцию 08.04.2022

При цитировании использовать:

Варыгин А. Н. Некоторые методологические проблемы прикладного криминологического исследования // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 319 – 327. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.319-327

Человек имеет естественную потребность трудиться, ведь он – существо социальное и при этом обычно достаточно деятельное. Уже по одной этой причине любая работа, включая ту, к которой привлекаются осужденные в исправительных учреждениях при отбывании лишения свободы, может считаться благом. Вместе с тем труд осужденных несвободен – они обязаны работать в силу приговора суда, хотя могут вовсе не иметь такого желания. Кроме того, осужденные лишены права выбора вида и места своей трудовой деятельности. Но даже в этих условиях труд может быть полезен для целей исправления осужденных и их последующего возвращения в общество, если, конечно, получится правильно (эффективно и адекватно с точки зрения способностей осужденных и потребностей рынка труда) его организовать. Данное исследование посвящено вопросам определения видов и мест работы осужденных, отбывающих лишение свободы, и тенденциям в организации труда осужденных в контексте целей уголовного наказания.

Ключевые слова: общественно полезный труд осужденных; лишение свободы; средства исправления; исполнение наказаний; уголовное наказание.

Денис Андреевич Добряков, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Уголовное право, уголовный процесс и криминология»,
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Москва, Россия;
den-dobryakov@yandex.ru

Татьяна Федоровна Минязева, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»;
профессор, кафедра уголовного права и криминологии,
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета РФ»,
Москва, Россия;
minyazeva2020@mail.ru

ВИДЫ И МЕСТА РАБОТЫ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Введение

В соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации общественно полезный труд осужденных является одним из основных средств их исправления, которое реализуется при исполнении всех уголовных наказаний, включающих в себя работу осужденных. К числу таких наказаний относятся «три вида работ» (обязательные, исправительные и принудительные), и лишение свободы, при исполнении которого потенциал этого средства исправления может быть реализован наиболее полно.

Отбывая лишение свободы, осужденные обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений (ч. 1 ст. 103 УИК РФ). При этом работать должны все трудоспособные

осужденные – закон допускает исключение только для лиц, достигших пенсионного возраста, инвалидов I и II групп (ч. 2 ст. 103 УИК РФ), а также несовершеннолетних, хотя в их отношении установлено скорее не исключение, а особое правило (они не освобождены от обязанности трудиться, однако организация их труда подчинена требованиям трудового законодательства в части ограничения по видам и тяжести выполняемой работы (ч. 2 ст. 103 УИК РФ, ст. 265 ТК РФ)).

В соответствии с данными, приведенными в Распоряжении Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» (раздел XIII), по состоянию на 1 января 2021 г. рабочими местами было обеспечено только 128 тыс. осужденных, то есть примерно 40 %¹. В этом состоит одна из основных проблем организации труда осужденных: *во-первых*, они должны работать и этого прямо требует закон; *во-вторых*, их труд в силу того же закона должен оплачиваться, что важно не только для того, чтобы заинтересовать их в работе, но и для их последующей ресоциализации – на заработанные во время отбывания наказания деньги осужденные могут (потенциально) обеспечить себя в течение некоторого времени после освобождения из мест лишения свободы, а кроме того за счет оплаты труда у них должно сформироваться понимание возможности зарабатывать правомерным трудом. Но нехватка рабочих мест на производственном комплексе уголовно-исполнительной системы не позволяет обеспечить работой всех осужденных и приводит к их ротации на производстве, неполной занятости и прочим «полумерам», без которых в текущих условиях даже формально не получается выполнить требования уголовно-исполнительного законодательства.

Можно было бы, конечно, привести *в-третьих* про пользу для экономики за счет использования осужденных в качестве трудового ресурса, но уголовное наказание, как известно, такой цели не имеет. Положительное завершение процесса исправления осужденных должно, помимо прочего, сформировать у них уважительное отношение к труду – в этом и без того заключается значительная экономическая польза (прошедшие профессиональную подготовку и получившие во время отбывания наказания опыт общественно полезного труда граждане после освобождения возвращаются в общество и могут участвовать в экономических процессах).

Другой проблемой является то, где упомянутые 40 % осужденных работают – места и виды работ для них ограничены не только количественно, но и качественно. В основном, в производственном комплексе уголовно-исполнительной системы организован низкооплачиваемый труд, не требующий высокой квалификации от работников. При этом даже для того, чтобы привлекать осужденных к соответствующим работам, часто требуется предварительно провести их профессиональную подготовку (поэтому общественно полезный труд тесно связан с другим средством

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/400739567> (дата обращения: 07.07.2022).

исправления – профессиональным обучением и подготовкой). Это обусловлено характеристикой личности среднего осужденного – обычно это лицо без образования и сколько бы то ни было значимого опыта работы, то есть не имеющее надлежащей квалификации. Отчасти данное обстоятельство предопределяет структуру производственного комплекса уголовно-исполнительной системы, в которой сложная и высокооплачиваемая работа просто не будет востребована в виду отсутствия подходящих работников.

Однако, с другой стороны, низкооплачиваемая работа снижает вероятность успешной ресоциализации осужденных – последующая преступная деятельность потенциально может быть сочтена ими более «простой и выгодной», чем законный труд, навыки которого они получили (или должны были получить) во время отбывания наказания. К тому же остаются и другие категории осужденных (впервые совершившие преступления, совершившие преступления по неосторожности, имеющие работу, существенные сбережения, лица с высшим образованием и без очевидных «преступных наклонностей» и пр.), для которых уголовно-исполнительная система оказывается неспособна подобрать «подходящую» вакансию (их лучше либо вообще не привлекать к труду и применять к ним иные средства исправления, либо пытаться обеспечить трудом вне производственного комплекса уголовно-исполнительной системы).

Материалы и методы

При написании статьи использованы: актуальное российское и зарубежное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, данные судебной практики и статистики, а также научные исследования, посвященные вопросам организации труда осужденных. Анализ соответствующих материалов осуществлялся при помощи формально-юридического, сравнительно-правового и иных частнонаучных и общенаучных методов.

Обсуждение и результаты

Виды и содержание трудовой деятельности осужденных в каждом государстве обусловлены сочетанием по меньшей мере трех факторов: уголовно-исполнительной политики этого государства, наличия подходящих и достаточных производственных мощностей, а также квалифицированности осужденных (а заодно и остальных их социально-криминологических «параметров»). Последнее обстоятельство в значительной мере предопределяет первые два и заслуживает особого внимания.

Лица, отбывающие уголовные наказания (и вообще привлеченные к уголовной ответственности), представляют собой специфическую и вместе с тем предельно неоднородную часть населения любой страны. Для осужденных свойственно «видовое разнообразие» по самым разным основаниям, начиная от их базовых демографических (половозрастных и прочих) характеристик, заканчивая уровнем образования и наличием официального трудоустройства на момент совершения преступления.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что между совершением преступления и низким заработком либо отсутствием работы

и(или) низким уровнем образования либо его полным отсутствием, этими важными детерминантами преступного поведения (выделяемыми наравне с социальной средой, в которой находится лицо, его семейными отношениями, историей взросления, психологическими проблемами и особенностями психического развития, а равно и прочими обстоятельствами [2, с. 45]), в большинстве случаев есть прямая связь, которую можно выявить, обратившись к актуальным статистическим данным для установления соотношения между недостаточно высокими усредненными уровнями образования и жизни населения с показателями преступности.

Так, в Российской Федерации в 2020 году² в общей сложности было осуждено почти 531 тыс. человек, из которых доля лиц, имеющих высшее профессиональное образование, составила 8,1 % (около 43 тыс. человек), а лиц без образования вообще, только с начальным (четыре класса школы) либо основным общим образованием (девять классов школы) – 19,4 % (103 тыс. человек). При этом безработными, а точнее трудоспособными, но не имеющими постоянного источника дохода, оказались 66,1 % осужденных (351 тыс. человек; из них 5,4 тыс. – лица, зарегистрированные в службе занятости как безработные).

В 2019 году ситуация была практически тождественной – 8,4 % (около 50,3 тыс. человек) осужденных имели высшее профессиональное образование, 19,5% (117 тыс. человек) не имели образования вообще или завершили только его начальные ступени, 64,9 % осужденных были безработными³. За пять лет (по сравнению с данными 2015 г.⁴) осужденные в среднем стали «образованнее» (соответствующие показатели, то есть доля осужденных с высшим образованием и без образования вообще, в 2015 году составляли 7,2 % (около 53 тыс. человек) и 20,5 % (151,5 тыс. человек), соответственно), тогда как число безработных среди них было примерно таким же (64,7 % (475 тыс. человек)).

Показательно, что по тем же статистическим данным в 2020 г. 25,1 % осужденных (133,7 тыс. человек) пришлось на четыре части ст. 158 УК РФ (составы кражи неизменно остаются самыми распространенными не только среди хищений, но и в целом в структуре российской преступности), причем из приведенной доли 73,2 % осужденных (98 тыс. человек) были безработными и только 3,5 % (4,7 тыс. человек) имели высшее профессиональное образование. Для следующего по распространенности преступления, которое предусмотрено ст. 228 УК РФ, характерны несколько иные

² Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/k5_1-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения: 07.07.2022).

³ Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_1-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 07.07.2022).

⁴ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 2015 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k5-svod-2015.xls (дата обращения: 07.07.2022).

показатели безработных и лиц с высшим образованием, однако смысл остается тем же – большинство осужденных не были трудоустроены, а также не имели высшего образования. Если приводить конкретные данные, то из осужденных по всем частям ст. 228 УК РФ (9,9 % от общего числа осужденных по всем составам УК РФ; 53 тыс. человек) 64,3 % (34,1 тыс. человек) были безработными, а 8,4 % (4,4 тыс. человек) имели высшее образование.

Похожая структура осужденных имеет место и в других странах – для них также характерна прямая связь нехватки образования и материального достатка с совершением преступлений. Например, в Японии согласно результатам исследования, проведенного Министерством юстиции этой страны в 2019 году, среди опрошенных осужденных (всего 896 человек) в общей сложности безработными на момент осуждения было 65,2 %, а высшее профессиональное образование получали (имели, получали, то есть обучались на момент осуждения или пытались получить, но по тем или иным причинам прервали обучение) 9,8 %, причем доля безработных и лиц с более низким уровнем образования была выше среди «рецидивистов»⁵.

В свою очередь, в США по состоянию на 2013–2014 годы около 68 % осужденных к лишению свободы мужчин не окончили старшую школу, а в штате Калифорния и вовсе только 20 % осужденных имели базовый или более высокий уровень грамотности (то есть в худшем случае могли более или менее нормально читать и писать)⁶. В то же время (по состоянию на 2014 г.) средний ежегодный доход осужденных в США до их привлечения к уголовной ответственности был в среднем на 41 % меньше, чем у «свободных» людей того же возраста. Хотя последние приведенные данные не свидетельствуют прямо о связи безработицы с совершением преступления (пусть осужденные и имели меньший доход, но все же часть из них наверняка была трудоустроена – доход ведь этот откуда-то брался), однако очевидно, что не так «страшна» сама безработица, как нищета, которая может быть обусловлена не только полным отсутствием дохода, но также и его недостаточным уровнем.

Преступное поведение лица в большинстве случаев, так или иначе, направлено на удовлетворение его потребностей или желаний, которые данное лицо не способно удовлетворить или реализовать законным путем. Такие потребности и желания, а равно и способы их достижения, обусловлены различными причинами, среди которых можно выделить две наиболее явные. Здесь необходимо оговориться, что большое значение в структуре детерминант преступного поведения человека имеют случайности и непрогнозируемые, спонтанные порывы – общество является предельно

⁵ A study on effective policies, practices and research to reduce recidivism for 2019 // The Ministry of Justice. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001289623.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

⁶ Hanson K. & Spitek D. Schools v. prisons: Education's the way to cut prison population // San Jose Mercury News, 16.05.2014. URL: <https://ed.stanford.edu/in-the-media/schools-v-prisons-educations-way-cut-prison-population-op-ed-deborah-stipek> (дата обращения: 07.07.2022).

сложной системой, в которой едва ли допустимо выстраивать жесткие зависимости, что в полной мере касается и преступного поведения личности [1, с. 96 – 98]. Мы же рассматриваем соответствующие вопросы обобщенно, и до известной степени их упрощая, чтобы не уйти слишком далеко от основной темы исследования.

Итак, первой наиболее явной причиной преступного поведения является фактическое отсутствие у лица материальных возможностей для удовлетворения его «устремлений», ведь обычно преступник похищает чужую вещь потому, что ему хочется ей завладеть, но не он может ее купить, и это справедливо для большинства преступлений, которые направлены на прямое обогащение либо являются результатом нехватки материальных средств (этим можно попытаться объяснить не только совершение экономических преступлений, но и многие другие деяния).

Вторая причина состоит в отклонениях в формировании личности и психики человека. Данная причина сама по себе или в сочетании с первой может – в общих чертах и в наиболее типичных ситуациях (к которым, кстати, уместно отнести и спонтанное совершение преступления, то есть случаи внезапного возникновения умысла или личной неприязни с последующим их выражением в некоем противоправном деянии; в этом смысле неспособность человека в полной мере контролировать свое поведение может быть следствием нарушений в развитии психики, причем не патологических явлений, а всего лишь развития неправильных с точки зрения общества привычек и моделей поведения) – объяснить насильственные преступления против жизни и здоровья, а также прочие деяния, когда материальная составляющая при всем, так сказать, желании не может обеспечить удовлетворение потребностей личности (в том числе и потому, что эти потребности настолько своеобразны и так далеко выходят за рамки социально приемлемой нормы, что общество не готово с ними мириться).

Со второй причиной трудовая деятельность осужденных ничего сделать не может, поскольку работа с психическими аномалиями человеческой личности одной лишь «трудотерапией» не исчерпывается, хотя она и может применяться как средство дисциплинирующего воздействия. Здесь более уместно обратиться к воспитанию и образованию, причем не только к высшему образованию, на котором мы ради удобства изложения материала и более наглядного контраста в статистических показателях заострили внимание. Качественное образование любого уровня не только развивает человеческую личность и способствует формированию социально приемлемых навыков и поведенческих установок, но также помогает человеку занять достойное место в социуме, в том числе и с финансовой точки зрения.

При этом труд и все, что его предваряет (включая профессиональную подготовку и получение образования), потенциально способен оказаться чуть ли не панацеей для преодоления материальной несостоятельности осужденных, которая стала для них основной предпосылкой нарушения закона. И здесь следует говорить не только об абстрактной нищете, но также и о неспособности удовлетворить базовые потребности самого лица и его семьи или близких, причем базовыми в этом контексте можно назвать не только обычно выделяемые пищу и предметы одежды, но также и

все остальное, что субъективно необходимо для комфортной жизни конкретного человека. Вот только часто в исправительных учреждениях формируют навыки труда, пусть и социально приемлемого, но предполагающего интенсивный физический труд при сравнительно скромном вознаграждении, то есть законно добытых результатов такого труда (а надо еще раз подчеркнуть, что социально значимым является не только сам труд, но и его экономические итоги, среди которых ключевым будет заработок трудящегося) может оказаться недостаточно для обеспечения достойной жизни человека.

Необходимо понимать, что, если трудовая деятельность осужденных рассматривается как средство их ресоциализации и последующей социальной адаптации, такая деятельность должна не только занимать их досуг во время отбывания наказания, прививать дисциплину и формировать навыки труда, но также позволить осужденным рассчитывать на приемлемый доход, который они смогут получать, если и не во время отбывания наказания, то хотя бы после освобождения и последующего за этим трудоустройства в качестве свободных людей, и что этот доход будет достаточен для удовлетворения их потребностей. При этом для лучшего эффекта – с позиций благополучного возвращения осужденного в общество после отбытия наказания – трудовая деятельность осужденных должна быть осмысленной, причем это должно выражаться даже не в ее направленности на достижение какой-нибудь высокой цели (строительство плотины, железной дороги или стены для защиты от кочевников – в исторической ретроспективе, конечно же), а в понимании осужденным потенциальной пользы от такой деятельности для него самого.

Как отмечал Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома»: «если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием <...> то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжного, то сама по себе, как работа, она разумна: арестант делает кирпич, копает землю, штукатурит, строит; в работе этой есть смысл и цель. Каторжный работник иногда даже увлекается ею, хочет сработать ловчее, скорее, лучше. Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый <...> арестант удавился бы через несколько дней» [3, с. 24]. Когда труд является осмысленным и результативным, он приносит пользу как обществу, так и самому трудящемуся, а также, что немало важно, его легче перенести (особенно психологически – не приходится испытывать сизифовы муки), то есть он будет иметь не деструктивное влияние на «тело и душу» человека, но и воздействовать на него положительно.

Если осужденный научится работать (как осуществлять тот или иной вид трудовой деятельности, так и взаимодействовать по «рабочим вопросам» с руководством и коллегами), получит определенную квалификацию во время отбывания наказания и, трудоустроившись после освобождения, обнаружит, что его легальный заработок оказался меньше и требует больших усилий, чем «доход» от противоправной деятельности, искушение пойти на рецидив может оказаться весьма сильным, и тогда даже риск по-

вторного привлечения к ответственности (тем более при небезупречном качестве правоохранительной деятельности) будет привлекательнее, нежели изнурительный и во всех смыслах неудовлетворительный правомерный труд.

И это все при условии, что осужденный сможет трудоустроиться, а не столкнется с типичным для Российской Федерации и многих других стран мира социальным остракизмом, когда общество фактически станет принуждать его к продолжению преступной деятельности или маргинальному существованию в нищете. Описанные проблемы не могут быть решены одним лишь изменением подхода к организации (и дифференциации) работы осужденных во время отбывания наказания, они требуют комплексного анализа в сочетании с прочими общими социально-экономическими явлениями и тенденциями, свойственными обществу в целом. Здесь и проблема повышения уровня жизни, развитие человеческого потенциала, преодоление предрассудков и изменение самой философии восприятия преступности от ее клеймения как безусловного зла, до принятия социальной ответственности за нее и совместной работы над преодолением ее естественных причин и условий.

Можно предположить, что содержание и виды труда осужденных ограничены и в некотором смысле предопределены уровнем их образования и навыками (а равно и опытом), сформированными в ходе предшествовавшей осуждению профессиональной деятельности. Учитывая, что в среднем названные характеристики оказываются достаточно низкими, то и от работы, к которой привлекаются осужденные в рамках реализации уголовной ответственности, многого ждать не приходится. Осужденные часто выполняют функции разнорабочих, могут привлекаться к строительным работам, работам по благоустройству территорий, ремонту инфраструктурных объектов (например, дорог), уборке мусора, работе на объектах легкой промышленности и в сфере сельского хозяйства, то есть привлекаются к работе, не требующей от них высокой квалификации или позволяющей достаточно быстро освоить навыки, необходимые для ее осуществления.

Выбор конкретного вида работы зависит также от возможностей и специализации каждого отдельно взятого исправительного учреждения, и в этом состоит одна из существенных проблем, связанных с индивидуализацией труда осужденных. Например, в Северной Каролине есть специализированная тюрьма облегченного режима (*Minimum Security Prison*) под названием *Tyrrell Prison Work Farm*. Эта тюрьма расположена на 200 акрах (примерно 80 гектаров) земли и представляет собой комплекс сельскохозяйственных угодий, где работают осужденные, жилых, административных и хозяйственно-бытовых сооружений, которые, кстати, были возведены строительными командами, составленными из осужденных, отбывающих наказания в других исправительных учреждениях штата⁷. Очевидно, что лица, которые направляются для отбывания наказания в данную

⁷ Tyrrell Prison Work Farm // North Carolina Department of Public Safety. URL: <https://www.ncdps.gov/adult-corrections/prisons/prison-facilities/tyrrell-prison-work-farm> (дата обращения: 07.07.2022).

тюрьму, будут работать именно в сфере сельского хозяйства. Все альтернативные варианты занятости, которые могут быть для них доступны, сводятся к работе в хозяйственно-бытовом секторе тюрьмы (библиотеке, столовых и т.д.). И если осужденный направляется для отбывания наказания в *Tyrrell Prison Work Farm* или другое специализированное исправительное учреждение, выбор работы, которая будет (может быть) ему предоставлена, окажется весьма ограничен, как и возможности администрации исправительного учреждения в подборе работы, наиболее подходящей для данного осужденного. Суд вряд ли может настолько детально вникать в биографию и перспективы каждого осужденного, чтобы подбирать для него исправительное учреждение, руководствуясь не только тяжестью совершенного деяния и, соответственно, режима исправительных учреждений, но и исходя из реализуемых там видов обязательной работы. Впрочем, этот вопрос можно отнести к числу дискуссионных.

Гораздо проще (и лучше, хотя это тоже дискуссионное утверждение), когда исправительное учреждение имеет многопрофильное производство, то есть реализует несколько рабочих программ или допускает взаимодействие по вопросам трудоустройства осужденных с другими исправительными учреждениями, органами государственной власти или местного самоуправления и даже сторонними организациями. Например, в английской тюрьме *HM Altcourse Prison*, расположенной в Ливерпуле, осужденные могут работать в коммерческой прачечной (оказывающей услуги населению и организованной в соответствии с отраслевыми стандартами), на производстве по сборке офисной мебели, в металлургических и покрасочных цехах, где изготавливаются мусорные контейнеры, ворота для ограждений, а также прочие металлические изделия, выполнять работы по переработке отходов (включая картон и бумагу) и привлекаться к другим работам. При этом трудовая деятельность осужденных в *HM Altcourse Prison* организована таким образом, чтобы формировать у них навыки как индивидуальной, так и коллективной работы, а сам рабочий процесс направлен на исполнение реальных договоров (поставки товаров или оказания услуг) с внешними (не имеющими отношения к уголовно-исполнительной системе) и внутренними (т.е. входящими в уголовно-исполнительную систему) заказчиками, заключаемых в соответствии с принципами коммерческого рынка (определяющими в том числе и конкурентные требования к качеству продукции)⁸. В тюрьме *HM Cardiff Prison*, расположенной в столице Уэльса (в Кардиффе), помимо участия в обычных видах трудовой деятельности, осужденные могут освоить навыки бариста и даже поработать в открытом для широкой публики ресторане *The Clink Restaurant*, управляемом осужденными при поддержке местного благотворительного фонда⁹.

Большое значение имеют также и рабочие программы, реализуемые отдельными исправительными учреждениями. Так, рабочие программы, утвержденные для японской тюрьмы *Shimane Asahi Rehabilitation Program*

⁸ Industries // HMP Altcourse. URL: https://hmpaltcourse.co.uk/about_rar_i.htm (дата обращения: 07.07.2022).

⁹ Cardiff Prison // Prisons and probation. URL: <https://www.gov.uk/guidance/cardiff-prison#life-at-cardiff-prison> (дата обращения: 07.07.2022).

Center (которая является интересным примером реализации государственно-частного партнерства в сфере исполнения наказаний), целиком ориентируют всю производственную активность осужденных на их исправление, а точнее на социальную реабилитацию (такие программы называются «программами реабилитации»). Поэтому трудовая деятельность осужденных в этом исправительном учреждении по большей части состоит в том, что они выращивают розы и другие растения в теплицах на территории исправительного учреждения, а некоторые из них работают в парке (*Shinkai Park*), где занимаются выращиванием чая, овощей и шелковицы белой (*Morusalba*) под руководством местных фермеров. Кроме того, отдельные осужденные привлекаются к иным, в том числе и творческим работам. Например, некоторые из них изготавливают традиционные синтоистские маски для театрализованных религиозных представлений и прочие, в том числе и керамические изделия, относящиеся к местным ремеслам¹⁰.

Осужденные, отбывающие наказания в австралийском штате Виктория, привлекаются к работе как в исправительных учреждениях, так и за их пределами на основании контрактов с различными организациями. Конкретный вид работы варьируется в зависимости от условий отбывания наказаний в каждом отдельно взятом исправительном учреждении, но чаще всего осужденные трудятся в сферах металлургии, деревообработки, сельского хозяйства, животноводства (в том числе и на специализированной ферме *Langi Kal Kal Angus*, где осужденные привлекаются к коммерческому разведению домашних быков определенных пород¹¹) и садоводства. При отбывании наказания в условиях облегченного режима (соответствующие осужденные определяются как имеющие *Minimum Security Classification*, то есть минимальный уровень безопасности) осужденные могут направляться тюрьмами на работы по восстановлению лесов, минимизации эрозии почв и реализации других социально значимых проектов, осуществляемых органами местной уголовно-исполнительной системы совместно с отвечающим за экологию подразделением правительства штата Виктория (*Victorian Department of Environment, Land, Water and Planning*)¹².

Все приведенные примеры объединяет то обстоятельство, что перечисленные в них виды трудовой деятельности едва ли можно отнести к числу высокооплачиваемых (о критериях «престижа» и тому подобных характеристиках мы говорить не будем, ведь всякий труд важен или по меньшей мере достоин уважения). И это обусловлено не только низкой квалификацией большинства осужденных, вследствие чего уголовно-исполнительная система любого государства заинтересована в создании

¹⁰ Rehabilitation Programs // Shimane Asahi Rehabilitation Program Center. URL: <http://www.shimaneasahi-rpc.go.jp/english/torikumi/index.html> (дата обращения: 07.07.2022).

¹¹ History // Langi Kal Kal Angus. URL: <https://www.langikalkalangus.vic.gov.au/history> (дата обращения: 07.07.2022).

¹² Work, education and training // Corrections, Prisons & Parole. URL: <https://www.corrections.vic.gov.au/prisons/going-to-prison/work-education-and-training> (дата обращения: 07.07.2022).

в первую очередь рабочих мест с минимальными квалификационными требованиями и возможностью в кратчайшие сроки освоить необходимые навыки. Другим фактором, существенно ограничивающим вариативность видов трудовой деятельности осужденных, является угроза безопасности – разумно предположить, что человек, осужденный за совершение «интеллектуального» преступления, при прочих равных условиях будет пользоваться меньшим доверием потенциального работодателя и притом часто отнюдь не безосновательно.

Описанный подход не вполне справедлив, поскольку естественное стремление государства снизить риск совершения новых преступлений (или иных противоправных действий) осужденными приводит к ограничению трудовых прав таких лиц без учета не только их личности, но и совершенного ими преступления. Если для осужденных, привлеченных к ответственности за совершение умышленных преступлений, никакую перестраховку нельзя считать избыточной, то, например, лица, впервые осужденные за совершение преступлений по неосторожности, потенциально могут привлекаться к любому труду, соответствующему их квалификации. Такая оговорка способна не только сделать производственный комплекс уголовно-исполнительной системы государства более эффективным, но и помочь соответствующей категории осужденных избежать профессионально-экономической «деградации», с которой они могут столкнуться вследствие необходимости переквалификации для работы по иным специальностям.

Представляется важным при выборе и назначении вида работы в обязательном порядке учитывать образование и предшествующий опыт трудовой деятельности каждого осужденного в контексте характеристики его личности и совершенного им деяния. И если обеспечить привлечение к труду части «положительно характеризующихся» осужденных (например, имеющих высокую квалификацию и совершивших преступление по неосторожности) в рамках системы государственно-частного партнерства, когда представители предпринимательства или иных негосударственных структур нанимают на работу осужденных, отбывающих наказания, государству не потребуется создавать и специально оборудовать для них рабочие места (даже единичные, поскольку таких осужденных будет заведомо немного) ни на территории исправительных учреждений, ни у сторонних организаций-партнеров. В организации труда осужденных может найти применение апробированный за период 2019 – 2021 годов формат дистанционной работы, когда работник выполняет определенную трудовую функцию вне места нахождения работодателя или любого принадлежащего ему обособленного структурного подразделения, а также вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии обеспечения взаимодействия между работником и работодателем через Интернет или иные информационно-телекоммуникационные сети (ст. 312.1 Трудового кодекса РФ).

При этом трудовая деятельность осужденного, работающего дистанционно, потребует лишь предоставления работодателем или приобретения осужденным за свой счет необходимого для работы оборудования.

Сам рабочий процесс может быть организован непосредственно на территории исправительного учреждения в любом пригодном для этого помещении (которое может варьироваться в зависимости от вида работы – например, дистанционная работа в сфере информационных технологий может осуществляться в библиотеке или другом помещении, где есть минимально необходимая для этого мебель, освещение и розетки для подключения техники), что проще и дешевле, чем создание для осужденного полноценного рабочего места в производственном комплексе, находящемся на балансе исправительного учреждения. В итоге в выигрыше от такой организации труда осужденных могут оказаться все заинтересованные стороны, и это особенно важно в ситуации, когда уголовно-исполнительная система не имеет возможности обеспечить работой всех осужденных, обязанных трудиться.

Заключение

Резюмируя изложенное, отметим, что виды работ, к которым могут привлекаться осужденные, достаточно разнообразны, хотя доступ к высокооплачиваемым направлениям трудовой деятельности для них по большей части закрыт вне зависимости от их знаний и навыков. Эту проблему в некоторой степени компенсирует сочетание труда осужденных с их профессиональным обучением, когда они привлекаются к приемлемой (в том числе и с позиций безопасности), хоть и достаточно простой работе, но одновременно с этим могут освоить практически любую интересную для них образовательную программу. Данный подход, являясь компромиссным, потенциально способен обеспечить максимальное вовлечение осужденных в процесс развития у них полезных и социально приемлемых навыков и установок. При этом важным фактором эффективности соответствующих мер является заинтересованность самих осужденных в работе и обучении – противодействие (в любой форме, от безразличия и лени до халатности и явного саботажа) с их стороны будет менее выраженным, а отношение к мерам исправительно-социализирующего воздействия более ответственным, если при исполнении наказания учитывать качества их личности, интересы и склонности, а подбор видов деятельности осуществлять исходя из того, что они должны принести осужденным пользу после возвращения в общество.

Законодатели некоторых стран прямо закрепляют это при регламентации уголовной ответственности. Так, например, в соответствии со ст. 65 Закона Республики Корея «Об исполнении наказаний и обращении с заключенными»¹³ трудовая деятельность осужденных должна обеспечивать приобретение ими профессиональных навыков и стимулировать заинтересованность в работе как одним из элементов процесса ресоциализации. Назначая работу осужденному, администрация исправительного учреждения должна исходить из возраста, срока наказания и состояния здоровья осужденного, имеющихся у него навыков, особенностей личности, хобби,

¹³ Закон Республики Корея «Об исполнении наказаний и обращении с заключенными» // Корейский правовой информационный центр. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=213833#0000> (дата обращения: 07.07.2022). (На кор. яз.)

предшествовавшей осуждению карьеры, перспектив на будущее и прочих обстоятельств. При этом приведенный перечень открыт и не делится на обязательные и факультативные пункты – они все должны учитываться в равной степени.

Впрочем, подобные воззрения, что естественно, разделяют далеко не все, да и возможен такой подход стал по историческим меркам буквально вчера. Поэтому усредненному обществу (можно сказать и собирательно – человечеству) нужно еще какое-то время, чтобы воспринять ту гуманистическую концепцию организации труда осужденных и уголовной ответственности в целом, которая уже является обычной, например, для скандинавских стран, но даже там до настоящего времени вызывает общественно-политическую дискуссию (что достаточно ярко прослеживается на примере дела Андерса Б. Брейвика [7]). Причем, какое именно время понадобится для этого, нельзя спрогнозировать даже примерно, поскольку любые прогнозы, касающиеся развития общественных отношений, представляются делом неблагодарным.

Список литературы

1. **Бытко С. Ю.** Уголовное наказание: сущность и эффективность предупредительного воздействия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 312 с.
2. **Гомонов Н. Д., Труш В. М., Пирогов П. П., Тимохов В. П.** Детерминанты преступного поведения // Юридическая наука. 2020. № 1. С. 44 – 47.
3. **Достоевский Ф. М.** Собрание сочинений: Записки из Мертвого дома: Роман; Рассказы. М.: Мир книги, Литература, 2007. 384 с.
4. **Совлук Е. В.** К вопросу о методах привлечения кадров научно-технической интеллигенции для работы в системе ГУЛАГ (на примере ГУ «Енисейстрой» МВД СССР) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2011. № 3. С. 164 – 169.
5. **Шамсунов С. Х., Павлова Е. В.** Некоторые вопросы привлечения к труду осужденных к лишению свободы в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 55 – 58.
6. **Hemmingby C., Bjørge T.** Terrorist Target Selection: The Case of Anders Behring Breivik // Perspectives on terrorism. 2018. V. 12, No. 6. P. 164 – 176.
7. **Rabuy B., Kopf D.** Prisons of Poverty: Uncovering the pre-incarceration incomes of the imprisoned // Prison Policy Initiative. URL: <https://www.prisonpolicy.org/reports/income.html> (дата обращения: 09.07.2015).

References

1. **Bytko S.Yu.** *Ugolovnoye nakazaniye: sushchnost' i effektivnost' predupreditel'nogo vozdeystviya* [Criminal punishment: the essence and effectiveness of preventive action], Moscow: Yurlitinform, 2016, 312 p. (In Russ.).
2. **Gomonov N.D., Trush V.M., Pirogov P.P., Timokhov V.P.** [Determinants of Criminal Behavior], *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2020, no. 1, pp. 44-47 (In Russ.).
3. **Dostoevsky F.M.** *Sobraniye sochineniy: Zapiski iz Mertvogo doma: Roman; Rasskazy* [Collected Works: Notes from the House of the Dead: A Novel; Stories], Moscow: Mir knigi, Literatura, 2007, 384 p. (In Russ.).
4. **Sovluk E.V.** [To the Question about Methods to Attract the Brainpower Involved in the Work in the GULAG System (on the Example of “Yeniseystroy” of USSR Interior Ministry)], *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, 2011, no. 3, pp. 164-169. (In Russ.).

5. **Shamsunov S.Kh., Pavlova E.V.** [Some Questions of Employment of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty in Modern Conditions of Development of the Penal System], *Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2017, no. 2 (43), pp. 55-58. (In Russ).

6. **Hemmingby C., Bjørge T.** (2018). Terrorist Target Selection: The Case of Anders Behring Breivik, *Perspectives on terrorism*, 12 (6), 164-176.

7. **Rabuy B., Kopf D.** Prisons of Poverty: Uncovering the pre-incarceration incomes of the imprisoned, *Prison Policy Initiative*, 09.07.2015 (<https://www.prisonpolicy.org/reports/income.html>).

Types and Places of Convicts' Prison Work in the Russian Federation and Abroad

D. A. Dobryakov, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal law, criminal proceedings and criminology,
Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia;
den-dobryakov@yandex.ru*

T. F. Minyazeva, *Dr. Sci. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Department of Criminal Law Disciplines, Moscow City Pedagogical University,
Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia;
minyazeva2020@mail.ru*

A person has a natural need to work, because he is a social being and, moreover, usually quite active. For this reason, any work, including labor of convicts in correctional institutions (prison work), can be considered a boon. At the same time, the labor of convicts is not free – they are obliged to work by virtue of a court sentence, although they may not have such a desire at all. In addition, convicts are deprived of the right to choose the type and place of their labor activity. But even under these conditions, labor can be useful for the purposes of reforming convicts and their subsequent return to society, if, of course, it is possible to organize such labor correctly (effectively and adequately from the point of view of the abilities of convicts and the actual needs of the labor market). This study is devoted to the issues of determining the types and places of convicts' prison work, and trends in the organization of their labor in the context of the goals of criminal punishment.

Keywords: socially useful work of inmates; imprisonment; corrective means; execution of punishments; criminal punishment.

© Д. А. Добряков, 2022

© Т. Ф. Минязева, 2022

Статья поступила в редакцию 04.04.2022

При цитировании использовать:

Добряков Д. А., Минязева Т. Ф. Виды и места работы осужденных к лишению свободы в Российской Федерации и за рубежом // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 328 – 341. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.328-341

Рассмотрены проблемные вопросы института неоконченного преступления. На основе анализа положений уголовного закона, материалов судебной практики и доктринальных положений сформулированы отдельные выводы и предложения по совершенствованию действующего Уголовного кодекса РФ. Значительное место уделено теоретико-доктринальным вопросам квалификации неоконченных преступлений

Ключевые слова: неоконченное преступление; стадии совершения преступления; приготовление к преступлению; покушение на преступление; оконченное преступление.

Сергей Фёдорович Милюков, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра уголовного права, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»,
Санкт-Петербург, Россия;
dikoe polesf@gmail.ru

Татьяна Николаевна Дронова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра правоведения, Северо-Западный институт управления,
филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Санкт-Петербург, Россия;
Dronovatn@rambler.ru

НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ВИДЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Введение

На современном этапе учение о неоконченном преступлении получило довольно широкое исследование, только за последние годы данной проблеме и ее отдельным аспектам был посвящен ряд монографий [1, 3, 6, 8, 24, 29]¹.

Ответственность за незавершенную преступную деятельность предусматривается главой 6 УК РФ «Неоконченное преступление». Несмотря на то что за весь период действия уголовного закона положения данной главы не претерпели изменений, представители доктрины уголовного права неоднократно указывали на проблемы законодательной регламентации и применения норм об ответственности за неоконченную преступную деятельность. В этой связи считаем целесообразным рассмотреть общих положений данного института с анализом отдельных проблемных вопросов.

Действующий Уголовный кодекс вслед за уголовным законодательством дореволюционного и советского периода не дает определения стадий совершения преступления и даже не использует данный термин.

¹ См.: Дронова Т. Н., Милюков С. Ф. Современные проблемы регулирования ответственности за неоконченное преступление и нормативных условий добровольного отказа от него // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 1. С. 752 – 780.

Обсуждение

Понятие стадий² преступления выработано в доктрине уголовного права, под таковыми понимают имеющие уголовно-правовое значение этапы, которые проходят в своем развитии совершаемое с прямым умыслом преступление от начала до конца³. Стадиями совершения преступления являются: 1) создание условий для исполнения преступления (подготовительная стадия); 2) исполнение преступления. Они отличаются друг от друга по характеру и содержанию совершаемых действий (бездействия), степени реализации умысла виновного и, соответственно, размеру общественной опасности содеянного.

Непосредственному совершению лицом преступления предшествует психологический процесс обдумывания и принятия решения (наличие определенных побуждений, постановка цели, борьба мотивов и т.д.), который в юридической литературе принято именовать формированием умысла. Как не объективированный вовне психологический процесс он находится вне сферы уголовно-правового регулирования. В основе современного уголовного права лежит принцип «*cogitationis poenam nemo patitur*» («мысли не наказуемы»). Еще Н. С. Таганцев, характеризуя процесс формирования умысла, писал, что таковой «...лежит за пределами человеческой юстиции: она не имеет ни средств, ни способов проникнуть в эту сокровенную для других работу мысли» [31, с. 531].

Не имеет уголовно-правового значения и обнаружение умысла, которое выражается в проявлении вовне намерения совершить преступление (письменно, в сети Интернет, вербально, жестами и др.), поскольку характеризуется полным отсутствием общественно опасного деяния⁴. Вместе с тем Федеральным законом от 04 мая 2011 г. УК РФ был дополнен ст. 291¹, в ч. 5 которой была закреплена ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Данное законодательное решение, неоднозначно оцениваемое учеными, актуализировало проблему отграничения обнаружения умысла от оконченного преступления [4, с. 43; 38, с. 43]. Позднее, в 2016 году, была осуществлена криминализация обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе (ч. 4, ст. 204¹ УК РФ).

Разъяснения же Верховного Суда РФ о том, что «не может быть квалифицировано как покушение на дачу или получение взятки либо на коммерческий подкуп высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случаях, когда лицо

² Стадия – период, ступень в развитии чего-нибудь (Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Л. И. Скворцова. М., 2006. С. 748).

³ Волженкин Б. В. Неоконченное преступление // Уголовное право России: Общая часть: учебник / Под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 532. В уголовно-правовой литературе предлагаются и другие определения стадий совершения преступления.

⁴ Вместе с тем некоторые авторы рассматривают обнаружение умысла как одну из стадий совершения преступления (см., в частности: Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002).

для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало»⁵, сменились пояснением, что «обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами»⁶.

Сформировавшееся преступное намерение в дальнейшем находит свое проявление в совершении лицом определенных действий (бездействия), направленных на создание условий для исполнения преступления (подготовительная стадия). За ней следует стадия исполнения преступления, заключающегося в выполнении действий (бездействия), составляющих объективную сторону соответствующего преступления и причинении разнообразного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В современной уголовно-правовой литературе дискуссионным является вопрос соотношения терминов «стадии совершения преступления» и «неоконченное преступление». Если до принятия УК 1996 г. традиционным было отождествление указанных понятий, то в последние годы все больше авторов высказывают мнение о необходимости их разграничения [10, с. 11 – 33; 17, с. 116 – 118; 19, с. 15; 23, с. 12–13; 28, с. 99 – 102 и др.]. Более того, сама целесообразность выделения понятия «стадии совершения преступления» и его уголовно-правовое насыщение вызывают серьезные разногласия [1, с. 12 – 56; 7, с. 104 – 130; 15, с. 42 – 47]. Мы же считаем неосновательным полный отход от учения о стадиях преступления, поскольку имеющиеся теоретические разработки в этом вопросе играют важную роль при квалификации неоконченных преступлений и применении норм о добровольном отказе.

Вместе с тем в настоящее время достаточно распространенной продолжает оставаться точка зрения о тождественности понятий «стадии совершения преступления» и «неоконченное преступление» [11, с. 98; 33, с. 185–186; 34, с. 236–237; 35, с. 163–164; 36, с. 213 – 215; 37, с. 25]. Более того, соответствующая терминология используется и правоприменителем. Например, в Бюллетене Верховного Суда РФ указывается, что неправильное определение стадии совершения преступления повлекло изменение приговора⁷, Главный информационно-аналитический центр (ГИАЦ) МВД

⁵ О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 (утратило силу) // Бюллетень ВС РФ. 2000. № 4. П. 11.

⁶ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 9. П. 13.1.

⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г. № 89-010-13 // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 2.

России при характеристике состояния преступности в стране в январе-декабре 2021 года отмечает, что 93,2 % всех зарегистрированных преступлений было выявлено органами внутренних дел, причем 4,8 % из них – на стадии приготовления и покушения. Всего на этих стадиях было выявлено 89,9 тыс. преступлений (+1,9 %)⁸.

Согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Таким образом, оконченное преступление характеризуется полным соответствием содеянного объективным и субъективным признакам состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

Вместе с тем в литературе отмечается, что законодательное определение оконченного преступления нуждается в уточнении, поскольку в нем отражен лишь объективный критерий, без учета содержания вины [12, с. 309]. Потому включение субъективного признака в характеристику оконченного преступления позволит надежно отграничить покушение, нередко имеющее внешнее сходство с оконченным преступлением, от действительно завершеного преступного деяния, в котором умысел виновного реализован полностью [28, с. 102 – 105].

Определение момента юридического окончания преступления зависит от особенностей законодательной конструкции объективной стороны состава преступления. В теории уголовного права по данному основанию обычно выделяют материальные, формальные и усеченные составы. Вместе с тем в литературе предлагаются и другие классификации. Так, С. А. Иванчина в зависимости от момента окончания преступления предлагает выделить следующие виды составов: материальные, нематериальные (формальные, составы создания опасности, усеченные) и смешанные. При этом усеченные составы подразделяются автором на усеченные при создании условий для совершения преступления и усеченные при осуществлении действий по совершению преступления [7, с. 107–108]. Не разделяя в полной мере используемую терминологию, вместе с тем считаем данную классификацию заслуживающей внимания.

Несмотря на определенную разработку, вопрос о моменте окончания преступления является весьма проблемным как в теории, так и на практике [1, с. 291 – 301; 2; 7, с. 127 – 155], и требует дальнейшего самостоятельного изучения. Отметим только, что особую значимость для правильной квалификации преступлений при этом имеют соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, но и здесь нередко отсутствует единообразный подход к определению момента юридического окончания преступления. Так, согласно п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 28.10.2021) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) является оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления,

⁸ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 20.09.2022).

приготовления к преступлению, покушения на преступление⁹. Согласно же п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017) для признания склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) окончанным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог¹⁰.

Как отмечает Р. О. Долотов, доктрина уголовного права и разъяснения Верховного Суда РФ выявили также проблему понимания момента окончания преступления при частичной реализации умысла, что потребовало предусмотреть в предлагаемом проекте уголовного закона положения о том, что «При недоведении преступления до конца по независящим от виновного лица обстоятельствам содеянное признается окончанным преступлением, если оно содержит все признаки того состава преступления (основного или квалифицированного), которые охватывались прямым умыслом виновного лица» [37, с. 26–27, 57]. Следует указать на сложность уяснения и толкования данного положения, поскольку, если преступление не доводится до конца, то предполагается, что оно содержит лишь часть признаков того состава преступления, которые охватывались умыслом преступника, и соответственно не может быть окончанным.

Действующий УК РФ не содержит определения общего понятия неоконченного преступления, а лишь указывает на его виды – приготовление к преступлению и покушение на преступление (ч. 2 ст. 29 УК РФ). Вместе с тем определения такого понятия предлагаются в уголовно-правовой литературе (Г. В. Назаренко, А. П. Козлов, А. А. Анисимов, А. И. Ситникова, М. П. Редин, В. Н. Некрасов) [16].

Законодатель в ч. 1 и ч. 2 ст. 30 УК РФ, а вслед за ним и многие авторы, определяя неоконченное преступление, указывают на наличие препятствий, независящих от субъекта преступления. В статье же 15 УК РСФСР 1960 г. говорилось о недоведении преступления до конца по причинам, независящим от воли виновного, что препятствовало необоснованному исключению ответственности в случаях преступного невежества¹¹. По справедливому замечанию Б. В. Волженкина, преступление может быть не окончено, поскольку лицо не обладало необходимой физической силой, знаниями, опытом и т.п. Между тем здесь будет иметь место покушение (приготовление), поскольку лицо желало совершить преступление, но в силу обстоятельств, независящих именно от его воли, вынужденно прекратило преступление либо не добилось желаемого преступного результата [32, с. 532].

⁹ Бюллетень ВС РФ. 2011. № 4.

¹⁰ Бюллетень ВС РФ. 2006. № 8. См. также п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 4.

¹¹ Подробнее о преступном невежестве см.: Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 57–59.

С учетом сказанного считаем, что неоконченное преступление можно определить как совершенное с прямым умыслом общественно опасное и уголовно-противоправное деяние, не доведенное до конца по независящим от воли лица обстоятельствам.

Исходя из положения ст. 8 УК РФ о том, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, с учетом положений ст. 29 и ст. 30 УК РФ основанием ответственности за неоконченное преступление следует считать наличие в деянии лица состава приготовления к преступлению или покушения на преступление, предусмотренное той или иной статьей Особенной части УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ «приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам».

Законодательная формулировка приготовления наряду с казуальным перечнем приготовительных действий содержит обобщающий признак «иное умышленное создание условий для совершения преступления». Это указывает на открытость перечня приготовительных действий (бездействия), которые во всех случаях представляют собой умышленное создание условий для совершения преступления.

Приготовление к преступлению, в отличие от формирования и обнаружения умысла, характеризуется не только намерением совершить преступление, но и конкретными общественно опасными действиями (бездействием), создающими условия для его исполнения. Вместе с тем при приготовлении к преступлению еще не происходит непосредственного посягательства на объект задуманного преступления (не исполняется объективная сторона данного преступления), хотя, как будет показано ниже, могут пострадать иные объекты, также находящиеся под охраной уголовно-правового закона.

Как вид неоконченного преступления приготовление к преступлению имеет ряд объективных и субъективных признаков. Объективная сторона приготовления к преступлению выражается в совершении действий (бездействия), создающих условия для исполнения преступления, при этом преступление не доводится до конца по независящим от воли виновного обстоятельствам.

Приготовление к преступлению может осуществляться в разнообразных формах деятельности человека. Первые три связаны со средствами и орудиями совершения преступления¹².

Под приисканием средств или орудий совершения преступления понимается их приобретение любым способом – как законным, так и незакон-

¹² Подробнее о понятии средств и орудий совершения преступления см.: Милуков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009. С. 323–324.

ным (результативный поиск на местности или в здании, покупка, обмен, временное заимствование, хищение, угон транспортного средства и др.).

По мнению Т. Г. Понятовской, трактовка приискания средств или орудий преступления как их приобретения применима лишь к ограниченному кругу обстоятельств и не отражает существенных свойств процесса приискания (с ее помощью, например, затруднительно решить, является ли приисканием дарение, находка средств или орудий). В связи с этим предлагается использовать для характеристики приискания более широкий по содержанию термин «завладение» [22, с. 542].

Заметим по этому поводу, что слово «приобрести» означает получить в обладание, стать обладателем какого-нибудь свойства, получить что-нибудь [20, с. 584]. В судебной практике понятие «приобретение» также трактуется достаточно широко, в частности в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъясняется, что «незаконным приобретением без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного...»¹³. Поэтому приисканием следует считать и завладение найденным предметом, получение такового в дар, при условии, конечно, что умысел на совершение преступления с использованием соответствующих средств или орудий сформировался у лица до указанных действий. К приисканию относят и поиск (подбор) подходящих предметов (устройств) из числа уже находящихся в собственности (во владении) виновного.

Изготовление средств или орудий совершения преступления представляет собой их создание любым способом (правомерным, противоправным, промышленным, кустарным, самодельным и проч.). При изготовлении, в отличие от приспособления, средства или орудия преступления создаются заново. Например, изготовление «заточки» (лезвия, подобия стилета) для использования при побеге из места лишения свободы; ключа, отмычки для проникновения в чужое жилище с целью кражи; поддельных документов для совершения мошенничества и т.п.). При этом изготовление средств или орудий преступления может быть осуществлено как самим лицом, создающим условия для исполнения преступления, так и по его заказу другими лицами.

Приспособление орудий или средств совершения преступления состоит в модернизации этих предметов, когда они становятся более пригодными для исполнения преступления (изменение их формы, размеров, конструктивных особенностей, ремонт). Это может быть переделка охотничьего ружья или винтовки в обрез для убийства, затачивание ножа или кинжала для использования при разбойном нападении и т.п.

¹³ Бюллетень ВС РФ. 2006. № 8.

Приискание соучастников преступления заключается в совершении действий, направленных на вовлечение другого лица (или лиц) в готовящееся преступление в качестве исполнителя, пособника или организатора. Способы приискания могут быть самыми различными: предложение, просьбы, уговоры, подкуп, шантаж, угрозы физической расправой, побои, причинение вреда здоровью (в последних случаях у вовлекаемого лица не должно возникать состояние крайней необходимости).

Так, К. Г. была осуждена по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (за приготовление к организации убийства из корыстных побуждений и по найму). Она решила убить мужа К., рассчитывая в случае его смерти получить принадлежащую ему часть совместно нажитого ими имущества. Реализуя свой преступный умысел, выбрав способом убийства отравление, К. Г. приискала яд, предложила своей знакомой Г. совершить убийство мужа за денежное вознаграждение, разработала план действий по лишению жизни К., согласно которому Г. должна была прийти в его квартиру под предлогом получения консультации и в знак благодарности оставить бутылку с отравленным коньяком. При этом К. Г. не смогла довести преступление до конца по независящим от нее обстоятельствам, поскольку Г. решила отказаться от совершения убийства и сообщила о готовящемся убийстве самому К., а также в правоохранительные органы¹⁴.

В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ лицо, которому по независящим от его воли обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет уголовную ответственность за приготовление к преступлению¹⁵.

Сговор на совершение преступления представляет собой достижение соглашения между двумя или более лицами на совершение преступления. В отличие от приискания соучастников сговор характеризуется взаимной договоренностью лиц о совершении определенного преступления. В литературе высказывается предложение об исключении из законодательного определения приготовления положения о сговоре на совершение преступления, поскольку таковой является так называемым «голым» умыслом, не подкрепленным действиями, и потому не должен быть наказуем [39, с. 76–77, 84].

Полагаем, что вопрос о правомерности уголовной ответственности за сговор нуждается в дальнейшем обсуждении, поскольку эта законодательная позиция не в полной мере соответствует отечественной уголовно-правовой традиции и в современном виде почерпнута из-за рубежа. Пока же отмеченная рекомендация выглядит спорной, так как сговор все же не равнозначен обнаружению умысла. Активное поведение договаривающихся, направленное на достижение соглашения о совместном совершении преступления, свидетельствует уже о начале реализации их преступных намерений. К тому же сговор на совершение преступления редко ограничивается «простым» соглашением, как правило, при этом имеют ме-

¹⁴ Кассационное определение Верховного суда РФ от 11 октября 2007 г. № 34-о07-25 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=182568 (дата обращения: 22.09.2022).

¹⁵ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 июля 1999 г. // Бюллетень ВС РФ. 2000. № 5. С. 6–7.

сто элементы планирования преступления и иное обсуждение деталей преступления. Тем самым совместная интеллектуальная деятельность по достижению соглашения о причинении вреда объективно является общественно опасной, что и обуславливает наличие ответственности за сговор. Более того, сговор соучастников в ряде случаев может образовывать окончательный состав преступления, например, бандитизм (ст. 209 УК)¹⁶.

Понятием «иное умышленное создание условий для совершения преступления» охватываются разнообразные действия (бездействие), являющиеся необходимыми для осуществления преступного деяния, исключая те, которые перечислены в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Таковыми могут быть: разработка плана преступления, изучение (подготовка) места совершения преступления, устранение препятствий для совершения преступления (выключение либо невключение охранной сигнализации, отравление собаки) и др.

Так, Г. был признан виновным в организации приготовления посягательства на жизнь депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ М. в целях прекращения его государственной деятельности (ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, ст. 277 УК РФ), а А. – в пособничестве в этом преступлении (ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, ст. 277 УК РФ). Г. согласился с предложением другого лица организовать убийство потерпевшего для прекращения его депутатской деятельности, для этого получил 150 тыс. долларов США, из которых 40 тыс. долларов передал А. и 10 тыс. долларов другому лицу для финансирования исполнителей, сам лично выезжал в г. Москву, несколько раз встречался с А., интересовался ходом подготовки убийства, выезжал с ним на место, где планировалось совершение убийства, вел переговоры по телефону с заказчиком убийства. В обязанности А. входило передавать деньги от Г. и указания исполнителям готовящегося убийства, он выполнял все распоряжения Г., несколько раз выезжал с ним к месту предполагаемого убийства в аэропорт. Задуманные действия они не смогли довести до конца по независящим от них обстоятельствам – были задержаны правоохранительными органами¹⁷.

К иному умышленному созданию условий для совершения преступления относят также совершение действий, направленных на сокрытие преступления (обеспечение алиби на момент совершения преступления и т.п.) [18, с. 426–427; 21, с. 212 и др.]. Приготовлением к преступлению признается и передвижение лица пешком или на транспорте с соответствующей целью к месту совершения намеченного преступления¹⁸.

Приготовление к преступлению в большинстве случаев совершается в форме действия, причем нередко характеризуется совершением нескольких разнородных действий, известной продолжительностью во времени

¹⁶ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень ВС РФ. 1997. № 3. С. 3. П. 7.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2007 г. № 5-007-35С // Бюллетень ВС РФ. 2008. № 6. С. 21–22.

¹⁸ См., например: Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР № 75-п8 по делу Закурина, Пискунова, Сидорова // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С. В. Бородин, И. Н. Иванова; под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2005. С. 84–85.

(разработка плана хищения, склонение к соучастию охранника, изучение места предполагаемого хищения, подготовка автомобиля и т.п.).

Вместе с тем приготовление к преступлению возможно и в форме бездействия. Такая точка зрения является преобладающей в уголовно-правовой теории (К. Т. Гедеев, В. Д. Иванов, Б. В. Яцеленко, Т. Г. Понятовская, Н. Е. Крылова, Д. Ю. Поротиков, Т. Г. Жукова, С. Н. Безуглый, С. В. Пархоменко).

Исходя из общепринятого понимания бездействия как несовершения конкретного действия, которое лицо было обязано и имело возможность совершить, приготовление к преступлению в форме бездействия может выражаться в неисполнении лицом своих обязанностей, например, незакрытие двери сторожем в целях облегчения кражи охраняемого им имущества.

В некоторых случаях приготовительные действия одновременно могут образовывать самостоятельное оконченное преступление (например, незаконные приобретение, изготовление оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а равно их хищение в целях совершения другого преступления (ст.ст. 222, 222¹, 222², 223, 223¹, 226 УК), создание банды или организация преступного сообщества в целях нападения на граждан или организации (ст.ст. 209, 210 УК и др.)).

С субъективной стороны приготовление к преступлению характеризуется умышленной виной, что непосредственно следует из положений ч. 1 ст. 30 УК РФ. Причем приготовление к преступлению может совершаться только с прямым умыслом¹⁹.

В соответствии с действующим законодательством уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК). Напротив, ст. 15 УК РСФСР 1960 года предусматривала наказуемость приготовления к любому умышленному преступлению.

Положения действующего УК РФ о наказуемости приготовления к преступлению соответствуют традициям российского дореволюционного уголовного законодательства, которому был характерен дифференцированный подход. Так, ст. 118 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривала, что «за приготовление к совершению преступления виновный подвергается наказанию смотря по тому, во-первых, употребленные им до сего средства были ли противозаконные, во-вторых, самое приобретение сих средств не было ли соединено с опасностью для какого-либо частного лица, или многих, или и всего общества. Наказание за одно, без сих увеличивающих вину обстоятельств, приготовление к преступлению определяется лишь в особых, именно означенных законами случаях» [26, с.197]. Эта традиция была сохранена и в до сих пор малоизвестном Советском уголовном уложении 1918 года [30, с. 164].

¹⁹ Следует отметить, что наряду с данной доминирующей позицией в уголовно-правовой теории высказываются суждения о том, что приготовление (как и покушение) возможно с косвенным умыслом, а также ведет и к неосторожным преступлениям. См. об этом: Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 173 – 191, 237.

Причем такая позиция современного законодателя поддерживается большинством ученых, поскольку, как отмечается, приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести характеризуется незначительной степенью общественной опасности. Кроме того, в качестве аргумента указывается, что уголовных дел о приготовлении к названным категориям преступлений (в период действия УК РСФСР 1960 года) в судебной практике почти не встречалось (Э. Ф. Побегайло, А. В. Наумов). Высказываются в современной литературе и предложения об отказе от осуществленной в нормах Общей части УК РФ криминализации приготовления к преступлению [5, с. 61; 9, с. 9–10.].

Однако ненаказуемость приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести не соответствует современной криминологической характеристике их опасности и распространенности. Их необоснованная декриминализация привела к увеличению латентности неоконченных преступлений, породила пассивность правоохранительных органов в пресечении приготовительных действий, а также создала возможность открытой подготовки ко многим распространенным преступлениям [5, с. 61; 9, с. 9–10; 13]. Только к преступлениям средней тяжести относятся такие распространенные деяния, как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 112), похищение человека (ч. 1 ст. 126), квалифицированные кража, мошенничество, присвоение или растрата (ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 160), грабеж (ч. 1 ст. 161), вымогательство (ч. 1 ст. 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166), умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167), хулиганство (ч. 1 ст. 213) и др.

Предложение о восстановлении уголовной ответственности приготовительных действий независимо от категории преступления высказывается и другими исследователями (Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова, В. Д. Иванов, С. В. Чернокозинская). С. Н. Безуглый, отмечая необходимость дальнейшей криминализации приготовления к отдельным видам преступлений, предлагает в ч. 2 ст. 30 УК РФ указать номера конкретных статей, предусматривающих ответственность за преступления, приготовление к которым является наказуемым. При этом автор выделяет и критерии выбора таких преступлений, в частности указывая на то, что приготовительные действия к преступлению должны быть реально доказуемы [3, с. 63].

Уголовная ответственность за приготовление к преступлению наступает по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. В случаях, когда приготовление образует самостоятельный состав преступления, требуется (за некоторыми исключениями) дополнительная квалификация по статье Особенной части УК РФ, которая предусматривает ответственность за данное преступление.

Согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам».

Совершение действий (бездействия), непосредственно направленных на исполнение преступления означает осуществление действий (бездейст-

вия), входящих в объективную сторону состава соответствующего преступления. В отличие от приготовления, покушение представляет собой посягательство на основной объект преступления, создающее опасность причинения ему вреда либо непосредственно причиняющее реальный вред, хотя и в меньшем объеме (ранение жертвы при покушении на ее убийство).

В подавляющем большинстве случаев покушение на преступление совершается путем действия. Покушение может осуществляться и в форме бездействия, что на практике случается крайне редко (в качестве примера в литературе обычно указывается, что мать с целью лишения жизни своего новорожденного ребенка не кормит его и (или) оставляет на холоде).

Покушение возможно и при формальной конструкции состава. Так, К., желая получить положительную оценку по физической подготовке за 2018 учебный год для получения премии, выплачиваемой военнослужащим по итогам года в виде дополнительного материального стимулирования, решил через посредника дать взятку должностному лицу войсковой части №__ за выставление ему положительной оценки по физической подготовке без сдачи установленных нормативов. С этой целью К. передал лицу, выступавшему посредником, денежные средства в значительном размере для последующей передачи их в качестве взятки должностному лицу указанной воинской части за совершение отмеченных заведомо незаконных действий. Однако последний заведомо не намеревался исполнять свое обещание и обратил эти средства в свою пользу. К. был осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 291 УК РФ (за покушение на дачу взятки должностному лицу через посредника в значительном размере за совершение заведомо незаконных действий)²⁰.

Другим объективным признаком покушения на преступление выступает недоведение преступления до конца. Незавершенность посягательства характеризуется отсутствием части признаков объективной стороны оконченного состава соответствующего преступления. Этот признак может выражаться в невыполнении всех действий (бездействия) или в наступлении последствий, предусмотренных составом оконченного преступления. Нередко при покушении на преступление общественно опасные последствия все же наступают, однако не те, к достижению которых стремилось лицо и которые предусмотрены соответствующей нормой Особенной части УК РФ.

Недоведение преступления до конца обусловлено обстоятельствами, независящими от воли лица. Такие обстоятельства могут быть различными: задержание лица правоохранительными органами, вмешательство иных лиц, сопротивление потерпевшего, применение негодных средств, действие сил природы, отсутствие у лица необходимых знаний, навыков и т.п.

Субъективная сторона покушения на преступление характеризуется умышленной виной только в виде прямого умысла, что признается судебной практикой и теорией уголовного права (за некоторыми исключения-

²⁰ Приговор Владикавказского гарнизонного военного суда от 18 июля 2019 г. по делу № 1-44/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://gvs-wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21324940&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 22.09.2022).

ми). Так, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) разъясняется, что «покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по независящим от него обстоятельствам»²¹. Данные суждения в полной мере были поддержаны Конституционным Судом РФ²².

Так, В. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 и ст. 317 УК РФ В процессе совместного распития спиртного между В., К., О., С. и Г. возник конфликт, в ходе которого В. стал наносить удары ножом К., О., С. и Г. Нанес К. в область груди и живота не менее двух ударов, С. – семь, а О. и Г. – по три удара. Во время причинения потерпевшим ножевых ранений находившаяся в квартире А. вызвала полицию. Сотрудники полиции, прибывшие по вызову, пресекли противоправные действия В. Характер действий В., использование ножа, нанесение им ранений потерпевшим, в том числе в область жизненно важных органов, свидетельствуют об умысле лица на убийство, которое не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам²³.

В уголовно-правовой доктрине покушение на преступление по степени завершенности подразделяется на оконченное и неоконченное²⁴. Покушение на преступление признается оконченным, когда лицо совершило все действия (бездействие), которые считало необходимыми для доведения преступления до конца, но преступный результат не наступил по независящим от воли данного лица обстоятельствам. Например, лицо стреляет в потерпевшего с целью убийства, но смерть последнего не наступает благодаря своевременно оказанной медицинской помощи; взяткодатель оставляет в ящике письменного стола взятку должностному лицу, но последнее не принимает ее; лицо, располагающее сведениями, составляющими государственную тайну, отправляет соответствующие материалы по почте (в том числе электронной) представителю иностранной организации, но письмо по каким-то причинам не доходит до адресата.

Так, К. С. предложил брату К.В. совершить убийство их бабушки Т. путем удушения и завладеть ее имуществом, на что тот согласился.

²¹ Бюллетень ВС РФ. 1999. № 3.

²² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1638-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мудрецова Владимира Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision172341.pdf> (дата обращения: 22.09.2022).

²³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 5-АПУ19-43 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/28477/> (дата обращения: 22.09.2022).

²⁴ Необходимо отметить, что среди исследователей нет единства взглядов относительно критериев деления покушения на оконченное и неоконченное. См.: [14; 27, с. 209–210].

К. В. ножом обрезал телефонный провод, а К. С. повалил Т. на кровать, накинул на шею веревку и стал затягивать. Потерпевшая оказала сопротивление. Тогда К. В., преодолев ее сопротивление, продолжал стягивать веревку и душил в течение нескольких минут, до тех пор, пока потерпевшая не потеряла сознание и не перестала двигаться. После этого они похитили имущество Т. и скрылись. Потерпевшая пришла в сознание, и жизнь ее была спасена. Братья К. были признаны виновными в покушении на убийство Т. при разбое²⁵. В другом случае К. в составе банды в целях завладения денежными средствами родственника С. спланировал его убийство общеопасным способом с помощью взрывного устройства. Когда С. приблизился к взрывному устройству, К. предпринял необходимые меры к запуску устройства, но взрыва не произошло по техническим причинам, и С. остался жив²⁶.

Неоконченным покушением считается такое, при котором лицо по независящим от его воли обстоятельствам не совершило все действия (бездействие), которые оно считало необходимыми для доведения преступления до конца (лицо в целях причинения смерти замахивается для нанесения удара ножом, но потерпевший или окружающие лица выбивают его из руки преступника; лицо, совершающее кражу, задерживается в процессе изъятия чужого имущества и т.п.)²⁷.

Практическая значимость деления покушения на оконченное и неоконченное проявляется при определении общественной опасности совершенного деяния (оконченное покушение, как правило, опаснее неоконченного), что учитывается при назначении наказания, а также, по мнению некоторых ученых, при применении норм о добровольном отказе.

В доктрине уголовного права различают также по степени «годности» годное и негодное покушение. Последнее в свою очередь подразделяют на покушение на негодный объект (предмет) и покушение с негодными средствами. Следует согласиться с имеющимися в литературе высказываниями (Н. В. Лясс, Н. Ф. Кузнецова, Л. М. Колодкин) о неудачности понятия «негодный объект» и необходимости замены его на термин «негодный предмет», так как охраняемые уголовным законом общественные отношения (объект преступления) всегда уязвимы для посягательства.

Покушение на негодный предмет будет наличествовать тогда, когда лицо допускает фактическую ошибку относительно предмета преступления (ошибочно оценивает его свойства, его наличие в определенное время в конкретном месте). Например, лицо похищает вместо исправного огнестрельного оружия непригодное к функциональному использованию; приобретает вместо наркотических средств какое-либо иное средство; взла-

²⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 июля 1995 г. // Бюллетень ВС РФ. 1995. № 11.

²⁶ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2020 г. № 32-УД20-29СП-А4 // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 3. С. 29.

²⁷ См. например: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июня 2003 г. № 259п03 // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 12; См. также: Определение № 49-013-12 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2013 г. // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 10.

мывает сейф, в котором ценностей не оказалось; стреляет в труп или другой неодушевленный предмет, животное, ошибочно принимая их за человека. В судебной практике можно встретить рекомендации по квалификации такого рода посягательств²⁸.

Покушение на преступление с негодными средствами имеет место в случае, когда лицо ошибочно применяет средства, которые объективно не способны привести к доведению преступления до конца (например, лицо использует для отравления безвредный порошок, принятый им за яд; пытается выстрелить с целью убийства в потерпевшего из незаряженного (неисправного) оружия²⁹).

Негодное покушение, по общему правилу, обладает достаточно большой общественной опасностью и влечет уголовную ответственность. Исключения составляют случаи, когда негодное покушение по явному невежеству лица (например, колдовство) не представляет собой общественной опасности и потому не влечет уголовной ответственности³⁰. Следует, однако, учитывать, что в современных условиях миллионы людей глубоко верят в возможности оккультных сил. Настойчивое стремление причинить вред и даже смерть другому человеку является формой обнаружения умысла и требует проведения профилактических мероприятий.

Сложным в уголовно-правовой теории и правоприменительной практике остается вопрос отличия приготовления от покушения, а последнего – от оконченного преступления.

Так, по приговору Сергиевского районного суда Самарской области А. был осужден помимо прочего по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ. Судом было установлено, что А. и другие осужденные по данному делу лица, находясь на автомобильной трассе, привели в готовность приспособление для прокола шин, намереваясь совершить нападение на предпринимателей, которые, по их сведениям, должны были по этой трассе следовать на автомобиле. Однако совершить нападение не смогли, поскольку автомобиль в ожидаемое ими время не проследовал. После этого осужденные были задержаны сотрудниками милиции. Таким образом, каких-либо конкретных действий, непосредственно связанных с изъятием имущества, осужденные не совершали и не могли совершить в связи с отсутствием предмета посягательства, а лишь создали условия для соверше-

²⁸ См., например: п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве, и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (ред. от 11.06.2019) // Бюллетень ВС РФ. 2002. № 5; п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень ВС РФ. 2006. № 8.

²⁹ В качестве примера можно указать и постановление Президиума Верховного Суда РСФСР по делу Сучкова, покушавшегося на убийство Шевченко (ружье Сучкова при выстреле дало осечку, вследствие неисправности, о которой ему не было известно) // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 90–91.

³⁰ Там же. С. 91.

ния преступления. В этой связи Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия А. на ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ³¹.

По мнению отдельных авторов, при отграничении покушения от приготовления имеет значение исполнение объективной стороны состава конкретного преступления (Т. Г. Понятовская, С. В. Чернокозинская). Конституционный Суд РФ также разъяснил, что разграничение приготовления, покушения и оконченного преступления производится по признакам объективной стороны соответствующего деяния³².

При этом, как справедливо отмечает А. Ю. Решетников, отечественным специалистам при отграничении приготовления к преступлению от действий, непосредственно направленных на совершение преступления, приходится руководствоваться результатами системного анализа положений Общей части УК РФ, прилагая его результаты к тому, как описывается то или иное деяние в диспозиции статьи Особенной части. Но при использовании такого подхода нередко допускаются ошибки [25, с. 75–76].

Вместе с тем заслуживает внимания позиция тех ученых, которые в качестве основы для отличия приготовления от покушения предлагают использовать совокупность объективных и субъективных признаков данных видов неоконченного преступления [23, с. 134 – 140]. Отличие покушения от оконченного преступления также следует проводить по объективной и субъективной стороне состава преступления. Представляется, что отграничение покушения от оконченного преступления по одной лишь объективной либо субъективной стороне будет неполным. Нельзя говорить о полном совпадении субъективной стороны покушения на преступление и оконченного преступления. Ведь чтобы утверждать о завершенности либо незавершенности деяния, следует иметь точное представление о преступном умысле. Нередко при покушении на преступление в содеянном виновным фактически содержатся признаки состава другого оконченного преступления (например, при покушении на изнасилование причиняется вред здоровью потерпевшей). В таких случаях наступившие общественно опасные последствия не совпадают с теми, к достижению которых стремился виновный. Поэтому только детальное выяснение признаков объективной и субъективной стороны, степени реализации преступного умысла позволит отграничить покушение на преступление от оконченного преступления.

Так, по приговору Приволжского районного суда Астраханской области от 23 ноября 2018 г. (с учетом решений судов апелляционной и кассационной инстанций) К. М. и К. Е. осуждены по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹

³¹ Бюллетень ВС РФ. 2019. № 9. См. также: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г. № 89-010-13 // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 2.

³² Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2717-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фокина Максима Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision436066.pdf> (дата обращения: 22.09.2022).

УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 мая 2021 г. изменила приговор и последующие судебные решения, указав следующее. Квалифицируя действия осужденной К. М. по факту сбыта указанных трех свертков с наркотическими средствами по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, то есть как оконченное преступление, суд не дал должной оценки тому обстоятельству, что информация о месте нахождения тайников с закладками наркотических средств согласно достигнутой договоренности и распределением ролей между К. Е., К. М. и неустановленным следствием лицом не была доведена до сведения потенциальных приобретателей указанным неустановленным лицом, которое непосредственно должно было сообщить им эту информацию, при этом сами наркотические средства из указанных тайников были изъяты сотрудниками правоохранительных органов.

При этом суд первой инстанции, сославшись в обоснование квалификации действий К. М. на пункт 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с последующими изменениями) о том, что незаконный сбыт наркотических средств следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от их фактического получения приобретателем, не принял во внимание, что неустановленное лицо приобретателем наркотических средств не являлось. Кроме того, суд не учел и разъяснения, содержащиеся в п. 13.2 этого же постановления, согласно которым, если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по независящим от него обстоятельствам не передает указанные средства приобретателю, такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств. При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, последующие судебные решения и переквалифицировала действия К. М. с пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ на ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ³³.

Согласно ч. 3 ст. 29 УК РФ покушение на преступление квалифицируется по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

При назначении наказания за покушение учитываются обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца. В соответствии с ч. 3 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за покушение не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление. Смертная казнь и

³³ Определение № 25-УД21-6-К4 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 1. С. 67 – 68.

пожизненное лишение свободы за покушение на преступление не назначаются.

В отличие от УК РСФСР 1960 года, в ст. 15 которого закреплялось, что наказание за покушение на преступление назначается по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за данное преступление, действующий УК серьезно ослабил наказуемость покушения на преступление. Представляется, что произведенная частичная депенализация покоится на упрощенном понимании покушения как действия (иногда бездействия), не повлекшего никаких общественно опасных последствий. Между тем при покушении на преступление, как показывает практика, преступник способен причинить существенный вред охраняемому законом объекту. Так, покушение на преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, может выразиться в убийстве одного и причинении тяжкого вреда здоровью другому человеку.

Однако наказание за такое преступление не может превысить 15 лет лишения свободы, тогда как причинение смерти по неосторожности в подобной, но менее опасной ситуации (ч. 4 ст. 111 УК РФ), влечет такое же наказание.

Небезупречным представляется и выход из создавшейся ситуации, предложенный Верховным Судом РФ. Так, в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) Пленум Верховного Суда РФ рекомендует квалифицировать покушение на убийство двух или более лиц, повлекшее смерть лишь одного потерпевшего, по ч. 1 или 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ³⁴. Таким образом, наказание за покушение в силу ч. 4 ст. 56 УК РФ может достичь двадцати пяти лет лишения свободы, то есть превысить наказание за оконченное преступление на пять лет. Тем самым Верховный Суд РФ впадает в другую крайность, необоснованно усиливая кару за неоконченное убийство³⁵.

Приведенные в статье положения могут быть использованы для дальнейшего изучения проблем учения о неоконченном преступлении на современном этапе развития российского уголовного права.

Список литературы

1. **Бабий Н. А.** Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 747 с.
2. **Баймакова Н. Н.** Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. 21 с.
3. **Безуглый С. Н.** Неоконченное преступление в российском уголовном праве / под ред. Г. Ю. Лесникова. М.: Юрлитинформ, 2019. 135 с.
4. **Бугаевская Н. В.** Обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2 (81). С. 41 – 43.
5. **Гринь М. В.** Понятие и виды неоконченного преступления // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 1 (1). С. 44 – 65.

³⁴ См.: Бюллетень ВС РФ. 1999. № 3. С. 3.

³⁵ См. подробнее об этом: Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 73 – 75.

6. **Жукова Т. Г.** Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография. М.: Илекса, 2007. 136 с.
7. **Иванчина С. А.** Оконченное преступление. М.: Юрлитинформ, 2013. 191 с.
8. **Килимбаев Р. В.** Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 160 с.
9. **Килимбаев Р. В.** Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2021. 25 с.
10. **Козлов А. П.** Учение о стадиях преступления = The doctrine on stages of crime. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 351 с.
11. **Комментарий** к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2022. 316 с.
12. **Уголовное право России.** Общая часть: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2004. 752 с.
13. **Милюков С. Ф.** Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права; О-во «Знание» Санкт-Петербурга и Ленингр. обл., 2000. 276 с.
14. **Милюков С. Ф., Дронова Т. Н.** Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чуачаева. СПб., 2009. С. 323–324.
15. **Милюков С. Ф., Дронова Т. Н.** Определение понятия неоконченного преступления в современной уголовно-правовой литературе // Уголовное право. 2008. № 2. С. 42 – 47.
16. **Дронова Т. Н., Милюков С. Ф.** Современные проблемы регулирования ответственности за неоконченное преступление и нормативных условий добровольного отказа от него // Российский ежегодник уголовного права. 2006. № 1. С. 752 – 780.
17. **Назаренко Г. В.** Русское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М.: Ось-89, 2000. 253 с.
18. **Наумов А. В.** Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Том 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.
19. **Некрасов В. Н.** Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2013. 26 с.
20. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: около 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс 21 век: Мир и Образование, 2006. 894 с.
21. **Побегайло Э. Ф.** Стадии совершения умышленного преступления // Уголовное право России: Т. 1. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 2000.
22. **Понятовская Т. Г.** Стадии совершения преступления // Полный курс уголовного права: в 5 т. Том 1. Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
23. **Редин М. П.** Преступления по степени их завершенности. М.: Юрлитинформ, 2006, 197 с.
24. **Решетников А. Ю.** Покушение на преступление: проблемы квалификации и наказуемость: монография. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2008. 135 с.
25. **Решетников А. Ю.** Приготовление к преступлению и покушение на преступление: вопросы дифференциации ответственности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 72 – 76.
26. **Российское законодательство X–XX веков.** В 9 т. Том 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. литература, 1988. 431 с.
27. **Ситникова А. И.** Оконченное и неоконченное преступление // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Том VIII. Мно-

жественность преступлений. Кн. II. Стадии преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016.

28. **Ситникова А. И.** Приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография. М.: Ось-89, 2005. 159 с.

29. **Скорилкина Н. А., Скорилкин Н. М.** Добровольный отказ от преступления: монография. М.: РПА Минюста России, 2014. 113 с.

30. **Грачёва Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И.** Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 253 с.

31. **Таганцев Н. С.** Русское уголовное право. В 2 т. Том 1. Часть Общая. Тула: Автограф, 2001. 796 с.

32. **Уголовное право России** / Бойцов А. И. и др.; под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. 1061 с.

33. **Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник** / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. 990 с.

34. **Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры** / Капинус О. С. и др.; под ред. О. С. Капинус. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 704 с.

35. **Уголовное право.** В 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 410 с.

36. **Уголовное право.** Общая часть: учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Векленко. 2-е изд. М.: Юрайт, 2021. 500 с.

37. **Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект)** / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов; под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2019. 316 с.

38. **Цепелев В. Ф.** Проблемные вопросы стадий преступления и их значение для деятельности органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 41 – 43.

39. **Чернокозинская С. В.** Приготовление к преступлению: понятие и основания криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание / под ред. Н. А. Лопашенко. Тамбов: Першина, 2006. 139 с.

References

1. **Babiy N.A.** *Ucheniye o stadiyakh prestupleniya i neokonchennykh prestupleniyakh* [The doctrine of the stages of crime and unfinished crimes: monograph], Moscow: Yurlitinform, 2017, 747 p. (In Russ.).

2. **Baymakova N.N.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Moscow, 2011, 21 p. (In Russ.).

3. **Bezuglyy S.N., Lesnikov G.Yu. (Ed.)** *Neokonchennoye prestupleniye v rossiyskom ugolovnom prave* [Unfinished crime in Russian criminal law], Moscow: Yurlitinform, 2019, 135 p. (In Russ.).

4. **Bugayevskaya N.V.** [Promise or offer of mediation in bribery], *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye* [Man: crime and punishment], 2013, no. 2(81), pp. 41-43. (In Russ.).

5. **Grin' M.V.** [The concept and types of unfinished crime], *Unikal'nyye issledovaniya XXI veka* [Unique studies of the XXI century], 2015, no. 1(1), pp. 44-65. (In Russ.).

6. **Zhukova T.G.** *Ugolovnaya otvetstvennost' za prigotovleniye k prestupleniyu i pokusheniye na prestupleniye* [Criminal liability for preparation for a crime and attempted crime: monograph], Moscow: Ileksa, 2007, 136 p. (In Russ.).
7. **Ivanchina S.A.** *Okonchennoye prestupleniye* [Finished crime], Moscow: Yurlitinform, 2013, 191 p. (In Russ.).
8. **Kilimbayev R.V.** *Osnovaniye i predely otvetstvennosti za neokonchennoye prestupleniye* [Grounds and limits of liability for an unfinished crime: monograph], Moscow: Yurlitinform, 2020, 160 p. (In Russ.).
9. **Kilimbayev R.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Ryazan', 2021, 25 p. (In Russ.).
10. **Kozlov A.P.** *The doctrine on stages of crime.* St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2002, 35 p. (In Russ.).
11. **Lebedev V.M. (Ed.)** *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], In 4 vols. vol. 1. *Obshchaya chast'* [General part], Moscow: Yurayt, 2022, 316 p. (In Russ.).
12. **Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (Eds.)** *Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. General part: textbook for universities], Moscow: Zertsalo, 2004, 752 p. (In Russ.).
13. **Milyukov S.F.** *Rossiyskoye ugolovnoye zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian criminal law: the experience of critical analysis], St. Petersburg: Izdatel'stvo St.-Peterb. in-ta vneshneekon. svyazey, ekonomiki i prava; O-vo "Znaniye" Sankt-Peterburga i Leningr. obl., 2000, 276 p. (In Russ.).
14. **Milyukov S.F., Dronova T.N.** [Unfinished crime], in book: Kastorskii G.L., Chuchayev A.I. *Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. General part], St. Petersburg, 2009, pp. 323-324. (In Russ.).
15. **Milyukov S.F., Dronova T.N.** [Definition of the concept of an unfinished crime in modern criminal law literature], *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2008, no. 2, pp. 42-47. (In Russ.).
16. **Dronova T.N., Milyukov S.F.** [Modern problems of regulating responsibility for an unfinished crime and the regulatory conditions for voluntary refusal from it], *Rossiyskiy yezhegodnik ugolovnogo prava* [Russian Yearbook of Criminal Law], 2006, no. 1, pp. 752-780. (In Russ.).
17. **Nazarenko G.V.** *Russkoye ugolovnoye pravo. Obshchaya chast': Kurs lektsiy* [Russian criminal law. General part: Course of lectures], Moscow: Os'-89, 2000, 253 p. (In Russ.).
18. **Naumov A.V.** *Rossiyskoye ugolovnoye pravo. Kurs lektsiy* [Russian criminal law. Course of lectures], in 3 vols., vol. 1. *Obshchaya chast'* [General part.], 4-ye izd., pererab. i dop. Moscow: Volters Kluver, 2007, 736 p. (In Russ.).
19. **Nekrasov V.N.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis,* Yekaterinburg, 2013, 26 p. (In Russ.).
20. **Ozhegov S.I.** *Slovar' russkogo yazyka: okolo 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 53,000 words], 24-ye izd., ispr. Mocoov: Oniks 21 vek: Mir i Obrazovaniye, 2006, 894 p. (In Russ.).
21. **Pobegaylo E.F.** [Stages of committing an intentional crime], in book: Ignatov A. N., Krasikov Yu. A. (Eds.) *Ugolovnoye pravo Rossii* [Criminal law of Russia]: vol. 1. *Obshchaya chast'* [General part], Moscow, 2000. (In Russ.).
22. **Ponyatovskaya T.G.** [Stages of committing a crime], in book: Korobeyev A.I. (Ed.) *Polnyy kurs ugolovnogo prava* [Complete course of criminal law], in 5 vols. vol. 1, *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and punishment], St. Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press", 2008. (In Russ.).

23. **Redin M.P.** *Prestupleniya po stepeni ikh zavershennosti* [Crimes according to the degree of their completion], Moscow: Yurlitinform, 2006, 197 p. (In Russ.).
24. **Reshetnikov A.Yu.** *Pokusheniye na prestupleniye: problemy kvalifikatsii i nakazyemost'* [Attempted crime: problems of qualification and punishability: monograph], Tver': Izdatel'stvo Tverskogo gos. un-ta, 2008, 135 p. (In Russ.).
25. **Reshetnikov A.Yu.** [Preparation for a crime and attempted crime: issues of differentiation of responsibility], *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 4 (30), pp. 72-76. (In Russ.).
26. **Chistyakov O. I. (Ed.)** *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the X–XX centuries], in 9 vols., vol. 6: *Zakonodatel'stvo pervoy poloviny XIX veka* [Legislation of the first half of the 19th century], Moscow: Yurid. literatura, 1988, 431 p. (In Russ.).
27. **Sitnikova A.I.** [Completed and unfinished crime], in book: *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'. Prestupleniye. Akademicheskij kurs* [Criminal law. A common part. A crime. Academic course], in 10 vols., vol. VIII. *Mnozhestvennost' prestupleniy. Stadii prestupleniya* [Plurality of crimes. stages of crime], Book II. Lopashenko N.A. (Ed.) *Stadii prestupleniya* [Stages of crime], Moscow: Yurlitinform, 2016. (In Russ.).
28. **Sitnikova A.I.** *Prigotovleniye k prestupleniyu i pokusheniye na prestupleniye* [Preparation for a crime and attempted crime: monograph], Moscow: Os'-89, 2005, 159 p. (In Russ.).
29. **Skorilkina N.A., Skorilkin N.M.** *Dobrovol'nyy otkaz ot prestupleniya* [Voluntary renunciation of crime: monograph], Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2014, 113 p. (In Russ.).
30. **Grachova Yu.V., Malikov S.V., Chuchayev A.I. Chuchayev A.I. (Eds.)** *Sovetskoye ugolovnoye ulozheniye (nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitel'nyye tablits)* [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)], Moscow: Prospekt, 2015, 253 p. (In Russ.).
31. **Tagantsev N.S.** *Russkoye ugolovnoye pravo. Chast' Obshchaya* [Russian criminal law. Part General], vol. 1, Tula: Avtograf, 2001, 796 p. (In Russ.).
32. **Boytsov A.I. et al., Kropachev N.M., Volzhenkin B.V., Orekhov V.V. (Eds.)** *Ugolovnoye pravo Rossii* [Criminal law of Russia], St. Petersburg: ID Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2006, 1061 p. (In Russ.).
33. **Matskevich I.M., Kadnikov N.G. (Eds.)** *Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chaste* [Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook], Moscow: Soyuz kriminalistov i kriminologov, Kriminologicheskaya biblioteka, Rossiyskiy kriminologicheskij vzglyad, 2015. 990 s. (In Russ.).
34. **Kapinus O.S. et al.** *Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. General part: textbook for undergraduate, specialty and magistracy], 2-ye izd. Moscow: Yurayt, 2019, 704 p. (In Russ.).
35. **Naumov A.V., Kibal'nik A.G.** *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], in 2 vols., vol. 1. *Obshchaya chast'* [General part: textbook for academic baccalaureate], 5-ye izd., pererab. i dop. Moscow: Yurayt, 2019, 410 p. (In Russ.).
36. **Veklenko V.V. (Ed.)** *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part: textbook for universities], 2-ye izd. Moscow: Yurayt, 2021, 500 p. (In Russ.).
37. **Lopashenko N.A. (Ed.), Dolotov R.O., Kobzeva Ye.V., Khutov K.M.** *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (nauchnyy proyekt)* [The Criminal Code of the Russian Federation (scientific project)], Moscow: Yurlitinform, 2019, 316 p. (In Russ.).

38. **Tsepelev V.F.** [Problematic issues of the stages of crime and their significance for the activities of internal affairs bodies], *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2(42), pp. 41-43. (In Russ.).

39. **Chernokozinskaya S.V., Lopashenko N.A. (Ed).** *Prigotovleniye k prestupleniyu: ponyatiye i osnovaniya kriminalizatsii, vliyaniye na kvalifikatsiyu prestupleniya i nakazaniye* [Preparation for a crime: the concept and foundations of criminalization, the impact on the qualification of a crime and punishment], Tambov: Pershina, 2006, 139 p. (In Russ.).

Incomplete Crime and its Types: Problematic Issues

S. F. Milyukov, Dr. Sci. (Law), Professor,
Department of Criminal Law,
Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia;
dikoepolesf@gmail.ru

T. N. Dronova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Law,
Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia;
Dronovatn@rambler.ru

The problematic issues of incomplete crime are considered. Based on the analysis of the provisions of the criminal law, materials of judicial practice and doctrinal provisions, certain conclusions and proposals for improving the current Criminal Code of the Russian Federation are formulated.

Keywords: unfinished crime; stages of committing a crime; preparation for a crime; attempted crime; completed crime.

© С. Ф. Милюков, 2022

© Т. Н. Дронова, 2022

Статья поступила в редакцию 01.08.2022

При цитировании использовать:

Милюков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление и его виды: проблемные вопросы // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 342 – 364. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.342-364

Рассмотрены проблемные вопросы, связанные с квалификацией использования рабского труда в части осуществления полномочий собственника по отношению к лицу, чей труд используется. Автор анализирует, каким образом триада полномочий, присущих праву собственности – владение, пользование и распоряжение, может быть осуществлена применительно к человеку. В результате правового анализа автор приходит к выводу, что для квалификации преступного деяния по статье ст.127² УК РФ необходимо и достаточно осуществления не всей триады полномочий, а совокупности двух полномочий – владения и пользования.

Ключевые слова: использование рабского труда; квалификация преступления; полномочия, присущие праву собственности.

Владимир Анатольевич Попов, канд. юрид. наук,
старший преподаватель, кафедра «Уголовный процесс»,
Рязанский филиал ФГКОУ ФО «Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
volporov@mail.ru

Андрей Анатольевич Пудовкин, канд. юрид. наук,
начальник кафедры «Уголовный процесс»,
Рязанский филиал ФГКОУ ФО «Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
mr.andre.81@mail.ru

Денис Валентинович Теткин, канд. юрид. наук,
доцент, кафедра «Уголовный процесс»,
Рязанский филиал ФГКОУ ФО «Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
tyotkinden@mail.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СОБСТВЕННИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Введение

Использование рабского труда является крайне негативным явлением в современном цивилизованном мире, борьба с которым ведется в правовом поле как на международном уровне, так и в нашей стране.

И все же, несмотря на то что ст. 127², предусматривающая уголовную ответственность за использование рабского труда, введена в Уголовный кодекс Российской Федерации уже около 20 лет назад, борьба с данной категорией преступных деяний остается малоэффективной. Ежегодно по стране направляются в суд буквально единицы уголовных дел о таких преступлениях.

Безусловно, во многом это связано с высокой степенью латентности использования рабского труда. Это и понятно, поскольку лица, исполь-

зующие рабский труд афишировать этого не будут, а лица, находящиеся в трудовом рабстве, чаще всего содержатся в таких условиях, когда у них нет либо физической возможности сообщить о своем бедственном положении, либо в отношении них применяется физическое либо психологическое насилие. Но даже в случаях, когда проживающие по соседству люди догадываются о том, что те или иные лица выполняют трудовую деятельность на условиях рабов, в правоохранительные органы они, как правило, не сообщают. Как отмечает Р. М. Шахбанов, связано это с недоверием жителей к полиции, страхом мести со стороны пользователей рабского труда, с нежеланием испортить добрососедские или родственные отношения с этими лицами [9]. Да и случаи, когда уголовное дело по ст. 127² УК РФ возбуждается по заявлению потерпевшего, вырвавшегося из трудового рабства, тоже весьма редки.

В основном, выявление и раскрытие использования рабского труда происходит благодаря эффективности оперативно-розыскной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Но в этом случае не только следователям, но и сотрудникам оперативных служб важно разбираться в тонкостях квалификации такого преступного деяния.

Ученые неоднократно обращались к исследованию проблем, связанных с квалификацией преступного деяния, предусмотренного ст. 127² УК РФ, рассматривая наиболее сложные квалификационные вопросы. Среди них: М. В. Гордей, Б. В. Епифанов, А. И. Колесов, М. А. Полякова, М. В. Дроздник, А. А. Маркова и др. [1, 2, 4 – 6].

Однако учитывая, что наибольшие затруднения у правоприменителей вызывает определение в каждом конкретном случае объективной стороны деяния, прежде всего, в части осуществления полномочий собственника по отношению к лицу, чей труд используется, особенно, решение вопроса о том, все ли полномочия собственника должны содержаться в действиях привлекаемого к уголовной ответственности лица, либо лишь некоторые из них, считаем необходимым рассмотреть этот вопрос более подробно.

Цель и методы

Таким образом, целью настоящей статьи является исследование объективной стороны использования рабского труда и определение вопроса о наличии каких конкретно полномочий, присущих праву собственности, является необходимым и достаточным для привлечения лица к уголовной ответственности за данное преступление. Используя формально-логический и сравнительно-правовой методы исследования мы соотнесем требования диспозиции ст. 127² УК РФ с понятием права собственности, определяемым гражданским законодательством.

Основная часть

Уголовный кодекс РФ не раскрывает понятия рабства, поскольку не предусматривает уголовной ответственности за порабощение человека. Только сопоставление названия ст. 127² УК РФ «Использование рабского труда» и диспозиция этой статьи позволяют понять, что рабским положением является такое положение человека, когда в отношении него осуществляются полномочия собственника.

И если для оперативного работника или следователя определить, использовался ли труд потерпевшего или нет, не составляет труда, то выявление осуществления полномочий, присущих праву собственности, порою бывает затруднительно.

Дело в том, что российское законодательство не предусматривает никакой правовой возможности осуществления полномочий собственника по отношению к человеку. Конституционно человек и гражданин в нашей стране имеет право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства. Конституция РФ запрещает принудительный труд и гарантирует труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. Любое нарушение этих прав и свобод является противозаконным.

Право собственности – это вещное право, регламентируемое Гражданским кодексом РФ. Оно лежит в совершенно иной правовой плоскости и распространяется только на сферу отношения человека к вещам. Статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав различные вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информацию; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Поэтому, определяя квалификацию преступного деяния, подпадающего под признаки ст. 127² УК РФ, правоприменители находятся в очень непростой ситуации, когда необходимо выявить соответствия между законными гражданско-правовыми отношениями применительно к имуществу и уголовно-правовыми отношениями применительно к незаконному объекту – человеку. Оценивая преступные действия, правоприменители должны ориентироваться на аналогию с вещным правом, выявляя в действиях лица, привлекаемого к уголовной ответственности, соответствия с отношением к человеку, чей труд используется, как к какой-либо вещи или имуществу. Это соответствие – условно, поскольку в правовом поле его быть не может. Но в этом и заключается основная трудность квалификации.

Нередко рабский труд вуалируется гражданско-правовыми либо трудовыми отношениями. С так называемым «трудовым рабом» может быть даже формально заключен трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение каких-либо работ или услуг, что совершенно не исключает возможности фактического осуществления в отношении него полномочий собственника.

Например, во время вербовки рабочих работодатель мог заключить с ними трудовой договор на выполнение каких-либо работ за определенную плату. Однако по прибытии на место рабочих разместили в охраняемых бараках, на работу выводили в сопровождении собак, под угрозой насилия заставляли выполнять работу, которую не оплачивали. При проверке работникам правоохранительных органов предъявляли трудовые договоры, юридически свидетельствующие о том, что рабочие находятся с работодателем в трудовых отношениях, тогда как фактическое положение рабочих соответствовало рабству.

Важно также отметить, что для привлечения к уголовной ответственности по ст. 127² УК РФ не имеет значения, какой именно труд выполняется порабощенным человеком – законный или незаконный. Так, к законной сфере деятельности, в которой нередко применяется рабский труд, можно отнести строительство, выполнение погрузочно-разгрузочных работ, помощь по хозяйству и т.д. К незаконной – работу на плантациях по выращиванию наркотических средств, проституцию, порнобизнес и т.д. В данном случае важна не сфера деятельности, а положение работника, соответствующее положению раба.

И здесь возникает еще один вопрос: какие из полномочий собственника должны осуществляться в отношении человека, чтобы его труд был признан рабским – какие-то отдельные или все? Ведь право собственности по российскому гражданскому законодательству имеет сложную структуру, включающую несколько полномочий. А диспозиция ст. 127² УК РФ не конкретизирует ответ на этот вопрос, определяя данное преступное деяние как «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)».

Для того чтобы определить необходимость и достаточность осуществления тех или иных полномочий, присущих праву собственности, для квалификации использования рабского труда необходимо обратиться к Гражданскому кодексу РФ. Статья 209 ГК РФ устанавливает, что собственник обладает правом владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом. Именно эти права и являются присущими праву собственности, то есть право собственности юридически обеспечивает собственнику возможность осуществлять эту триаду полномочий по отношению к своему имуществу. Если вещь (имущество) является собственностью человека на законных основаниях, то закон обеспечивает ему возможность осуществлять три рассматриваемых полномочия в отношении этой вещи (имущества).

Но все обстоит иначе в случае осуществления полномочий собственника в отношении человека, поскольку люди не могут по закону находиться в собственности ни у юридических, ни у физических лиц, не могут никому принадлежать. Право собственности на человека может быть присвоено только незаконно и осуществляться такими способами, которые подавляют волю человека к реализации своих конституционных прав и свобод [7].

Таким образом, при квалификации деяния, предусмотренного ст. 127² УК РФ, важно установить наличие в действиях лица, привлекаемого к уголовной ответственности, применения незаконных способов подавления воли другого человека, лишения его возможности реализовывать по своей воле принадлежащие ему права и свободы. Такие способы выражаются, как правило, в насилии (физическом либо психологическом), обеспечивающем ему такую степень власти над потерпевшим, которая будет соответствовать осуществлению полномочия владения. По аналогии с вещным правом, степень власти над потерпевшим должна быть такой, чтобы обеспечивать «рабовладельцу» возможность по своему усмотрению решать,

что с этим человеком делать, исходя исключительно из своих собственных интересов, и совершать на этом основании с этим работником любые действия.

Какие же обстоятельства могут обеспечить такую беспредельную власть одного человека над другим? В любом случае, это насилие (физическое или психологическое) либо угроза применения такого насилия как в отношении самого человека, так и в отношении близких ему людей, вынуждающие его к отказу от действий по собственной воле.

Так, например, женщин секс-рабынь нередко вывозят в другие страны, отбирают паспорта, применяют физическое или сексуальное насилие для того, чтобы они послушно выполняли требования хозяев-сутенеров. По отношению к мужчинам применяют грубую физическую силу, угрозу применения оружия, травлю животными, заковывают в кандалы. Самыми беззащитными являются дети, труд которых нередко используется в секс- и порноиндустрии. Запугивание, физическое и сексуальное насилие делает ребенка безвольным и послушным. Выявлялись и случаи использования рабского труда лиц, находящихся в беспомощном состоянии из-за психического заболевания.

А. А. Жинкин отмечает, что «юридически обладая правоспособностью, то есть всеми основными правами личности, в том числе правом на жизнь, личную свободу, свободу передвижения и выбора места жительства, лицо, оказавшееся в рабском состоянии, фактически реализовать их не может. Это обусловлено причинами, которые не зависят от лица, оказавшегося в рабском состоянии: физическим и психическим насилием со стороны «рабовладельца», опасением за свою жизнь, страхом наказания, лишением свободы передвижения и т.п.» [3, с. 145–146].

Таким образом, присвоенное незаконно полномочие владения другим человеком дает «собственнику» возможность обладать им как какой-либо вещью, господствовать над ним, реализовывая полную хозяйственную власть. То есть, *первое* полномочие, присущее праву собственности, которое должно осуществляться в отношении человека, чтобы его труд был признан рабским, это *полномочие владения*. Ведь сначала этот работник должен стать чьей-то собственностью, а уже затем только в отношении него возможно осуществление *двух* других полномочий – *пользования и распоряжения*. Но если юридически обеспечения владения одного человека другим быть не может, поскольку это противоречит закону, то тогда должны быть некие фактические условия, обеспечивающие реальную власть «рабовладельца» над работником, причем такие, при которых работник, даже если не захочет выполнять трудовые обязанности, не будет иметь реальной возможности от этого отказаться. Таким образом, применяя насильственные методы, «рабовладелец» становится полновластным владельцем другого человека, то есть порабощает человека, которого намерен в дальнейшем использовать для осуществления той или иной трудовой деятельности. Факт осуществления лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, полномочия владения по отношению к потерпевшему, фактически означает порабощение последнего. Этот этап квалификации преступного деяния чрезвычайно важен, поскольку выявление факта осуществления полномочия владения определяет, что используется труд не свободного человека, а человека, находящегося в рабстве.

Однако осуществление в отношении человека только полномочия владения является недостаточным для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 127² УК РФ, поскольку в диспозиции статьи говорится не о порабощении, то есть об осуществлении полномочий владения, а об использовании труда человека, который порабощен. Поэтому необходимо, чтобы «рабовладелец» начал использовать «своего раба» в качестве производителя материальных ценностей или оказания услуг. Поскольку, в соответствии с гражданским правом, полномочие пользования, по своей сути, является возможностью эксплуатации имущества, находящегося во владении, и извлечения из него полезных свойств, то принуждение человека к труду (оказанию услуг) в полной мере отвечает этому полномочию.

Следовательно, для правильной квалификации преступного деяния необходимо установление и факта трудовой деятельности потерпевшего, которую он производил по распоряжению «рабовладельца» и от которой он по независящим от него причинам не мог отказаться.

При этом, безусловно, необходимо отличать труд рабский от труда принудительного. На этом следует остановиться подробнее, поскольку это важно для квалификации преступного деяния.

Женевская Конвенция МОТ № 29 относительно принудительного или обязательного труда 1930 года определяет принудительный труд как недобровольный и осуществляемый при наличии угрозы наказания в случае отказа от его выполнения [8, с. 219 – 232.].

Аналогичный подход к толкованию принудительного труда определен и в российском трудовом законодательстве. Так, ст. 34 Трудового кодекса РФ, запрещая принудительный труд, трактует его как выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия). При этом цели принуждения к труду могут быть различны, в том числе для поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе и т.д. К принудительному труду в соответствии с российским трудовым законодательством относится и работа, которую работник вынужден выполнять под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в то время как в соответствии с Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами он имеет право отказаться от ее выполнения, в том числе в связи с нарушением установленных сроков выплаты заработной платы или выплатой ее не в полном размере; возникновением непосредственной угрозы для жизни и здоровья работника вследствие нарушения требований охраны труда, в частности необеспечения его средствами коллективной или индивидуальной защиты в соответствии с установленными нормами.

Однако как бы не были деспотичны условия принудительного труда, работник в этих условиях все же имеет реальную возможность отказаться от его выполнения, например, полностью прекратив трудовые отношения с работодателем, то есть уволиться. То же касается и гражданско-правовых отношений по выполнению какой-либо работы.

М. В. Гордей и Б. В. Епифанов обращают внимание на то, что принудительный труд, по своей сути, является нарушением свободы труда, но не устраняет право на жизнь и личную свободу [1].

Рабский же труд, и это его основная суть, отраженная в диспозиции ст. 127² УК РФ, не может быть прекращен по воле работника. Работник не может уволиться, не может разорвать гражданско-правовые отношения, поскольку фактически он не является наемным работником или лицом, выполняющим гражданско-правовые обязательства. Находясь в рабстве, работник полностью исключается из субъектов социальной жизни, имеющих права и свободы. Фактический статус раба – имущество. Раб, таким образом, становится объектом обладания другим человеком, их взаимоотношения строятся не по принципу двусторонних субъект-субъектных, а по принципу односторонних субъект-объектных.

Поэтому, какими бы документами не были оформлены отношения «рабовладельца» и его работника, при квалификации преступного деяния, предусмотренного ст. 127² УК РФ, важно определять фактическое положение потерпевшего. Критерием оценки здесь является осуществление в отношении работника полномочия владения. При использовании рабского труда полномочие владения осуществляется, при принудительном труде – нет.

Третьим полномочием права собственности по российскому гражданскому законодательству является полномочие распоряжения. Данное полномочие означает возможность определения юридической судьбы имущества путем изменения его состояния или назначения. Распоряжаясь имуществом, собственник может его отчуждать в собственность другим лицам, передавать им права владения и пользования, оставаясь при этом собственником, отдавать в залог, а также распоряжаться иными способами.

Если рассматривать осуществление полномочия распоряжения по отношению к человеку, находящемуся в рабстве, проводя условную аналогию с гражданским правом, то можно предположить, что реализация полномочия распоряжения выражается, например, в совершении с ним какой-либо сделки (продажа, обмен, сдача в аренду). Однако данные действия не охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 127² УК РФ. Осуществление полномочия распоряжения даже в совокупности с полномочием владения, не повлечет уголовной ответственности по ст. 127² УК РФ, поскольку будет отсутствовать важный признак объективной стороны преступного деяния – использование труда человека, находящегося в рабском положении.

Поэтому, например, «собственник» раба, не использующий его труд, а сдавший раба в аренду, не может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 127² УК РФ. В отношении него должна быть применена ст. 127¹ УК РФ «Торговля людьми», предусматривающая ответственность за совершение любых сделок с человеком. Действия же арендатора, в случае, если он будет использовать труд арендуемого им раба, будут квалифицироваться по ст. 127² УК РФ по совокупности со ст. 127¹ УК РФ, поскольку арендатор в данном случае совершает два преступления: сделку в отношении человека (ст. 127¹ УК РФ) и использование труда человека, фактически находящегося в рабстве (ст. 127² УК РФ). Ведь так называе-

мый «арендатор» в отношении «арендованного» работника будет осуществлять два необходимых для квалификации полномочия – владения и использования. Во-первых, для обеспечения полной власти над «арендованным» работником будет применяться насилие (физическое либо психическое), во-вторых, использоваться труд работника, который не может отказаться от его выполнения по независящим от него причинам [7].

Рассматривая возможность осуществления полномочия распоряжения по отношению к человеку следует упомянуть и о случаях, когда «рабовладелец» умышленно причиняет увечие работнику, меняя тем самым его состояние для того, чтобы использовать его труд в определенной сфере деятельности. Например, в сфере попрошайничества или публичных зрелищ.

Но и в этом случае осуществление полномочия распоряжения в совокупности с полномочием владения не будет квалифицироваться как использование рабского труда. Обязательно должно быть осуществлено еще и полномочие пользования.

Следует отметить, что ч. 3 ст. 127² УК РФ предусматривает уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой или второй этой статьи, повлекшие по неосторожности смерть, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему или иные тяжкие последствия. То есть она охватывает эти тяжкие последствия для жизни и здоровья человека, находящегося в рабском положении, если они наступили по неосторожности при выполнении трудовой деятельности.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что в диспозиции ст. 127² УК РФ не конкретизируется, какие именно полномочия собственника должны осуществляться в отношении человека, чей труд используется как рабский, анализ показывает необходимость и достаточность осуществления совокупности двух полномочий – владения и пользования, а не всей триады.

Данный вывод является важным не только для науки уголовного процесса, но и для правоприменительной практики, поскольку позволит лицам, осуществляющим расследование и проводящим оперативно-розыскные мероприятия по данной категории уголовных дел, более точно определять наличие в действиях привлекаемого лица состава данного преступления.

Кроме того, полагаем, что целесообразно законодательно в диспозиции ст. 127² УК РФ конкретизировать, осуществление каких именно полномочий, присущих праву собственности, составляет объективную сторону данного преступления. Такая конкретизация в значительной мере способствовала бы правильной квалификации использования рабского труда в правоприменительной практике.

Список литературы

1. Гордей М. В., Елифанов Б. В. Проблемы квалификации использования рабского труда в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 80 – 84.
2. Дроздник М. В. Использование рабского труда в Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6 [Электронный ре-

сурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/68890> (дата обращения: 14.08.2022).

3. **Жинкин А. А.** Торговля людьми и использование рабского труда: проблема квалификации и соотношение со смежным составом преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2006. 192 с.

4. **Колесов А. И.** Проблемы первоначального этапа расследования торговли людьми, использования рабского труда и связанных с ними преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2010. 252 с.

5. **Маркова А. А.** Проблемы квалификации использования рабского труда и торговли людьми в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 22(364). С. 353 – 355.

6. **Полякова М. А.** Обнаружение следов преступной деятельности, связанной с торговлей людьми и использованием их рабского труда // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 298 – 302.

7. **Попов В. А.** Уголовно правовые меры борьбы с использованием рабского труда: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 198 с.

8. **Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами / СССР.** Нар. ком. по иностр. делам. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1924 – 1961. Вып. 19: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1957 года. 1960. 410 с.

9. **Шахбанов Р. М.** Использование рабского труда: уголовно-правовое и криминалистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Грозный, 2020. 212 с.

References

1. **Gordey M.V., Yepifanov B.V.** [Problems of qualification of the use of slave labor in Russia], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 2 (50), pp. 80-84. (In Russ.).

2. **Drozdник M.V.** [The use of slave labor in the Russian Federation], *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation], 2016, no. 6, available at: <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/68890> (accessed 14 August 2022).

3. **Zhinkin A.A.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Krasnodar, 2006, 192 p. (In Russ.).

4. **Kolesov A.I.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Nizhniy Novgorod, 2010, 252 p. (In Russ.).

5. **Markova A.A.** [Problems of qualification of the use of slave labor and human trafficking in the Russian Federation], *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2021, no. 22(364), pp. 353-355. (In Russ.).

6. **Polyakova M.A.** [Detection of traces of criminal activity related to human trafficking and the use of their slave labor], *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 1(12), pp. 298-302. (In Russ.).

7. **Popov V.A.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Moscow, 2010, 198 p. (In Russ.).

8. **Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh s inostrannymi gosudarstvami** [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states], USSR, Nar. kom. po inostr. delam. Moscow: Litizdat N.K.I.D., 1924-1961. Issue 19: [Treaties, agreements and conventions in force between 1 January and 31 December 1957], 1960. 410 p. (In Russ.).

9. **Shakhbanov R.M.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Groznyy, 2020, 212 p. (In Russ.).

The Exercise of the Owner's Powers as a Component of the Objective Side of the Use of Slave Labor: Qualification Issues

V. A. Popov, *Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer,
Department of Criminal Procedure,
Ryazan Branch of Moscow University Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan, Russia*
volpopov@mail.ru

A. A. Pudovkin, *Cand. Sci. (Law), Police Colonel,
Head of Department of Criminal Procedure,
Ryazan Branch of Moscow University Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan, Russia;*
mr.andre.81@mail.ru

D. V. Tetkin, *Cand. Sci. (Law), Police Lieutenant Colonel,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure,
Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan, Russia;*
tyotkinden@mail.ru

The article deals with problematic issues related to the qualification of the use of slave labor in terms of the exercise of the powers of the owner in relation to the person whose labor is used. The author analyzes how the triad of powers inherent in the right of ownership – possession, use and disposal, can be carried out in relation to a person. As a result of the legal analysis, the author comes to the conclusion that in order to qualify a criminal act under Article 1272 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary and sufficient to exercise not the entire triad of powers, but the totality of two powers – possession and use.

Keywords: the use of slave labor; the qualification of crime; the powers inherent in the right of ownership.

© В. А. Попов, 2022

© А. А. Пудовкин, 2022

© Д. В. Теткин, 2022

Статья поступила в редакцию 12.06.2022

При цитировании использовать:

Попов В. А., Пудовкин А. А., Теткин Д. В. Осуществление полномочий собственника как составляющая объективной стороны использования рабского труда: вопросы квалификации // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 3. С. 365 – 374. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.365-374

С позиций критического подхода дана оценка существующих воззрений относительно понимания секундарного права, приведены положения как современных учений о сути секундарных прав, так и сделаны отсылки к советскому юридическому наследию. С приведением примеров рассмотрены случаи существования секундарных прав в российской правовой системе, выявлены их признаки и на основе этого сделан вывод, что данное правовое явление необходимо идентифицировать как самостоятельную правовую конструкцию, и не следует отождествлять ее с институтом специальной дееспособности лица. Противоположный подход уводит исследователей от правильного понимания секундарных прав, а формулируемые суждения в духе определения секундарных прав через призму сложившихся и объективно существующих правовых институтов, таких как специальная дееспособность, динамическая правоспособность, не приносят ничего нового в развитие юридической мысли.

Ключевые слова: волеизъявление; дееспособность; односторонняя сделка; реализация права; секундарное право.

Вадим Владимирович Крамской, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
заместитель начальника Правового отдела,
УМВД России по Тамбовской области, Тамбов, Россия;
vkramskoy@mail.ru

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ СЕКУНДАРНОГО ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТА СПЕЦИАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Введение

Предназначением юридической науки является исследование во всех его проявлениях такого социального института, как право, регламентирующего взаимодействие субъектов человеческого общества между собой и окружающим миром. Целью этого процесса выступает определение круга проблем, их объяснение и предложение путей решения. При исследовании очень важно понимать то, что научное знание должно прирасти не просто объемом информации, так или иначе, относящимся к затронутому предмету, оно должно обогатиться знанием либо адекватно описывающим проблему, либо алгоритмом ее решения. Однако в том массиве научных изысканий, который существует в нынешнее время, порой не только трудно разобраться с перечнем вопросов, представляющих собой поприще для исследований, но иногда проводимые исследования уводят в сторону прогрессивное развитие юридической науки. В корне неверным было бы утверждение, что происходит это зачастую от некомпетентности ученого.

Порой ученые стараются расширить горизонты мысли, закрутить виток спирали рассуждений за счет привнесения в них смежных вопросов посредством описания рассматриваемого явления через призму другого и определение одного понятия по формальным критериям как части другого, более крупного по своему содержанию. Такого рода исследования несут в себе малый коэффициент полезного действия. Подобный случай можно спроецировать на исследования конструкции секундарного права, которое в ряде случаев понимается как элемент специальной дееспособности лица. Пройти мимо и принять на веру данное утверждение сложно.

Методы

В качестве способов познания сути секундарного права для целей настоящей статьи широко используются приемы анализа и синтеза, при помощи которых рассматриваются отдельные признаки изучаемого правового явления, а по итогам формулируются выводы. Также применялся метод правового сравнения.

Основное исследование

По словам Е. Я. Мотовиловкера, секундарное право – это элемент специальной дееспособности (делкоспособности) лица, который реализуется в зависимости от складывающейся конъюнктуры хозяйственного оборота товаров, работ, услуг и иных объектов гражданских прав [6, с. 52]. В обоснование своей позиции ученый приводит ряд доводов, которые мы поименуем ниже в продолжение дальнейшего разговора:

- секундарное право осуществляется действиями самого правообладателя и для этого не требуется действие другого лица либо его бездействие;
- секундарное право реализуется посредством своей воли;
- секундарное право как акт волеизъявления лица создает, изменяет или прекращает гражданское правоотношение;
- секундарному праву не противостоит чья-либо обязанность;
- интерес, заложенный в секундарное право, удовлетворяется моментально в рамках конкретного отношения.

В своих утверждениях Е. Я. Мотовиловкер опирается на известнейшего советского ученого, цивилиста, теоретика права М. М. Агаркова, которым была явлена миру теория динамической правоспособности. Ее суть сводится к тому, что правоспособность представляет собой постоянно изменяющийся во времени институт, который наполняется конкретным содержанием в зависимости от той или иной ситуации. Однако Е. Я. Мотовиловкер идет дальше и заключает, что секундарное право рассматривать в свете динамической правоспособности нерационально, секундарное право представляет собой элемент дееспособности.

Отметим, что по своей сути динамическая правоспособность по-другому может быть представлена как давно разработанный правовой институт специального правового статуса человека или гражданина, что находит широкое отражение в административно-правовых исследованиях. Иными словами, речь идет о том же самом, о чем говорит и М. М. Агарков, что правоспособность не может быть представлена «статически... в любой момент лицо может оказаться субъектом любого гражданского

правоотношения» [1, с. 284] при условии создания определенных предпосылок. К примеру, появление интереса на приобретение конкретной вещи и одновременное предложение такому лицу приобретения данной вещи. Чем же тогда будет отличаться ситуация, когда гражданин, обладая в силу своего общего правового статуса целым комплексом прав, в установленном порядке приобретает статус военнослужащего и в силу этого может стать участником специальных правоотношений, в том числе гражданских, трудовых, к примеру, по обеспечению его жилым помещением. Представляется, что принципиальных отличий между двумя данными институтами нет, разве что принадлежат они разным правовым порядкам – один к частноправовому (институт динамической правоспособности в сфере гражданского права), другой – публично-правовому (институт правового статуса личности в административном праве).

Теперь постараемся подробнее рассмотреть каждый из приведенных Е. Я. Мотовиловкером доводов в обоснование его позиции о секундарном праве как элементе специальной дееспособности лица.

1. Секундарное право осуществляется действиями самого правообладателя и для этого не требуется действие другого лица либо его бездействие.

По нашему мнению, ложность такого подхода в рассуждениях кроется в том, что секундарное право в настоящее время рассматривается исключительно только в сфере действия права гражданского. Классическими примерами секундарных прав являются распространенные примеры прав на акцепт предложения о заключении договора, на прекращение его действия волей одного контрагента, на прекращение правоотношения зачетом обязательства, право на принятие наследства [6, с. 52] и др. Но если отойти в сторону от цивилистического уклона и с позиций междисциплинарного подхода рассмотреть конструкцию секундарного права, а также предположить, что секундарное право не является только лишь детищем частного права, то вряд ли устоит приведенное выше утверждение.

Так, если исходить из классического определения конструкции секундарного права и понимать под ним возможность лица установить (преобразовать) субъективное право с помощью односторонней сделки [4, с. 45], или как «предоставляемая лицу юридическая возможность своим односторонним волеизъявлением привести к возникновению, изменению или прекращению гражданского правоотношения» [3, с. 68], то нельзя ли в качестве секундарного права рассмотреть право на установление публичного сервитута по земельному законодательству.

В соответствии с п. 4 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации заинтересованное лицо вправе выйти с ходатайством к органу государственной исполнительной власти об установлении публичного сервитута в отношении земельного участка. Общая модель установления публичного сервитута предполагает наличие следующего юридического состава: ходатайство об установлении публичного сервитута – решение компетентного органа об установлении публичного сервитута – подписание соглашения о публичном сервитуте с собственником земельного участка, а в случае отказа последнего от подписания такого соглашения обладатель публичного сервитута осуществляет пользование земельным участком для установленных целей.

Другими словами, в механизме реализации права на установление публичного сервитута участвуют три лица: заинтересованный в установлении сервитута субъект, административный орган и собственник земельного участка. Для целей примера секундарного свойства права на установление публичного сервитута укажем следующие его признаки: реализуется в одностороннем порядке, при этом санкционируется органом публичной власти, то есть, вопреки утверждению Е. Я. Мотовиловкера, требуется действие третьего лица. Мы можем пойти далее и сказать, что важным моментом здесь является и то, что право на установление публичного сервитута реализуется в отношении земельного участка не его собственником, а собственник земельного участка в данном случае должен претерпевать последствия установления сервитута, даже, невзирая на его несогласие с установлением публичного сервитута, и более того, должен подписать соглашение об установлении сервитута (ч. 11 ст. 39.47 Земельного кодекса Российской Федерации).

Кроме того, если вернуться в гражданско-правовую плоскость и с точки зрения такого рассматриваемого свойства секундарного права, как его осуществление действиями самого правообладателя бездействия другого лица, рассмотреть в качестве секундарного права его классический пример, часто встречаемый в юридической литературе, – право на принятие наследства, то мы увидим следующее.

Принять наследство можно разными способами, но, так или иначе, действия по принятию наследства сводятся к их засвидетельствованию либо нотариусом, либо должностным лицом, то есть требуются действия стороннего лица для реализации права на принятие наследства.

Но справедливости ради нужно отметить, что, действительно, есть случаи, когда секундарное право реально реализуется только действиями секундарно-управомоченного лица. Например, в случае с осуществлением прав на зачет встречного исполнения по обязательству, на одностороннее расторжение договора подряда и др.

2. Следующими утверждениями Е. Я. Мотовиловкера о свойстве секундарного права является то, что секундарное право реализуется посредством воли его обладателя и акта волеизъявления [6, с. 52].

Оспаривать данное положение бессмысленно и, более того, нелогично. Ведь если определенное правовое явление мы именуем секундарным правом, то оно по умолчанию обретает свойство любого субъективного права – это свойство претворения его в жизнь исключительно по желанию управомоченного субъекта. В этом вся суть любого права, в том числе и секундарного. Поэтому единственное, о чем здесь следует вести речь, так это о том, что, с нашей точки зрения, при характеристике конструкции секундарного права не следует акцентировать внимание на его реализации своей волей. Данное свойство не является эксклюзивным.

Скажем, можно ли реализовать право на зачет встречного обязательства, которое также приводится в качестве классического примера секундарного права, не являя миру акт своей воли, или право прекращения действия договора в одностороннем порядке? Представляется, что нет. Пожалуй, замечание о том, что реализация секундарного права лицом должна совершиться актом изъявления его воли, является еще более некоррект-

ным с научной точки зрения. Если рассмотреть принятие наследства таким способом, как вступление во владение единственным наследником первой очереди недвижимым имуществом, которым он ранее пользовался совместно с наследодателем по закону (п. 2 ст. 1153 ГК РФ), то в этой ситуации какой-либо акт волеизъявления по сути своей отсутствует.

С нашей точки зрения, основанной на позитивистской концепции восприятия права, любое право – это потенциальная возможность реализовать соответствующий интерес посредством юридического факта, под которым понимают жизненные обстоятельства, выступающие пружиной, приводящей в движение механизм реализации права в той или иной его форме (применение, исполнение, соблюдение, использование). Возвращаясь к тому же секундарному праву на акцепт оферты, разве не будет формально точным утверждение о том, что, акцептуя оферту, лицо осуществляет волеизъявление – совершается юридический факт в виде правомерного действия по заключению договора, но само по себе право на акцепт оферты как конструкция продолжает свое автономное существование и может быть использовано для других случаев.

Думается, что для секундарного права, как и для иных прав, будет достаточной его характеристика только через призму не акта волеизъявления, как утверждает Е. Я. Мотовиловкером, а факта волеизъявления.

3. Интересным с точки зрения научной дискуссии является и положение, согласно которому в правоотношениях с использованием секундарных прав секундарно-управомоченному субъекту не противостоит какая-либо обязанность контрагента [6, с. 53].

Если обратиться к анализу структуры правоотношения, складывающегося по поводу направления оферты и ее акцепта, то, действительно, при реализации как права на направление оферты, так и права на ее акцепт не возникают корреспондирующие обязанности. Их в принципе нет. Равно как никто не понуждает оферента сделать соответствующее предложение (он самостоятельно, в своем интересе, своими действиями реализует предоставленное ему право, не требующее для его реализации действий иных лиц), также и лицо, к которому обращена оферта, в своем интересе принимает решение и своими действиями акцептует оферту или не акцептует. В юридической литературе по данному поводу очень часто указывается, что в таких случаях между лицами возникает определенная правовая связанность [3, с. 70], а юридические обязанности отсутствуют, то есть лицо, сделавшее оферту, пребывает в состоянии правовой неопределенности (неизвестно, будет оно в договорных отношениях или не будет), разрешение которой находится в зависимости от реализации секундарного права на акцепт оферты другим лицом. Но при этом лицо, сделавшее оферту, в случае ее акцепта, обязано будет участвовать в договорных отношениях на условиях, определенных в оферте. Следует признать, что на этапе направления оферты и ее рассмотрения, действительно, между сторонами отсутствуют обязанности, но проявляется правовая связанность, что дает основания выдвинуть гипотезу о существовании своего рода секундарного правоотношения с указанными признаками.

Применительно к рассматриваемому вопросу о рациональности тезиса об отсутствии корреспондирующей секундарному праву обязанности, следует обратиться к исследованию А. А. Кравченко [5, с. 203], в котором правовое поведение контрагента секундарно-управомоченного лица описывается через понятие претерпевания правовых последствий, что еще в римском праве именовалось как *pati* [7, с. 544].

Для наглядности приведем пример с правом на одностороннее расторжение договора подряда, который может быть расторгнут заказчиком работ в любое время до их сдачи (ст. 717 ГК РФ). В ситуации с безусловным правом заказчика на осуществление такого права, подрядчик вынужден претерпевать те неудобства, которые ему создаст реализация заказчиком работ его секундарного права на расторжение договора: он лишится возможности получить вознаграждение в полном объеме, на которое он рассчитывал при заключении договора, он, возможно, станет заложником ситуации, когда у него из-за досрочного расторжения договора образуется простой в работе, и все эти последствия реализации секундарного права он обязан именно претерпевать как своего рода юридическую обязанность.

Таким образом, безусловное утверждение о том, что секундарному праву не противостоит чья-либо обязанность правдиво только в отдельных случаях, для целей развития теории права представляется целесообразным заключить, что правовые отношения, связанные с реализацией секундарного права в ряде случаев обнаруживают противостоящую данному праву обязанность в пассивной форме реализации, оспаривать несение которой обязанной стороной правоотношения бесперспективно в силу прямого указания закона на это.

4. Последнее утверждение, которое, по нашему мнению, дискуссионно и касается обсуждения секундарного права – интерес, заложенный в секундарное право, удовлетворяется моментально в рамках конкретного отношения. Действительно, интерес, заложенный в потенциал секундарного права, к примеру, в праве на зачет встречного исполнения по обязательству, удовлетворяется одномоментно заявлением секундарно-управомоченной стороны. В случаях с секундарными правами более сложными по своей природе (право на установление публичного сервитута, право на создание профессионального союза в трудовом коллективе, право на расторжение трудового договора по инициативе работника и др.) не уместно будет вести речь о моментальном удовлетворении интереса управомоченного лица, поскольку реализация права на установление публичного сервитута растянуто во времени и опосредовано рядом юридически значимых действий как со стороны органов публичной власти, так и собственника земельного участка; осуществление права на создание профессионального союза зависит от факта объединения с другими лицами; претворение в жизнь права на расторжение трудового договора по инициативе работника также растянуто во времени.

Проанализировав каждый из приведенных Е. Я. Мотовиловкером признаков секундарного права, подытожим результат нашего наблюдения и вернемся к оценке уместности рассмотрения секундарного права как элемента специальной дееспособности.

Итак, мы увидели, что не всегда вторичное право осуществляется действиями самого правообладателя. Порой для реализации интереса, заложенного в потенциал вторичного права, требуются действия стороннего лица. Безусловно, что вторичное право реализуется посредством воли вторично-управомоченного лица, выраженной в юридическом факте его волеизъявления. Осуществление вторичного права способствует развитию динамики правоотношений: реализация вторичного права создает, изменяет или прекращает правоотношение, причем не только гражданское, но и способно трансформировать правоотношение в публично-правовой плоскости. В определенном смысле во вторичном правоотношении вторичному праву может противостоять чья-либо обязанность, как правило, выраженная в форме *pacti*, а интерес, заложенный во вторичное право, не всегда удовлетворяется одномоментно, подтверждением чему может служить реализация вторичного права на направление оферты и соответствующее ему ожидание ее принятия и последующего заключения договора, или, право на расторжение трудового договора по инициативе работника и др.

Определившись с признаками вторичного права, перейдем к его сопоставлению с понятием «дееспособность».

Традиционным в юридической науке является понимание дееспособности как возможности своими действиями приобретать права и нести обязанности [2, с. 56]. Предпосылкой к существованию дееспособности является также устоявшееся в юридической науке понятие правоспособности, под которым понимается гипотетическая возможность лица быть участником правоотношения [2, с. 56]. Рассматривая вторичное право как элемент специальной дееспособности, Е. Я. Мотовиловкер полагает, что, находясь в конкретном правоотношении, лицо может реализовать существующее у него вторичное право, например, на зачет встречного исполнения по обязательству. Тем самым вторичное право является элементом дееспособности, причем специальной, поскольку лицо наделяется вторичным правом применительно к конкретному правоотношению.

Здесь также возникают вопросы, связанные с обоснованностью именования вторичного права как элемента специальной дееспособности. Ведь с таким же успехом можно элементом специальной дееспособности именовать, например, субъективное право на предъявление требования об уплате неустойки, которое возникает в рамках конкретного правоотношения. И, по большому счету, насколько целесообразно вводить конструкцию права как потенциального еще нереализованного интереса в содержание другого понятия, которое характеризует процесс реализации интереса, заложенного во право.

Заключение

Представляется, что вторичное право необходимо рассматривать как самостоятельное явление. Явление, которое обладает следующими признаками: осуществляется, как правило, действиями самого правообладателя, но в отдельных случаях для реализации вторичного права требуется действие другого лица либо его бездействие; реализуется посредст-

вом воли его обладателя, выраженной в акте волеизъявления; в правоотношениях с использованием вторичных прав вторично-управомоченному субъекту может противостоять какая-либо обязанность контрагента; интерес, заложенный в вторичное право, не всегда удовлетворяется моментально в рамках конкретного правоотношения. И последнее, рассмотрение вторичного права как элемента специальной дееспособности нецелесообразно, поскольку такой подход подменяет собой одно понятие – вторичное право, другим – дееспособностью.

Список литературы

1. **Агарков М. М.** Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. М., 2002. Т. 1. С. 163 – 490.
2. **Белькова Е. Г.** О категориях «правосубъектность» и «правоееспособность» // Известия Иркутской гос. эконом. академии. 2006. № 6. С. 55 – 58.
3. **Богатырев Ф. О.** Вторичное право на примере постановления Президиума Верховного Суда России // Журнал российского права. 2005. № 2(98). С. 68 – 72.
4. **Иванова С. А.** К вопросу о понятии вторичных прав и правоотношений // Власть Закона. 2010. № 2(2). С. 45 – 51.
5. **Кравченко А. А.** К вопросу о понятии вторичного права // Публичное и частное право. 2015. № 3(27). С. 200 – 209.
6. **Мотовиловкер Е. Я.** Вторичное право как элемент специальной дееспособности лица (в развитие теории динамической правоспособности проф. Агаркова) // Юридические записки ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Вып. 16: Субъекты права: теория и практика. Ярославль, 2012. С. 52 – 61.
7. **Римское частное право:** учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский и др.; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. 544 с.

References

1. **Agarkov M.M.** [Obligation under Soviet civil law], *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected works on civil law]. In 2 vols. Moscow, 2002, vol. 1, pp. 163-490. (In Russ.).
2. **Bel'kova Ye.G.** [On the categories of "legal personality" and "legal capacity"], *Izvestiya Irkutskoy gos. ekonom. akademii* [Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy], 2006, no. 6, pp. 55-58. (In Russ.).
3. **Bogatyrev F.O.** [Second law on the example of the decision of the Presidium of the Supreme Court of Russia], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law.], 2005, no. 2(98), pp. 68-72. (In Russ.).
4. **Ivanova S.A.** [To the question of the concept of second rights and legal relations], *Vlast' Zakona* [Power of the Law], 2010, no. 2(2), pp. 45-51. (In Russ.).
5. **Kravchenko A.A.** [On the concept of second law], *Publichnoye i chastnoye pravo* [Public and private law], 2015, no. 3(27), pp. 200-209. (In Russ.).
6. **Motovilovker Ye.Ya.** [Secondary law as an element of a person's special legal capacity (in the development of the theory of dynamic legal capacity of prof. Agarkov)], *Yuridicheskiye zapiski YarGU im. P.G. Demidova* [Legal Notes of the YarGU named after PG Demidov], issue 16: *Sub'yekty prava: teoriya i praktika* [Subjects of law: theory and practice], Yaroslavl', 2012, pp. 52-61. (In Russ.).
7. **Krasnokutskiy V.A., Novitskiy I.B., Pereterskiy I.S. (Eds.) et al.** *Rimskoye chastnoye pravo* [Roman private law], Moscow: Yurist", 2004, 544 p. (In Russ.).

Critical Analysis of the Understanding of the Second Law as an Element of Special Legal Capacity

V. V. Kramskoy, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University;
Deputy Head of the Legal Department,
Ministry of Internal Affairs of Russia for the Tambov region, Tambov, Russia;
vkramskoy@mail.ru*

In this article, the author evaluates from the standpoint of a critical approach the existing views on the understanding of secondary law, the provisions of both modern teachings on the essence of secondary rights are given, and references are made to the Soviet legal heritage. The author examines in detail, with examples, the cases of the existence of second rights in the Russian legal system, identifies their signs and on the basis of this comes to the conclusion that this legal phenomenon must be identified as an independent legal structure and should not be identify it with the institution of a person's special legal capacity.

The opposite approach leads researchers away from the correct understanding of second rights, and formulated judgments in the spirit of defining second rights through the prism of historically established and objectively existing legal institutions, such as special legal capacity, dynamic legal capacity, do not bring anything new to the development of legal thought.

Keywords: expression of will; legal capacity; unilateral transaction; implementation of the right; secondary law.

© В. В. Крамской, 2022

Статья поступила в редакцию 10.01.2022

При цитировании использовать:

Крамской В. В. Критический анализ понимания вторичного права как элемента специальной дееспособности // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 375 – 383. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.375-383

Статья посвящена рецензированию монографии Б. А. Куркина, представляющей собой исследование вопросов международных и международно-правовых отношений нейтральных стран Западной Европы и Франции в период Второй мировой войны с нацистской Германией, с одной стороны, и СССР (Россией), с другой. Подчеркнуто, что в книге представлена оригинальная версия причин Второй мировой войны, и рассмотрен вопрос роли, которую нацистская Германия отводила нейтральным странам и Франции в деле строительства «единой Европы» и их правовому и международно-правовому статусу.

Указано на отмеченную автором значимость политико-правовых вопросов денацификации в названных странах, для понимания современного отношения стран Запада к итогам Второй мировой войны. Отмечена обоснованность авторской точки зрения относительно причин непрекращающихся попыток пересмотра сути и смысла этой войны. В рецензии подчеркивается непреходящая актуальность рассмотренного вопроса о метафизических корнях противостояния России и Запада.

Ключевые слова: Вторая мировая война; нацизм; нейтралитет; международное право; внутреннее право; денацификация; «единая Европа»; итоги Второй мировой войны.

Ирина Сергеевна Искевич, канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», Тамбов, Россия;
irina_77707@lis.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Б. А. КУРКИНА «"ТОЖЕ ПОБЕДИТЕЛИ". НЕЙТРАЛЫ ЕВРОПЫ И ФРАНЦИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ»

В издательстве «Международные отношения» вышла книга д-ра юрид. наук, профессора, члена Союза писателей России Б. А. Куркина «"Тоже победители". Нейтралы Европы и Франция во Второй мировой войне» (480 с.; 130 ил.).

Книга посвящена весьма важной и актуальной теме: выяснению истинной роли нейтральных стран в истории войны объединенной Гитлером Европы против СССР (России). Уже давно живет своей жизнью миф об этих странах как жертвах нацистской агрессии и посильных борцов с коричневой чумой. Работа Б. А. Куркина – это вклад ученого, писателя и гражданина в развенчание этого мифа и выявление истинной роли рассматриваемых государств в германском нашествии на нашу Родину.

В книге приведено много фактов и обстоятельств, известных, да и то не в обобщенной форме, лишь узкому кругу специалистов. Тема евро-нейтралов и Франции рассмотрена в широком историческом контексте

всей Второй мировой войны как на европейском, так и на азиатско-тихоокеанском театре военных действий. Этому дано простое и логичное объяснение: нейтральные Нидерланды были колониальной империей и вели войну не только на Западе с Германией, но и на Востоке с Японией, защищая свои колониальные владения. Колониальной империей была и Бельгия, но до бельгийских владений в Черной Африке не дошли руки ни у германского фюрера, ни у японского микадо. Колониальной державой была и Франция.

Автор подчеркивает, что Нидерланды, сами того не желая, вынуждены были уступить жесткому нажиму США и объявить войну Японии на следующий день после японского нападения на Перл-Харбор. По итогам кампании Индонезия («Нидерландская Ост-Индия») была оккупирована японцами. А в конце войны нидерландская королева Вильгельмина будет отчитываться перед американским президентом о ходе выполнения неподлежащего обсуждению плана предоставления независимости своим тихоокеанским владениям.

Собранные автором в единую картину такие исторические факты помогают объективно оценить истинную роль и действия западноевропейских государств во Второй мировой войне.

В книге использованы 377 научных и иных работ на английском, немецком, французском и нидерландском языках, в том числе и труднодоступных по ряду обстоятельств для отечественного исследователя, хранящихся в зарубежных исследовательских центрах.

К достоинствам работы следует отнести спокойное и объективное изложение материала образным и точным языком. Несмотря на профессионально-юридический подход, автору удалось написать ряд глав в форме близкой к художественным миниатюрам.

В книге приводятся дневниковые записи Й. Геббельса и А. Розенберга, а также отрывки из выступлений Гитлера, Бормана, Гимmlера, Зейсс-Инкварта и других видных деятелей Третьего рейха. При этом автор не использовал источники, признанные современными историками сомнительными.

Введены в научный оборот документы, взятые с официального сайта правительства Швеции, касающиеся послевоенных выплат нейтральной Швеции народам – жертвам агрессии (в кавычках и без оных). Эти выплаты вполне можно охарактеризовать как репарации за весьма своеобразную политику нейтралитета – «благожелательного» по отношению к нацистской Германии в начале войны и относительно сдержанного по отношению к ней в ее конце. «Благожелательный» нейтралитет включал в себя, в частности, пропуск гитлеровских войск через территорию королевства на советско-германский фронт, что строжайше запрещалось действовавшими и действующими по сию пору нормами международного права. В частности, благодаря столь своеобразно трактовавшемуся шведами нейтралитету в кольце смертельной блокады долгое время оставался Ленинград.

Рассказано и о попытках государственного переворота со стороны шведских военных, поддерживавших прямые контакты с Геббельсом (о чем свидетельствуют его дневники) и спецслужбами рейха. Весьма интересна подробно рассмотренная в книге тема характера и режима оккупа-

ции нейтральных стран Европы и Франции и сопутствовавших ей юридических, политических и культурных проблем и вопросов. Что означала для этих стран и народов оккупация? Чем обернулась она для нашей страны? На эти вопросы в книге, которую можно по праву считать своего рода справочником по истории стран «нейтральной Европы» периода Второй мировой войны, даны убедительные ответы

Главной темой ее автор сделал анализ четырех последовательно проходивших этапов: оккупация – сопротивление – освобождение – денацификация.

Значительная часть книги посвящена Нидерландам. Смысл сделанного акцента на них в том, что в истории этой страны в период Второй мировой войны помимо особенного, присущего каждой конкретной стране, есть и общее, типичное для ситуации, в которой очутились нейтральные страны, а также Франция. И поскольку рассмотрение одних и тех же вопросов по каждой стране привело бы к дублированию материала, то выбранная автором схема: «Общее – специфика» представляется вполне оправданной, поскольку речь в книге идет не об истории каждой отдельно взятой нейтральной страны, а о том типическом, что было присуще истории и духовной ситуации в странах Западной Европы во времена Второй мировой войны.

Как и во всякой охватывающей широкий круг вопросов книге в работе Б. А. Куркина есть темы, представляющие интерес для историков, в частности военных историков, социологов, политологов, культурологов. Рассмотрена в ней и юридическая проблематика в ее широком виде. Это касается проблем международного, конституционного и уголовного права нейтральных стран Европы, а также вопросов общей теории права.

Международно-правовая проблематика рассмотрена в книге в нескольких планах. Так, автор касается темы Третьего рейха как предтечи нынешнего Евросоюза и приводит в пример план известного германского дипломата С. фон Ренте-Финка, предложившего создание европейской конфедерации, у которой будут единая валюта, центральный банк в Берлине, а при осуществлении трудовой политики, экономических, а также торговых соглашениях будет действовать принцип регионализма. По сути, он предложил модель будущего Европейского Союза (ЕС).

Время войны не лучшее для масштабного государственного строительства, поэтому, как отмечает автор, большинство планов так и осталось либо на бумаге, либо в головах реформаторов-прожектеров.

Вопрос о «еврорейхе», правда, без требуемой конкретики, детализации и правового комментария, обсуждается в российской общественно-политической литературе. Одной из таких недавних работ стала книга А. В. Васильченко «Евросоюз» Гитлера» [1]. Однако впервые тема рейха как предтечи современного ЕС не в историко-публицистическом, а международно-правовом аспекте, рассмотрена именно юристом-международником профессором Б. А. Куркиным.

В книге отмечено, что статус оккупированных нацистской Германией «малых сих» был весьма различен. Так, например, Нидерланды и Люксембург были включены в состав рейха как «истинно германские государства». Раскрыты причины, по которым Гитлер пошел на конфликт с верхуш-

кой вермахта, требовавшей по своим «ведомственным» соображениям установления в Голландии режима военной оккупации.

Совершенно иным был статус Дании, с которой формально поддерживались дипломатические отношения, а правовое положение Норвегии было близко к статусу протектората. К последнему варианту решительно склонялся сам фюрер. Как подчеркивает автор, различия носили в основном формальный характер. И общее руководство оккупированными странами осуществляли гитлеровские наместники, объем компетенций которых оставался достаточно широким и неопределенным, в силу чего многое зависело от личности ответственного лица рейха.

Можно отметить, что автор по каким-то причинам не использовал в своей работе непосредственно относящиеся к началу 1940-х годов и посвященные теме «евроинтеграции» работы выдающегося германского правоведа и мыслителя К. Шмитта, впавшего, впрочем, в немилость к нацистским властям. А ведь в них содержался анализ международно-правовых идей, бродивших в умах юристов-международников рейха, и выдвигался ряд концепций, весьма значимых для понимания указанной проблематики. Это тем более досадно, что сам Б. А. Куркин посвятил творчеству К. Шмитта несколько своих публикаций.

Как показано в книге, в международно-правовом плане ситуация складывалась весьма своеобразная. Голландская королева Вильгельмина, норвежский король Хокон и Великая люксембургская герцогиня Шарлотта бежали в Англию вместе со своими министрами (далеко не всеми, кстати!), образовав за рубежом правительства в эмиграции. Бежало в Англию и правительство Бельгии. Король же бельгийцев Леопольд («Король бельгийцев» является официальным титулом бельгийского монарха) остался со своей армией и своим народом и пребывал фактически в статусе военнопленного. После освобождения страны это было поставлено ему в вину, хотя тот не счел для себя возможным бросать на произвол победителя свою окруженную и прижатую к морю армию и свой народ.

В итоге сложилась ситуация, когда *de jure* власть принадлежала правительствам в эмиграции, признанным государствами антигитлеровской коалиции, а *de facto* – оккупантам.

Эти-то правительства на бумаге, общавшиеся со своими народами исключительно по радио, причем односторонне, и вступили в антигитлеровскую коалицию, что дало им и их подданным право считать себя «жертвами агрессии» и в известном смысле «победителями», поскольку победила в войне именно Антигитлеровская коалиция.

«С таким же, если не бóльшим, правом, – отмечает с сарказмом автор, – победителями можно считать Саудовскую Аравию, Ирак, Иран, Ливан, Сирию или Турцию, участвовавшие в войне чисто формально, юридически, то есть воевавшие на бумаге: главное – вовремя присоединиться к подлинному победителю (победителям). Строго говоря, к числу победителей следовало бы отнести Болгарию, Румынию и Финляндию, объявивших таки “за полминуты до двенадцати войну гитлеровской Германии” и даже немного повоевавших напоследок с нею в реальной жизни» [2, с. 9].

В итоге «в сфере чистого духа» нейтралы Европы воевали с нацистской Германией, а на деле – СССР (Россией).

Рецензия не может охватить всю книгу, в которой немало сопряженных друг с другом тем, а посему ограничимся вопросами, которые интересны современному отечественному правоведу, а именно правовым вопросам, которые пришлось решать оккупантам и жертвам оккупации во время и по окончании войны.

В книге (в главе «Законоискусники и правоведы») подробно рассказано о правовых коллизиях, возникших после освобождения нейтральных стран и Франции в связи с попытками проведения денацификации, ничем по существу и не закончившейся. На примере Нидерландов показана суть конституционно-правовых проблем и содержание яростных правовых дискуссий, возникших и развернувшихся в связи с вопросом признания действительными правовых актов Короны, принятых за рубежом, за пределами Королевства, что делало их в соответствии с формальным прочтением Конституции Нидерландов юридически ничтожными.

В этом же ряду стоят и теоретико-правовые вопросы ретроактивности, то есть придания уголовно-правовым актам обратной силы. Ссылаясь на работы нидерландских правоведов – теоретиков права, конституционалистов и специалистов в области уголовного права (Ф. Й. Ф. М. Дёйнстее, А. А. Л. Ф. ван Дюллемен, Р. Краненбург, В. П. Помпе, М. И. Принс – автор известной работы о праве чрезвычайных ситуаций, Ф. Й. Х. Снайдерс и др.), автор воссоздает политико-правовую и культурную атмосферу в послевоенном голландском обществе. Анализируя работы вышеперечисленных нидерландских правоведов, автор книги видит их как творческое развитие идей Г. Гроция, Б. Констана, Х. Бишофа (автора известной работы о чрезвычайном праве) [4], Г. Еллинека, Е. Цительмана – автора ряда работ о пробелах в праве [5].

Представлены в книге и ссылки на труды современных теоретиков конституционного права Нидерландов – Л. фон Мейенфельдта и К. Кортманна.

Как признается во введении автор книги, соответствующие консультации по вопросам нидерландского права он получал у голландских правоведов – специалистов по конституционному и уголовному праву.

Эта глава особенно значима для отечественного читателя, поскольку работы, посвященные правовой системе Нидерландов, можно пересчитать по пальцам¹, да и носят они отрывочный характер [3].

Особое место в книге занимают вопросы наказания лиц, обвиненных в коллаборационизме. Показано, с какими проблемами сталкивалась Фемида «нейтралов» при попытке дать определение понятия коллаборационизма, без которого невозможно было осуществлять формальное правосудие. В качестве особого состава преступления власть нейтральных стран установила участие своих подданных (и граждан) в военных действиях на стороне гитлеровского рейха в составе добровольческих формирований СС.

В работе показано, что в целом наказания отличались мягкостью, а с началом «холодной войны» подавляющее большинство осужденных по

¹ См., например: Шатохина-Мордвинцева Г. А. Внешняя политика Нидерландов. 1713 – 1763 гг. Становление голландского нейтралитета. М.: ИВИ РАН, 1998. 175 с.

этой статье было отпущено на свободу. Им даже было разрешено поступать в университеты, те самые, которые непосредственно по окончании войны подвергли себя «очищению» от коллаборационистского элемента и запретили бывшим эсэсовцам поступать в них.

В книге показано и объяснено, что ничем, кроме сотрясения воздуха, денацификация закончиться не могла, ибо коллаборантами были практически все. Плавно сошла на нет, и была быстро свернута люстрация чиновников: изгнаны из управленческого аппарата были лишь совершенно одиозные персоны, отметившиеся публичными пронацистскими выступлениями и действиями. Вся основная масса чиновного люда осталась на своих местах, включая сотрудников полиции. Самым тяжелым последствием люстрации становилось лишение пенсии. Правда, спустя некоторое время многим она была восстановлена.

В книге рассмотрен процесс денацификации, проходивший во всех сферах и слоях общества. На примере Нидерландов показан ход этого процесса в среде рабочего класса, буржуазии, сотрудников прессы, деятелей культуры – для каждой из категорий подданных были разработаны свои критерии оценки степени коллаборационизма.

Автор показывает и изнанку, и вопиющие стороны послевоенной голландской юстиции, когда лица, подозреваемые в коллаборационизме, содержались без суда и следствия в жестоких условиях концентрационных лагерей (глава «ГУЛАГ Ее Величества»). В книге подробно говорится о грубом недоверии и подозрительности, с которой новая власть встречала выживших в германских лагерях евреев. «Отчего тебя не убили?», – откровенно спрашивали безо всяких политесов и экивоков выживших сидельцев немецких KZ (Konzentrationslager – концентрационный лагерь) (глава «Евреи Ее Величества») [2].

Разумеется, правовая тема является не единственной, хотя и чрезвычайно интересной для отечественного правоведа. Основной пафос книги – противостояние России и Европы, метафизической пропасти между ними.

В книге убедительно показано, что не только Германия, но и Европа в целом была поражена недугом нацизма. И дело тут не в наличии нацистских партий, носивших, в сущности, маргинальный характер. Идея нацизма стала близка умам и сердцам многих властителей дум, пусть и не всех, но весьма влиятельных, таких как Л.-Ф. Селин, С. Гедин, оставивший свои воспоминания весьма позитивного толка о встречах с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и др., лауреат Нобелевской премии К. Гамсун, совершенно искренне считавший Гитлера «борцом за права народов».

В работе отмечается и объясняется тот неоспоримый и признаваемый западными исследователями факт, что потери национальных формирований СС и военизированных формирований вермахта в войне с СССР (Россией) многократно превышали потери армий нейтральных стран Западной Европы при отражении агрессии гитлеровской Германии.

Невольно встает вопрос о том, на чьей стороне фактически воевали нейтралы Западной Европы и насколько их можно считать лишь жертвами агрессии, а не активными ее участниками. Ответ прост и очевиден: «нейтральные» страны фактически выступали на стороне гитлеровской Германии до самого окончания войны. И одним из доказательств тому является то, что число погибших и плененных в СССР (России) эсэсовцев-добровольцев из числа национальных контингентов стран Европы многократно

превосходит число жертв, понесенных нейтральными странами при защите от гитлеровской агрессии.

В любой рецензии принято говорить о недостатках анализируемой работы. Представляется, что недостатком книги является то, что в ней не раскрыта роль иных нейтральных стран в период Второй мировой войны – Ирландии, Испании (хотя официально Испания лукаво определяла свой статус в войне как «*pobeli gegancia*» – «невоенное участие» или, как принято говорить в российской историографии, «вооруженный нейтралитет»). Приходится сожалеть, что автор не рассказал об участии в войне «нейтрального» княжества Лихтенштейн, десять процентов(!!!) населения которого служили в СС и вермахте, выполняя полицейские операции против партизан, а также Португалии и Швейцарии. Последней пришлось даже повоевать в воздухе и с нацистами, и с союзниками.

Впрочем, упрекать автора за то, что он не написал, занятие неблагодарное. В заключение хочется сказать о том, что книга Б. А. Куркина без преувеличения является событием, особенно важным на фоне развернутой в последние годы яростной борьбы Запада против России на идеологическом фронте. Ее полезно прочесть не только научным сотрудникам и рядовым гражданам, но в первую очередь практическим работникам в органах власти, нашим военным, ибо она вооружает фактами в борьбе за историческую правду – об истинном победителе нацизма: нашей стране и нашем народе.

Список литературы

1. **Васильченко А. В.** «Евросоюз» Гитлера. М.: ТД Алгоритм, 2015. 300 с.
2. **Куркин Б. А.** «Тоже победители». Нейтралы Европы и Франция во Второй мировой войне. М.: Международные отношения, 2021. 480 с.
3. **Шатохина-Мордвинцева Г. А.** Внешняя политика Нидерландов. 1713 – 1763 гг. Становление голландского нейтралитета. М.: ИВИРАН, 1998. 175 с.
4. **Bischof H.** Das Nothrecht der Staatsgewalt in Gesetzgebung und Regierung, historisch und dogmatisch nach allgemeinen und deutschen Rechte. Giesen: Verl. der Ferber'schen Universitäts Buchhandlung (Emil Roth), 1860.
5. **Zitelmann E.** Lückenim Recht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1903.

References

1. **Vasil'chenko A. V.** “*Yevrosoyuz*” *Gitlera* [In Hitler's “European Union”], Moscow: TD Algoritm, 2015, 300 p. (In Russ.).
2. **Kurkin B.A.** „*Tozhe pobediteli*“. *Neytraly Yevropy i Frantsiya vo Vtoroy mirovoy voyne* [“Also winners”. Neutrals of Europe and France in World War II], Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2021, 480 p. (In Russ.).
3. **Shatokhina-Mordvintseva G.A.** *Vneshnyaya politika Niderlandov. 1713-1763 gg. Stanovleniye gollandskogo neytraliteta* [Foreign policy of the Netherlands. 1713 - 1763 The establishment of Dutch neutrality], Moscow: IVIRAN, 1998, 175 p. (In Russ.).
4. **Bischof H.** Das Nothrecht der Staatsgewalt in Gesetzgebung und Regierung, historisch und dogmatisch nach allgemeinen und deutschen Rechte. Giesen: Verl. der Ferber'schen Universitäts Buchhandlung (Emil Roth), 1860.
5. **Zitelmann E.** Lückenim Recht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1903.

**Review of the Book
“Also Winners”. European Neutralists and France in World War II”
by Boris A. Kurkin**

I. S. Iskevich, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of the Department “International law”,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
irina_77707@lis.ru*

The article presents a review of the monograph by B. A. Kurkin, a study of international and international-legal relations of the neutral countries of Western Europe and France during the Second World War with Nazi Germany, on the one hand, and the USSR (Russia), on the other hand.

It is emphasized that the book gives an authentic version of the causes of the Second World War and addresses the matter of the role assigned by Nazi Germany to neutral countries and France in the construction of “United Europe” and to their legal and international legal status.

The author stresses the importance of political and legal issues of denazification in these countries, for understanding the current attitude of Western countries towards the results of the Second World War. The article stresses the relevance of the author’s point of view regarding the reasons for constant attempts to revise its essence and meaning of this war.

The review emphasizes the enduring actuality of the issue of metaphysical roots of confrontation between Russia and the West examined in the monograph.

Keywords: World War II; Nazism; neutrality; international law; domestic law; denazification; “United Europe”; the results of the Second World War.

© И. С. Искевич, 2022

Статья поступила в редакцию 15.01.2022

При цитировании использовать:

Искевич И. С. Рецензия на книгу Б. А. Куркина «Тоже победители». Нейтралы Европы и Франция во Второй мировой войне» // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 3. С. 384 – 391. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.384-391

В условиях современной цифровизации и информатизации правовое регулирование виртуального пространства выступает одним из актуальных направлений деятельности как государства и практиков, так и научных деятелей. В данном направлении особое внимание уделяется институту цифровых прав. Цифровое пространство обладает рядом специфических признаков (таких как анонимность, масштабность, высокая степень (темп) изменений и возможность влияния на данный процесс любого субъекта), которые не позволяют реализовывать «классические правовые» модели регулирования данной сферы. Цифровые права в таких условиях рассматриваются не только как универсальное средство регламентации, но и механизм реализации прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве. Данное положение наглядно отражает европейский опыт регламентации цифрового пространства, который направлен не только на принятие и выделение исключительно цифровых прав, но и обеспечение реализации «классического» правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве. В российских реалиях сложилась несколько неоднозначная ситуация: в научных кругах доминирует положение «противников» выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли права, при этом законодатель интегрирует институт «цифровых прав» в гражданское законодательство в качестве совокупности электронных данных, которые удостоверяют права на объекты гражданских прав.

Ключевые слова: цифровизация и информатизация; цифровые права; виртуальное пространство; законодательное регулирование; зарубежный и отечественных опыт.

Татьяна Владиславовна Плотникова, канд. юрид. наук, доцент, кафедра специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия; plotnikova-tmb@mail.ru

Вадим Витальевич Харин, сотрудник Управления безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия; vadimka.va@mail.ru

ФЕНОМЕН «ЦИФРОВЫХ ПРАВ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Введение

В настоящее время человек и общество существуют и функционируют в условиях развития информационных и цифровых технологий. Новшества IT-сферы становятся нормой для ежедневного существования и взаимодействия. С каждым годом интеграция человека, общества и государства в виртуальный мир только усиливается: все большее количество аспектов традиционной жизнедеятельности перетекают в киберпростран-

ство (коммуникации, развлечение, работа, покупки и т.д.). Конечно, определенные внешние обстоятельства способствуют этому: в частности, условия пандемии и всеобщей изоляции (карантина), которые были вызваны распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 г., наглядно показали, что человек может активно существовать и развиваться в виртуальном пространстве.

Данное положение выступает новеллой и некоторым вызовом для правовой сферы. Киберпространство перерастает в новую реальность, однако правовая регламентация данной сферы только развивается. Все больший интерес вызывают «цифровые (виртуальные) права» человека, набор, положение, регламентация и признание которых выступают актуальным аспектом как для представителей научных кругов, так и для практических деятелей.

Особенности правового регламентирования виртуального пространства

Цифровые права – феномен юридической сферы. Данное понятие имеет прямую взаимосвязь с виртуальным пространством. Оно представляет собой базу взаимодействия и деятельности в киберреальности, которая устанавливает определенные правила поведения, нормы, возможные санкции за их нарушения и т.д.

Во многих научных работах можно встретить синонимическое представление понятий «цифровые права» и «интернет-права», так как в настоящее время цифровое пространство функционирования общества и государства представлено сетью Интернет. Естественно, что цифровое право в первую очередь рассматривается как некоторое средство регулирования Интернета.

Модель построения и функционирования виртуального пространства не позволяет регламентировать отношения в данной среде классическими, традиционными моделями правовой регламентации. В частности, это связано со сложностями функционирования и восприятия субъектов киберпространства – их невозможно контролировать с помощью правовых норм в классическом понимании, так как сама виртуальная среда предопределяет некоторую скрытность, анонимность существования. Идентифицировать субъект (его пол, возраст, личность) в таких условиях довольно сложно [11].

Высокий уровень анонимности в виртуальном пространстве взаимосвязан и с повышенным интересом криминальных и противоправных субъектов и структур к данной сфере. В настоящее время можно говорить о функционировании теневого, криминального сектора Интернета – Darknet (данное понятие можно рассматривать по аналогии с теневым рынком в экономической сфере). Реализация кибератак, мошенничества, экстремистская и террористическая деятельность, распространение запрещенных веществ и предметов, а также материалов – все это успешно функционирует и развивается в виртуальном пространстве. Данный аспект накладывает отпечаток на реализацию возможных моделей правового регулирования киберпространства: в частности, в рамках ограждения обще-

ства от негативных проявлений и влияний виртуальной среды некоторые государства вынуждены реализовывать сложное, закрытое правовое регулирование данной сферы (в качестве примера можно привести Китай с закрытым Интернетом).

Второй особенностью виртуального пространства выступает масштабность. Данная сфера выходит далеко за рамки определенного государства (сеть Интернет имеет значение «всемирной паутины»). В связи с этим правовое регулирование киберпространства также выходит далеко за рамки традиционного национального законодательства. В данном направлении необходимо отметить важность международно-правового взаимодействия: так, международные нормы способны если не урегулировать взаимодействия в виртуальном пространстве во всем его объеме и многоаспектных проявлениях, то дать фундаментальные основы (основные идеи и принципы) правового положения личности, общества и государства в киберпространстве, на основе которых в дальнейшем возможно будет создать полноценное национальное законодательство.

Следующей особенностью виртуального пространства выступает высокая степень (темп) изменений и возможность влияния на данный процесс любого субъекта виртуального пространства посредством использования кодов (языков программирования). В отличие от реального (физического) мира изменения в киберпространстве зарождаются и реализуются молниеносно. Более того их направление и концепцию определяет не государство посредством политики, документов стратегического планирования и т.д., а обычные пользователи. Неоднократно как зарубежом, так и в России поднимаются идеи свободного Интернета (концепция, связанная с отсутствием правовой регламентации со стороны государства), так как правовое регулирование данного феномена выходит далеко за рамки классического понимания правового надзора со стороны государственных органов и должностных лиц. Подробно анализируя современные взаимоотношения в сети Интернет, можно отметить, что их регламентация формируется стихийно на основе некоторых традиций, обычаев, совокупности технических и социальных норм. В частности, администраторы сайтов и форумов создают и реализуют свои правила поведения и общения на конкретном интернет-ресурсе, за нарушение которых следуют и специфические санкции (например, блокировка, запрет доступа на определенное время и т.д.). С одной стороны, такая совокупность способов и методов регулирования поведения человека способствует достижению определенного уровня регламентации виртуального пространства. С другой стороны, такая хаотичность затрудняет выработку стандартного набора прав и обязанностей киберпространства, а также дает возможность субъектам виртуального пространства диктовать свои условия и правила, которые зачастую соотносятся с достижением личных интересов и целей таких субъектов [5, с. 16].

Зарубежный опыт развития цифровых прав

Рассматривая реализацию цифровых прав на основе европейского опыта, можно заметить, что основой, фундаментом европейского представления об институте цифровых прав выступают права на доступ

в Интернет. Данное благо имеет большое значение для европейских стран, так как современные тенденции массовой цифровизации и информатизации порождают необходимость иметь доступ в виртуальное пространство, обеспечение которого и рассматривается одним из ключевых направлений деятельности государства по реализации цифрового права.

Цифровые права – это права человека (непосредственно юридические права), которые позволяют физическим лицам реализовывать доступ и коммуникации в сети Интернет с помощью компьютеров или других электронных (технических) устройств. Помимо этого, концепция цифровых прав взаимосвязана обеспечением защиты личности и реализации других прав (таких как неприкосновенность, свобода слова, мнения, свобода выбора) в рамках виртуального пространства.

Отдельные эксперты и издания (например, журнал *La Civiltà Cattolica*) относят к цифровым правам (интернет-правам) большой объем классических прав и свобод человека и гражданина, такие как [10]:

- свобода выражения;
- конфиденциальность;
- свобода объединений;
- право на образование;
- права потребителей;
- право на самоопределение;
- права на культурное разнообразие и т.д.

Данный объем прав в европейском понимании относят к цифровым, так как они тем или иным образом имеют отношение (возможность реализации) к сети Интернет. С данной точки зрения можно наблюдать расширение действия классических прав, которые имеют возможность и реализуются, в том числе и в виртуальном пространстве. Назвать данный объем прав и свобод исключительно цифровыми не позволяет логика построения действующего законодательства и возможность их реализации за гранью киберпространства (причем в реальной жизни данные права реализуются намного чаще). Они скорее имеют основополагающий, расширенный характер реализации, образуя группу необходимого набора прав и свобод человека и гражданина, который является достаточным как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

А вот право на доступ в Интернет по своей сущности выступает исключительно цифровым. В отдельных государствах данное право зафиксировано в национальном законодательстве. Так, во Франции в 2009 году решением Конституционного совета право на доступ в Интернет было признано одним из основополагающих прав человека. В последующем было актуализировано законодательство, которое запретило ограничивать доступ к сети Интернет без судебного решения (правоохранительные органы утратили возможность самостоятельно перекрывать доступ к сети тем, кто продолжал скачивать незаконные материалы после предупреждений). В Греции право на доступ в Интернет регламентировано Конституцией (ст. 5А), которая гарантирует участие всего населения в информационном обществе (цифровая сфера рассматривается как составная часть информационного общества). В Испании правительство обязуется обеспе-

чить доступ в Интернет каждому гражданину государства по разумной цене [10].

Важность цифрового пространства и прав в данной сфере была отмечена на международной арене еще в 2001 году – принята Хартия прав Ассоциацией прогрессивных коммуникаций (АПК) в Интернете. Хартия не содержит чисто цифровые права, а направлена на реализацию положений Всеобщей декларации прав человека с учетом специфики киберпространства. Данный документ ретранслирует важность обеспечения следующих прав в виртуальном пространстве [10]:

- доступ в Интернет для всех;
- свобода слова и ассоциация;
- доступ к знаниям, совместное обучение и творчество – бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом и разработка технологий;
- конфиденциальность;
- наблюдение и шифрование;
- управление Интернетом;
- осведомленность, защита и реализация прав.

Таким образом, европейски опыт показывает не только направленность на принятие и выделение (обособление) исключительно цифровых прав (ярким примером здесь выступает право на доступ в Интернет), но и обеспечение реализации классического правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве.

Отечественный опыт развития цифровых прав

Оценивая современное положение российского законодательства, можно отметить, что цифровые права не только как самостоятельная отрасль, но даже легальная трактовка данного понятия как совокупности прав и обязанностей в сети Интернет в российском законодательстве отсутствует. В стратегических документах можно встретить понятие «цифровая экономика» (Стратегия развития информационного общества [3]), которая по своей природе связана с использованием цифровых технологий и реализацией в виртуальном пространстве, то есть в довольно тесной взаимосвязи она находится с реализацией цифровых прав.

Законодатель в 2019 году ввел в российское законодательство институт цифрового права. Однако смысловая нагрузка данного института и понятия не имеет никакого отношения к идеям правового положения человека и личности в виртуальном пространстве и к формирующейся в международном праве концепции цифровых прав [6, с. 49].

Необходимость введения понятия «цифровые права» в российское гражданское право изначально объяснялась стремлением найти более соответствующий отечественным правовым традициям термин. В частности, в пояснительной записке к законопроекту № 424632-7, ставшему впоследствии Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], которым в ГК РФ [1] и были введены цифровые права, специально подчеркивалось: «Проект вводит

в гражданское законодательство базовое понятие “цифровые права” (вместо термина “токен”, который изначально обозначает устройство для идентификации, а сейчас стал использоваться в IT-лексиконе для обозначения шифров, владение которыми дает в сети определенные возможности, предлагается отвечающее традициям российского права понятие “цифровое право”» [4]. Сущность цифровых прав как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 новой статьи 141.1 ГК РФ). Разумеется, цифровые права могут удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права [7, с. 10].

В научных кругах не то что понимание, а дифференциация цифровых прав в отдельную отрасль представляет собой спорный и неоднозначный вопрос. Наиболее популярна и распространена в настоящее время точка зрения противников самостоятельности цифровых прав. Приводя в пример доводы данного положения, обозначаются наиболее проблемные и актуальные вопросы [8, с. 6]:

– для выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли необходимо наличие специальных (самостоятельных) предмета и метода правового регулирования, которые у цифровых прав отсутствуют. Данная отрасль реализуется в специфической виртуальной сфере – цифровой реальности, но при этом выделять какие-либо специальные (отличительные) методы регулирования в данной сфере не приходится;

– цифровые права объединяет большое количество уже существующих норм из разных отраслей сложившейся российской правовой системы. Такая большая «распыленность» по другим отраслям также препятствует выделению цифровых прав в отдельную отрасль.

При этом цифровые права (интернет-права) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуются рядом особенностей [5, с. 16]:

– отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода;

– цифровые права объединяют предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.);

– цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер.

Заключение

Необходимость регламентации киберпространства и как следствие принятие и реализация цифровых прав predeterminedены современными условиям и активной цифровизацией и информатизацией. Как было выявлено, цифровые права в настоящее время выступают актуальными и не подчиняются классическим законам правового регулирования. Основное предназначение данной зарождающейся отрасли – это регламентация поведения в виртуальном (цифровом) пространстве.

Постепенно как в международном правовом пространстве, так и в национальном законодательстве реализуются попытки урегулирования виртуального пространства. Зарубежный опыт отражает направленность не только на принятие и выделение (обособление) исключительно цифровых прав, но и обеспечение реализации классического правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве.

В российских реалиях сформировалась неоднозначная и прагматичная ситуация: с одной стороны, в научных кругах доминирует положение противников выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли права, при этом законодатель интегрирует институт цифровых прав в гражданское законодательство как совокупность электронных данных, которые удостоверяют права на объекты гражданских прав. Данное положение осложняет и без того непростое отношение к пониманию и реализации цифровых прав в нашем государстве.

Список литературы

1. **Гражданский кодекс** Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. **О внесении** изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

3. **О Стратегии** развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 29.06.2021).

4. **Заключение** Правового управления, подготовленное к рассмотрению законопроекта в первом чтении (по поручению Совета Государственной Думы (протокол от 09.04.2018 № 111, пункт 66) [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Системы обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80410-7> (дата обращения: 29.06.2021).

5. **Васильев А.** Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15 – 18.

6. **Ибрагимова Ю. Э.** Устранение пробелов гражданского законодательства путем внедрения категории «цифрового права» // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 49 – 53.

7. **Рожкова М. А.** Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3 – 12.

8. **Рожкова М. А.** Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 5 – 11.

9. **Рожкова М. А.** Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovy_e_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse (дата обращения: 29.06.2021).

10. **Цифровые права** [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikichi.ru». URL: https://wikichi.ru/wiki/Digital_rights (дата обращения: 29.06.2021).

11. **Цифровые права** [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikipedia.org». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровые_права (дата обращения: 29.06.2021).

References

1. [The Civil Code of the Russian Federation: Feder. Law of November 30, 1994 No. 51-FZ], *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
2. [On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation: Feder. Law of March 18, 2019 No. 34-FZ], *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2019, no. 12, art. 1224. (In Russ.)
3. **available at:** <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (accessed 29 June 2021).
4. **available at:** <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80410-7> (accessed 29 June 2021).
5. **Vasil'yev A.** [The term "digital law" in the doctrine and legal texts], *Yurisl'ingvistika* [Jurislinguistics], 2019, no. 11, pp. 15-18. (In Russ.)
6. **Ibragimova Yu.E.** [Eliminating gaps in civil law by introducing the category of "digital law"], *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2019, no. 5, pp. 49-53. (In Russ.)
7. **Rozhkova M.A.** [Digital rights: public law concept and concept in Russian civil law], *Khozyaystvo i pravo* [Economy and law], 2020, no. 10, pp. 3-12. (In Russ.)
8. **Rozhkova M.A.** [Is digital law a branch of law and whether to expect the emergence of a digital code], *Khozyaystvo i pravo* [Economy and law], 2020, no. 4, pp. 5-11. (In Russ.)
9. **Rozhkova M.A.** [Digital rights (digital rights) - what is it and are they needed in the Civil Code], *Zakon.ru*, 2020. **available at:** https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kod_ekse (accessed 29 June 2021).
10. **available at:** https://wikichi.ru/wiki/Digital_rights (accessed 29 June 2021).
11. **available at:** https://ru.wikipedia.org/wiki/Tsifrovyye_prava (accessed 29 June 2021).

The Phenomenon of “Digital Rights” in the Context of Legal Regulation of Virtual Space

T. V. Plotnikova, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Special Training and Support,
National Security, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
plotnikova-tmb@mail.ru

V. V. Kharin, *Officer of the Security Department*,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
vadimka.va@mail.ru

In conditions of modern digitalization and informatization, the legal regulation of virtual space is one of the topical areas of activity for the state and practitioners, as well as researchers. In this direction, special attention is paid to the institution of digital rights. The digital space has a number of specific features (such as anonymity, scale, a high degree (rate) of changes and the possibility of influencing this process by any subject), which do not allow the implementation of “classical legal” models of regulation of this sphere. Digital rights in such conditions are considered not only as a universal means of regulation, but also as a mechanism for realizing the rights and freedoms of man and citizen in cyberspace. This

provision clearly reflects the European experience of regulating the digital space, which is aimed not only at the adoption and allocation of exclusively digital rights, but also to ensure the implementation of the “classical” legal status of a person and citizen in the virtual space. In Russian realities, a somewhat ambiguous situation has developed: on the one hand, the scientific community is dominated by the position of “opponents” of the allocation of digital rights as an independent branch of law, while the legislator integrates the institution of “digital rights” into civil law as a set of electronic data that certify the rights to objects of civil rights.

Keywords: digitalization and informatization; digital rights; virtual space; legislative regulation; foreign and domestic experience.

© Т. В. Плотникова, 2022

© В. В. Харин, 2022

Статья поступила в редакцию 29.06.2022

При цитировании использовать:

Плотникова Т. В., Харин В. В. Феномен «цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 3. С. 392 – 400. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.392-400